

68.3(2)47
Г15

В. З. ГАЛИЕВ

**ДЕКАБРИСТЫ
и
КАЗАХСТАН**

480397

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

В. З. ГАЛИЕВ

ДЕКАБРИСТЫ
И
КАЗАХСТАН

АЛМА-АТА

«Гылым»

1990

23.3(2)47

Г 15

Галиев В. З. Декабристы и Казахстан. — Алма-Ата: Гылым, 1990. — 152 с.

В предлагаемой книге на основе архивных и литературных материалов предпринята попытка рассмотреть связи декабристов с Казахстаном, их роль в исследовании исторического прошлого края, его географии, быта, связей с соседними народами, развития хозяйства.

Книга рассчитана на специалистов в области истории Казахстана и российского освободительного движения, студентов-историков, учащихся средних школ.

Ответственный редактор

член-корреспондент АН КазССР

М. Х. АСЫЛБЕКОВ

Научное издание

Галиев Виль Зайнуллович

ДЕКАБРИСТЫ И КАЗАХСТАН

Утверждено к печати Ученым советом Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР

Рецензенты: доктор ист. наук Н. А. Троицкий, кандидаты ист. наук И. В. Ерофеева, Т. К. Бейсембиеев.

Зав. ред. Л. Н. Дробжева.

Ред. Т. В. Сергеенко. Худ. ред. В. А. Ващенко.

Художник В. Н. Афуксениди. Техн. ред. Л. Ю. Уляницкая.

Корректор З. Н. Турсунова

ИБ № 3174

Сдано в набор 28.02.90. Подписано в печать 2.07.90. УГ11074.

Формат 84×108/32. Бум. тип. № 1. Литер. гарнитура. Высок. печать.

Усл. п. л. 7,98. Усл. кр.-отт. 8,24. Уч.-изд. л. 8,36.

Тираж 1500. Заказ 56. Цена 1 р. 50 к.

Издательство «Гылым»

480100, Алма-Ата, ул. Пушкина, 111/113

Типография издательства «Гылым»

480021, Алма-Ата, ул. Шевченко, 28

Г 0503020000—111
407(05)—90 12.90

ISBN 5—628—00578—9

© Галиев В. З.,
1990

480397

Галиев В. З.
Декабристы и Казахстан
1990
480397

ВВЕДЕНИЕ

Русское освободительное движение — весьма сложное явление в истории общественно-политической борьбы в Госсии. Под ним понимается прежде всего революционное движение, которое принято условно членить в зависимости от хронологического периода, уровня развития революционной идеологии, воздействия на общественно-политическую жизнь страны, на мировой исторический процесс¹.

В изучении истории общественного движения в России и национальных окраинах большое значение имеет вариант периодизации, предложенный В. И. Лениным, согласно которому первым этапом развития русского освободительного движения является период дворянский, примерно с 1825 по 1861 г. Он рассматривает движение декабристов как органичный элемент процесса революционного развития общества, во многом повлиявший на его последующее течение, этап, преемственно связанный с идеями Герцена и петрашевцев. Исходящий из этих позиций подход к проблемам советской историографии, рассматривающей декабристов как первых дворянских революционеров, которых объединяла идея вооруженной борьбы против абсолютизма и крепостничества, диаметрально противоположен принципам исследования этого движения дореволюционной исторической наукой, анализирующей его вне связи с развитием революционного процесса в России.

В дореволюционной историографии не нашло отражения влияние русского освободительного движения на

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 25. С. 93.

общественно-политическую жизнь национальных окраин. Однако некоторые сведения о пребывании политических ссыльных в казахстанских степях в дореволюционный период были опубликованы, например, в книге А. И. Дмитриева-Мамонова «Декабристы в Западной Сибири»². Автор очерков, бывший вице-губернатор Акмолинской области, имел в своем распоряжении материалы местных архивов, которые впоследствии были утеряны. Исследование вышло в свет в период революции 1905—1907 гг. и преднамеренно рассматривало декабристов как движение, индифферентное к идеологии, пребывание отдельных представителей его (С. Семенова и М. Муравьева-Аpostола) в Прииртышье освещало без связи с движением декабристов и учета общественной жизни в Казахстане. Этой тематики касается и известный исследователь Казахстана и Средней Азии Л. С. Берг³. В работе, посвященной региону Аральского моря, он упоминал имена декабристов В. Д. Вольховского и А. А. Жемчужникова.

В 1914 г. появилась публикация по истории Оренбургского тайного общества. Этот вопрос начал изучать декабрист В. Штейнгель, который со слов участника Оренбургского тайного общества В. П. Колесникова записал историю общества. П. Е. Щеголев отмечал, что В. Штейнгель «дал исторический комментарий и выдвинул злосчастный оренбургский эпизод в рамках истории общественного движения в России»⁴. Это — один из немногих источников, в котором связи русских революционеров в Казахстане затрагивались самими участниками событий. Разумеется, дореволюционные исследователи не ставили перед собой задачи проследить связи российского освободительного движения на национальных окраинах, в частности в Казахстане.

После Октябрьской социалистической революции история освободительного движения в России стала специальным предметом изучения: изданы монографии, посвященные истории декабристских организаций, анализу уровня их идеологии, выяснению исторических, географи-

² Дмитриев-Мамонов А. И. Декабристы в Западной Сибири: Исторический очерк. Спб., 1905.

³ Берг Л. С. Аральское море. Спб., 1908. С. 70.

⁴ Колесников В. П. Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату. Спб., 1914. С. 2.

фических и военных взглядов⁵. Причем анализ движения декабристов идет параллельно с изучением жизни и деятельности А. С. Пушкина. Эти два вопроса взаимообусловлены, и выявление личных и идеальных связей А. С. Пушкина и декабристов вполне закономерно. Важны были идеальные и личные взаимоотношения дворянских революционеров с великим русским поэтом.

В работах М. В. Нечкиной, В. В. Пугачева, И. В. Пороха, С. С. Волка, С. С. Ланды и других исследователей охарактеризованы важнейшие стороны движения декабристов⁶. В них научно обоснованы и проанализированы различные концепции его изучения, дана углубленная оценка этого явления. Таким образом, очевидно, что советская историческая наука исследует движение декабристов вглубь и вширь. Наиболее точно суть такого подхода выразил выдающийся историк, академик Н. М. Дружинин, считавший, что необходимо «разделить сложную проблему о декабристах на составные части и каждую отдельную тему подвергнуть обстоятельному анализу под новым теоретическим углом зрения»⁷. Это позволило также разработать вопросы связи декабристов с общественной жизнью в Польше, Грузии, Сибири и других национальных окраинах⁸.

⁵ Восстание декабристов: Библиография. М.; Л., 1929; Движение декабристов: Указатель литературы: 1928—1959. М., 1960; Движение декабристов: Указатель литературы: 1960—1976. М., 1983.

⁶ Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955; Т. 1, 2; Пугачев В. В. О специфике декабристской революционности // Освободительное движение в России: Межвузовский сборник. Саратов, 1971—1973. Вып. 1—3; Дружинин Н. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933; Порох И. Восстание Черниговского полка // Очерки по истории движения декабристов. М., 1954; Чернов С. Очерки по истории движения декабристов. Саратов, 1963; Окунь С. Б. Движение декабристов в советской исторической науке // Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Л., 1967. Ч. 1. С. 83—106; Ланда С. С. Дух революционных преобразований: Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов: 1816—1825. М., 1975; Эйдельман Н. Пушкин и декабристы. М., 1985.

⁷ Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев. М., 1933. С. 5.

⁸ Базанов В. Г. Декабристы в Кишиневе. Кишинев, 1951; Гаджиев В. Г. Декабристы на Кавказе // Вопросы истории Дагестана (Досоветский период). Махачкала, 1975. С. 7—50; Ольшанский О. Н. К вопросу о связях декабристов с польским освободительным движением // Из истории революционного движения в России в XIX — начале XX в. М., 1958. С. 192—225; Тарсаидзе Н. Г. Исторические этюды. Тбилиси, 1972; Фадеев А. Декабристы на Дону и Северном Кавказе. Ростов-на-Дону, 1955; Шатрова Г. П. Декабристы и Сибирь. Томск, 1962 и др.

Н. М. Дружинин был одним из первых советских исследователей, занимавшихся изучением пребывания декабристов в среднеазиатско-казахстанском регионе. Он выбрал конкретный сюжет — путешествие Н. Н. Муравьева в Туркмению и Хиву⁹. В основу работы была положена книга самого Н. Н. Муравьева, изданная еще в 1822 г.¹⁰

Развивая традиции изучения движения декабристов, А. И. Федосов, М. Д. Рабинович, С. Я. Штрайх, И. Матвеевский в ряде своих статей писали об Оренбургском тайном обществе¹¹.

М. И. Фетисов на основе анализа декабристских произведений, пытался выявить истоки интереса декабристов-литераторов к Казахстану¹². Но отсутствие фактического материала сделало анализ неубедительным. Позднее этого вопроса касались также: Э. А. Масанов, В. Г. Карцов, Н. А. Халфин, Л. В. Варшавский и другие исследователи¹³.

С изданием «Сочинений и писем» А. О. Корниловича советской научной общественности стали известны две статьи по вопросу о русско-среднеазиатской торговле. Анализу этих статей посвящена работа Г. Н. Чаброва¹⁴.

Серию статей о декабристиах в Западной Сибири опу-

⁹ Дружинин Н. М. В страну узбеков и туркмен. Л., 1927.

¹⁰ Муравьев Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах. М., 1822. Ч. 1, 2.

¹¹ Федосов А. И. Революционное движение в России во второй четверти XIX века. М., 1958. С. 53—58; Рабинович М. Д. Декабристы в Башкирии и Оренбургском крае // Материалы научной сессии, посвященной 400-летию добровольного присоединения Башкирии к России. Уфа, 1958. С. 147—177; Он же. Новые данные по истории Оренбургского тайного общества // Вестник АН СССР. 1958. № 7. С. 106—113; Штрайх С. Я. Прокурор Завалишин. М., 1928; Матвеевский Н. Е. К вопросу о революционной ситуации 20-х годов XIX века и отзывах движения декабристов в Оренбургском крае // Учен. зап. Чкаловского государственного пединститута. Чкалов, 1952. Вып. 6. С. 215—250.

¹² Фетисов М. И. Русско-казахские литературные отношения в первой половине XIX века. Алма-Ата, 1959. С. 95—119.

¹³ Масанов Э. А. Очерк истории изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966. С. 92—97; Карцов В. Г. Организация управления народов Сибири и декабристы // Учен. зап. Калининского госпединститута. Калинин, 1962. Т. 26. С. 118—134.

¹⁴ Чабров Г. Н. Записки декабриста А. О. Корниловича о расширении русской торговли со Средней Азией // Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина. Ташкент, 1960. Вып. 152.

близковала О. С. Тальская. В них частично затрагиваются вопросы пребывания декабристов и в казахском крае¹⁵.

Попытки анализа связей декабристов в Казахстане предпринимали К. Ш. Киреева-Канафиева и Г. С. Сапаргалиев, В. Д. Дьяков. Однако в их монографиях и статьях вопрос только затрагивался и рассматривался на основе привлечения крайне узкого круга опубликованных материалов¹⁶. Нужны были специальные архивные разыскания.

В этот период декабристская тема в истории Казахстана начала подниматься в диссертационных работах, но на уровне ее разработки и здесь сказалось отсутствие источников¹⁷. По данному вопросу имеется и несколько газетных статей, в основном обобщающего характера¹⁸.

Довольно значительный объем публикаций может создать впечатление о достаточной исследованности вопроса, однако это лишь свидетельство роста интереса к теме. Как отмечала М. В. Нечкина, по существу не изучена роль декабристов в жизни народов Казахстана и России. Данный аспект, по ее мнению, необходимо исследовать на

¹⁵ Тальская О. С. Декабрист Ф. Г. Вишневский // Урал. 1960. № 12. С. 177—179; Она же. Декабристы на Алтае // Из истории Западной Сибири: Сб. статей. Кемерово, 1966. С. 124—137; Она же. Декабрист Семенов в Алтайской ссылке // Алтай. 1968. № 1. С. 130—133; Она же. Члены тайного общества военных друзей в Сибири (1825—1857) // Советское славяноведение. 1971. № 4. С. 20—25; Она же. Ссыльные декабристы против крепостничества и самодержавия // Вопросы истории СССР. Барнаул, 1974. С. 39—68.

¹⁶ Сапаргалиев Г. С. Карательная политика царизма в Казахстане. Алма-Ата, 1963; Киреева-Канафиева К. Ш. Дореволюционная русская печать о Казахстане. Алма-Ата, 1963. С. 17—18; Сапаргалиев Г. С., Дьяков В. А. Общественно-политическая деятельность польских патриотов в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1971; Дьяков В. А. Польская ссылка эпохи декабризма // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1978. Вып. 1. С. 110—124.

¹⁷ Галиев В. З. Влияние политических ссыльных на культурную и общественно-политическую жизнь Казахстана в XIX — начале XX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1965. Она же. Влияние освободительного движения в России на общественно-политическую жизнь Казахстана в первой половине XIX века (Аннотированный указатель литературы). Алма-Ата, 1970; Духин Я. К. Освободительное движение в России в 20—60-х годах XIX века и Казахстан: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1968. С. 7—12; Асашинов М. А. Декабристы — исследователи Казахстана // Вестник АН КазССР. 1969. № 3. С. 44—51.

¹⁸ Духин Я. Декабристы в Казахстане // Ленинский путь. 1965. 22 декабря; Дильмухамедов К. У истоков великой дружбы // Казахстанская правда. 1963. 15 августа и т. д.

местном материале¹⁹, что обусловливало необходимость углубленного анализа общественно-политического развития региона в данный период.

Политическое и социально-экономическое развитие Казахстана 20—30-х гг. XIX в. получило освещение в работах большого круга исследователей²⁰. В них раскрыты родорасселение казахов, развитие сельского хозяйства, домашних промыслов, ремесла и торговли. Они дают возможность выработать адекватные представления о политической структуре казахского общества, характере процесса присоединения Казахстана к России.

Исследование связей декабристов в Казахстане позволяет на примере конкретного региона показать отношение к проблемам национальных окраин, участие в общественной жизни восточных областей, отношение декабристов к международной и межнациональной проблематике.

Важнейшим условием выработки полного представления о характере связей дворянских революционеров с регионом является также изучение их ближайшего окружения в Казахстане. Этим вызвано обращение автора к анализу научной деятельности А. И. Левшина и Г. С. Карелина в казахском крае.

Относительное расширение тематики исследования, включение в его орбиту материалов, посвященных Г. С. Карелину и А. И. Левшину, политическим ссылкам, чья деятельность непосредственно не связана с декабристским движением, обусловлены стремлением проследить связи декабристских организаций с революционным процессом, выявить особенности русско-казахских отноше-

¹⁹ Исторические записки. М., 1975. Т. 96. С. 17.

²⁰ Шахматов В. Ф. Внутренняя орда и восстание Исатая Тайманова. Алма-Ата, 1946; Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1957; Зилинов С. З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата, 1958; Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX в. М., 1960; Востров В. В., Муканов М. С. Родорасселение казахов в конце XIX — начале XX вв. Алма-Ата, 1968; Семенюк Г. И. Проблемы истории кочевых племен и народов периода феодализма (на материалах Казахстана). Калинин, 1974; История Казахской ССР: В 5 т. Алма-Ата, 1979. Т. 3; Бекмаханова Н. Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии: Последняя четверть XVIII — 60-е гг. XIX в. М., 1980; Сулейменов Р. Б. Внешнеполитические связи Казахстана XVI—XVIII вв. в советской историографии // Казахстан, Средняя и Центральная Азия в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1983; Касымбаев Ж. К. Под надежную защиту России. Алма-Ата, 1986.

ний 20—30-х г. XIX в., тех процессов, которые происходили в казахском крае. Объективное исследование проблемы невозможно без анализа изменений, происходивших в Казахстане, и понимания этого процесса декабристами.

Работа написана на основе опубликованных и неопубликованных источников. В первую очередь были выявлены опубликованные произведения декабристов о Казахстане и Средней Азии. Они разнообразны по характеру. Это и дневниковые записи, и письма, и различные записки. Среди них материалы П. И. Пестеля²¹, В. Д. Вольховского²², И. Завалишина²³, А. О. Корниловича²⁴, Н. Н. Муравьевса²⁵, М. И. Муравьева-Апостола²⁶, Г. С. Караблина²⁷.

Важной составной частью явились разыскания архивных источников, так как материалы, затрагивающие историю декабристского движения, рассредоточены по разным архивам. Тем не менее основным источником информации по данной проблеме следует считать фонды Центрального государственного архива Октябрьской революции СССР (ЦГАОР). Так, в фонде 48 (следственные дела декабристов) отложились материалы о ходе допросов по делу декабристов. Особый интерес вызывают дела В. Д. Вольховского, А. О. Корниловича, А. А. Жемчужникова, М. И. Муравьева-Апостола. В фонде 109 (III отделения) имеются материалы по надзору над ссыльными декабристами. Такие сведения помогают уяснить места ссылки, положение декабристов, их образ жизни.

Центральный государственный военно-исторический архив СССР (ЦГВИА СССР) в составе своих фондов хранит многочисленные отчеты, записки, обзоры и кар-

²¹ Восстание декабристов. М., 1958. Т. 8.

²² Вольховский В., Дюгамель А. Топографический журнал про странства киргизской степи между Каспийским и Аральским морями экспедиции с 1825 по 1826 год // Первые русские научные исследования Усть-Урта. М., 1963. С. 87—113.

²³ Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1967. Т. 3.

²⁴ Корнилович А. О. Сочинения и письма. М.; Л., 1957.

²⁵ Муравьев Н. Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах гвардейского Генерального штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М., 1822. Ч. 1—2.

²⁶ Муравьев-Апостол М. И. Воспоминания и письма. М., 1922.

²⁷ Караблин Г. С. Путешествие по Каспийскому морю // Записки рус. геогр. об-ва. Спб., 1883. Т. 10 и др. работы; Липский В. И. Флора Средней Азии. Спб., 1905. Т. 3.

ты, составленные офицерами, служившими в Казахстане, среди них и материалы В. Д. Вольховского и А. А. Жемчужникова. Здесь сохранилось несколько карт В. Д. Вольховского, дневниковые записи поездок по казахским степям. Обнаружена интересная рукопись А. А. Жемчужникова о внутриполитическом положении в Младшем жузе, взаимоотношениях казахов со среднеазиатскими ханствами.

В архиве Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) имеется специальный фонд документов В. Д. Вольховского (ф. 512). И хотя большинство материалов не имеют отношения к казахскому краю, однако именно здесь хранятся интересные данные, например, послужной список декабриста.

Материалы государственных архивов Оренбургской, Омской областей и Центральный государственный архив КазССР содержат множество конкретных материалов о положении Казахстана периода пребывания здесь декабристов. Структура и функции административных органов, состояние регионов, персоналии служащих, общавшихся с кругом декабристов, помогают глубже выявить связи дворянских революционеров в казахском крае. В Оренбурге и Алма-Ате сохранились материалы о Г. С. Карелине, в Омске о пребывании М. И. Муравьева-Апостола в Бухтарминской крепости.

В архиве АН СССР выделен специальный фонд (157) Г. С. Карелина. Здесь множество документов о научной деятельности путешественника и естествоиспытателя в казахском крае, о широком круге его связей, в том числе с декабристом В. Д. Вольховским.

В отделе рукописей Государственной библиотеки СССР в фонде Г. С. Батенькова обнаружены его дневниковые записи, составленные во время поездки по городам и станицам Прииртышья. В фонде Корсаковых обнаружены многочисленные письма С. Г. Карелиной — дочери известного исследователя казахского края.

Архивные разыскания по данной теме были сделаны в Барнауле, Уфе, Казани, в Ленинграде. Однако ничего нового не было обнаружено. Необходимы дальнейшие разыскания в ЦГВИА СССР и в ЦГИА СССР. Эти два архива нуждаются в более детальном изучении, что позволит расширить источниковую базу исследований. Учитывая современное ее состояние и исходя из многоаспектности проблемы, автор считает нужным заявить, что его

работа, ряд положений которой носит постановочный характер, не является исчерпывающей, так как затрагивает лишь определенный круг вопросов. Здесь сделана попытка показать места пребывания декабристов в Казахстане, проанализировать, с точки зрения обусловленности ее основными принципами декабризма, их общественную и просветительскую деятельность в регионе, воссоздать окружение декабристов в казахском крае.

Г л а в а I

ГРАЖДАНСКАЯ И ВОЕННАЯ СЛУЖБА ДЕКАБРИСТОВ В КАЗАХСТАНЕ ДО ВОССТАНИЯ

Восстание декабристов было первым революционным выступлением в России. К его изучению обращено внимание ученых, исследующих характер движения, уровень идеологии, влияние его на развитие антимонархических, антифеодальных взглядов в прогрессивно настроенных слоях общества, практическую деятельность связанных с этим движением исторических личностей.

Одним из организаторов восстания 14 декабря 1825 г., принимавших в нем непосредственное участие, был Гавриил Степанович Батеньков (1793—1863), подполковник корпуса инженеров путей сообщения, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Документы свидетельствуют — он был хорошо осведомлен о плане государственного переворота, во время совещаний у К. Ф. Рылеева внес несколько ценных предложений по его организации, пытался привлечь на сторону восставших М. М. Сперанского.

Г. С. Батеньков примикиал к демократическому крылу Северного общества декабристов, хотя и вступил туда официально незадолго до восстания. Он был сторонником государственного переворота, числился среди тех, кто должен был предложить сенату подписать манифест.

От активного участия в событиях на Сенатской площади Г. С. Батеньков не отрекался никогда, хотя у него и не хватило сил идти с восставшими до конца. Когда стало ясно, что восстание проиграно, он явился в Управление путей сообщения и принес присягу Николаю I. Но на следствии Г. С. Батеньков вел себя мужественно, не пытаясь смягчить свою роль. Об этом свидетельствует его

заявление: «В предприятии, плане его, цели покушения — во всем я принимал великое участие»¹.

Захват власти Г. С. Батеньков считал «опытом революции политической». Однако это событие он мыслил в более широких масштабах, был сторонником привлечения народных масс к восстанию, но его проекты не были приняты. После государственного переворота Г. С. Батеньков предполагал созвать Великий собор с участием депутатов из губерний². Декабристы планировали назначить его кандидатом в состав Временного правительства и правителем дел во Временную правительенную думу.

Непосредственное и активное участие Г. С. Батенькова в восстании и его подготовке в ходе следствия подтвердили многие декабристы:

Рылеев К.: «Я и оба Бестужева — Николай и Александр — давно имели намерение принять Батенькова в общество, полагая, что он будет очень полезен оному как своим дарованием, так и по месту, которое он занимал при графе Аракчееве; и потому мы старались с ним сблизиться»³.

Бестужев А.: «... помогал он мнениями насчет будущего устройства»⁴.

Трубецкой С.: «.. к цели сей он содействовал своими разговорами и советами»⁵. Он подчеркивал активность и сознательность действий Г. С. Батенькова: «Не знать же о решительном намерении поднять полк он не мог, ибо видел Рылеева, своего приятеля Штейнгеля, Якубовича и, наконец, меня, который ему о том сказал»⁶.

Приведенные показания руководителей восстания К. Рылеева, А. Бестужева, С. Трубецкого позволяют судить о той роли, которую Г. С. Батеньков играл в декабристской организации Северного общества.

Во время следствия Г. С. Батеньков дал блестящую оценку событиям 14 декабря 1825 г. Он заявил: «Покушение 14 декабря — не мятеж, ... но первый в России опыт революции политической, опыт почтенный в бытоописа-

¹ Карцов В. Г. Декабрист Г. С. Батеньков. Новосибирск, 1965. С. 141.

² Нечкина М. В. День 14 декабря 1825 года. М., 1975. С. 56, 61.

³ Восстание декабристов: Документы. М., 1976. Т. 14. С. 66.

⁴ Там же. С. 43.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 69.

нии и в глазах других просвещенных народов»⁷. Следственная комиссия заключила: «Батеньков, при первых докладах не сознаваясь в принадлежности к тайному обществу, усиливаясь самые сношения его с главнейшим членами и рассуждения о предметах, до общества относящихся, представить в превратном виде к закрытию и тинь; напротив того, многие показания доказывают и только принадлежность его к обществу, но и живейшее участие в совещаниях»⁸.

Г. С. Батеньков в разные годы был тесно связан с Сибирью, где прошли его детские годы, где после окончания Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов (в 1816 г.) начинал он свою службу в качестве офицера корпуса инженеров путей сообщения, а вскоре стал с трудиником М. М. Сперанского, генерал-губернатора Сибири⁹. Здесь же, в канцелярии генерал-губернатора работал сибирский просветитель П. А. Словцов, который изменил историю и быт казахов¹⁰ и оказал определенное влияние на Батенькова, как на будущего исследователя.

Деятельность Г. С. Батенькова в Сибири и Приильменье совпала с реформированием этого края.

В 20—30-х гг. XIX в. значительная часть территории Казахстана, в частности Среднего жуза, принадлежала Сибирскому ведомству. Граница проходила по степной части бассейна р. Иртыша до оз. Зайсан, далее по р. Чу, Сарысу, Убагана, а на севере до Ишима, Тобол, Уйя, Жилана, Чертанлыка. По разграничению 1782 г. Сибирскому губернаторству отходили земли по линии от Звериноголовской крепости по реке Тоболу, далее на юг. С 1822 г. Средний жуз получил новое административное деление и вошел в состав Западно-Сибирского губернаторства с центром в Тобольске, а затем в Омск. Тогда же была создана Омская область, куда вошли территории 12 округов с казахским населением. Казахски-

⁷ Избранные социальнополитические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 185.

⁸ Восстание декабристов. Т. 14. С. 129.

⁹ Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М. Сперанского в Сибири в 1819 по 1822 г. Спб., 1872. Т. 1. С. 6.

¹⁰ Бессталова Л. Сибирский просветитель. Свердловск, 1973; Проповедник Тобольской семинарии в 1793—1794 годах (Материалы для биографии П. А. Словцова) // Памятники новой русской истории: Сборник исторических статей и материалов. Спб., 1873. Т. С. 401—402; Уткин В. Предшественник: Связь времен. М., 19 С. 20—32; Словцов П. А. Историческое описание Сибири. Спб., 18 Ч. 1; Спб. 1844. Ч. 2.

население Среднего жуза стало именоваться сибирскими киргизами. Эта территория охватывалась понятием «Сибирь».

Декабрист Д. Завалишин писал об этих краях: «...надо сознаться, что тут был недостаток в правильном, полезном наблюдении над внутренними условиями, из которого можно было бы извлечь существенную пользу и для России»¹¹. Управление огромной территории казахской степи, подчинение которой России все еще было номинальным, требовало перестройки в общероссийском духе¹². Нужно было покончить с феодальной раздробленностью в казахской степи, ликвидировать социальные институты средневековья, создать условия, способствующие более тесным экономическим связям казахского края с Россией.

С 1819 г. Г. С. Батеньков становится ближайшим помощником М. М. Сперанского — автора плана административной реформы Сибири. В том же 1819 г. во время переезда нового сибирского губернатора к месту службы Г. С. Батеньков выехал для встречи его в Тобольск, оттуда — в Омск. В их честь в степи у казахов было устроено празднество¹³.

Характер деятельности Г. С. Батенькова в Прииртышье и казахских землях нельзя понять без ясного представления о личности М. М. Сперанского и о тех целях, которые он перед собой ставил в процессе осуществления разработанного им плана административной реформы Сибири, преобразования государственного устройства Российской империи. По определению В. А. Калягина, М. М. Сперанский, «стремясь к предотвращению господства буржуазии, пытался противопоставить ему не господство «стародворянского» уклада, не феодальную монархию, а государственную организацию, которая бы учитывала факт развития капитализма в стране. Он хотел законсервировать планируемую им социальную организацию с помощью тех самых сил, которые неизбежно должны были бы сломать ее при дальнейшем развитии. В то же время утопия Сперан-

¹¹ Завалишин Д. Письма о Сибири // Московские ведомости. 1864. № 217.

¹² Прутченко С. Сибирские окраины: Областные установления, связанные с сибирским учреждением 1822 г., в строем управления русского государства: Историко-юридические очерки. Спб., 1899. С. 400.

¹³ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Спб., 1861. Т. 2. С. 195.

ского — идеологическое отражение общественных интересов новой социальной группы — бюрократии»¹⁴.

М. М. Сперанский пытался практически осуществить свои реформы, используя положение при дворе Александра I. В течение нескольких лет (с 1808 по 1812 гг.) он входил в ближайшее окружение царя. В этот период в 1810 г., по его инициативе был учрежден Государственный совет. Реформы М. М. Сперанского носили либеральный характер, преследовали цель создания более благоприятных условий для политического и экономического развития России¹⁵. Перед началом Отечественной войны 1812 г., в угоду крепостникам, М. М. Сперанский был сослан, но затем он снова поднялся, а с 1819 г. был назначен сибирским генерал-губернатором. По мнению декабриста Н. Тургенева, «Сперанский был одним из передовых людей своей эпохи, но имел невысокий моральный уровень, малодушный характер»¹⁶.

М. М. Сперанский был знаком с некоторыми членами декабристских организаций. Это обстоятельство зафиксировано даже в его официальном жизнеописании. По сведениям М. А. Корфа, он «действительно состоял в близких отношениях к Перетцу...»¹⁷. Батеньков был настолько близок к Сперанскому и уверен в прогрессивности его взглядов, что в день восстания на Сенатской площади вместе с А. О. Корниловичем явился к нему в дом и предложил войти в состав Временного правления. Известно, что на это предложение Сперанский ответил отказом¹⁸.

М. А. Корф писал о взаимоотношениях Г. С. Батенькова и М. М. Сперанского: «оставя Батенькова при себе, он взял его с собой в Томск и Иркутск, и наконец при выезде из Сибири, и в Петербург»¹⁹. Сам Батеньков так характеризовал этот период своей жизни: «О (Сперанский — В. Г.) с первого свидания полюбил меня, и с этого времени моя жизнь получила особое направление. Мы обратились в Иркутск, он начал употреблять

¹⁴ Калягин В. А. Политические взгляды М. М. Сперанского. Саратов, 1970. С. 47—48.

¹⁵ Сперанский М. М. Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 24.

¹⁶ Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 1915. Т. 1. С. 382.

¹⁷ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Спб., 1861. Т. С. 102.

¹⁸ Семевский В. И. Политические и общественные идеи декабристов. Спб., 1909. С. 496.

¹⁹ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1. С. 194.

меня в дела и действительно обратил в юриста. Практика и образцовые творения сего мужа были для меня новым источником учения: я сделался знатоком в теории законодательства и стал надеяться достигнуть первых гражданских должностей»²⁰.

В августе—сентябре 1819 г. Г. С. Батеньков сопровождал М. М. Сперанского в поездке по Алтаю, по городам и укреплениям Иртышской линии. Об этой поездке он писал в письме к Елагиным 6 июня 1819 г.: «Имея честь приобрести его (Сперанского — В. Г.) внимание, я приглашен сопутствовать ему при обозрении Сибири в качестве окружного начальника путей сообщения. Грех было бы упустить такой случай, ибо это и благодарность, и надежды лучшего требуют»²¹.

В это время Г. С. Батеньков занимался также изучением состояния Колывано-Воскресенских заводов, обобщал данные об их выработке, количестве рабочих и мастеровых²². Такая работа имела большое значение. Колывано-Воскресенские (Алтайские горные заводы по-прежнему, как и во второй половине XVIII в., все еще пользовались общероссийской славой как центр добычи серебра. Богатые доходы давали Зыряновский и Риддерский рудники. Огромное количество руды (по масштабам того времени) привозилось и из других мест. Однако признаки упадка проступали явственно, что было естественно: разложение российского феодализма постепенно переходило в кризис.

Алтайские заводы давали в год до 1 000 пудов серебра, до 72 334 пудов свинца. На Колывано-Воскресенских заводах и рудниках работали 16 540 рабочих, 119 горных офицеров и 119 унтершихтмайстеров.

Собрал Батеньков и данные о соледобыче: на Коряновском, Бурлинском, Таволжанском озерах добыто было за 10 лет 940 тыс. пудов соли²³.

Во время поездки Г. С. Батеньков и М. М. Сперанский посетили в верховье Иртыша населенные пункты, рудники. Г. С. Батеньков занимался сбором самых разнообразных сведений о городах Сибирской линии,

²⁰ Восстание декабристов. Т. 14. С. 94.

²¹ Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толля. М., 1936. С. 104.

²² Рукописный отдел Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина (далее РОБЛ), ф. 20, к. 2, д. 13, л. 11; к. 4, д. 18; л. 1.

²³ Карцов В. Г. Декабрист Г. С. Батеньков. С. 66, 68.

о жизни казахского населения. Так, о Бухтарминской крепости он писал: «Казаки занимаются наиболее рыбным промыслом, который доставляет им иногда больше выгоды, скотоводство посредственное, а хлебопашество имеют очень немногие, пчел вовсе не имеют, зверя промышляют тоже редко, много есть бедных»²⁴, точно характеризуя быт ее населения.

Из дневника М. М. Сперанского точно известно, что с 28 по 31 августа Батеньков и Сперанский находились в Семипалатинске²⁵. Оставленное Батеньковым описание этого города настолько подробно, что дает представление и об основных занятиях жителей, и о состоянии городского хозяйства. По его наблюдениям, в городе 23 улицы, мост через реку, одна церковь, 414 домов, три кожевенных завода, две кузницы, три магазина, всего жителей 1185 человек, причем «здесьние казаки беднее бухтарминских. Хлебопашеством занимаются немногие скота мало, пчел очень мало, одни надежды на рыбный промысел...»²⁶.

Такой же детализацией отличаются и данные им характеристики других сибирских городов (Омска, Ялуторовска, Кургана, Ишима).

По всему течению Иртыша были разбросаны станицы, редуты и пикеты Сибирского казачьего войска. На Сибирской линии находились и военные поселения, которые П. М. Капцевич, генерал-губернатор Западной Сибири, командующий отдельным сибирским корпусом начал насаждать у сибирских казаков, в частности, на Пресногорьковской и Иртышской линиях. Было приказано выделить четвертую часть строевых и столько же резервных казаков из каждого эскадрона, всего по 58 чел., для занятия земледелием. Эти люди должны были вспахивать и засевать 112 десятин земли на каждый эскадрон и тем самым обеспечивать казаков пшеницей, лошадей — овсом. В предписании особо оговаривалось, что казаки-земледельцы не имеют права оставлять военную службу. Для них по одному образцу были построены конюшни, сборные избы, гауптвахты, цейхгаузы. Все было выкрашено в один цвет. При въезде в станицу стояли полосатые шлагбаумы с часовым-каза-

²⁴ РОБЛ, ф. 20, к. 2, д. 13, л. 11.

²⁵ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. С. 225.

²⁶ РОБЛ, ф. 20, к. 2, д. 13, л. 11; к. 4, д. 12, л. 6—9.

ком в форме регулярного улана²⁷. Полтора десятилетия держалась эта система предписаний, окрика, наказаний²⁸. Казачество разорялось. Казаки оказывали сопротивление: плохо ухаживали за посевами, портили выращенный хлеб, уничтожали его, совершили побеги с линий.

Начало всех этих аракчеевских порядков и видел Г. С. Батеньков. Он писал: «Военные поселения представили мне страшную картину несправедливостей, притеснений, наружного обмана, низостей — все виды деспотизма... Зрелище военных поселений в Западной Сибири, угнетаемой самовольным и губительным управлением, общее внутреннее неустройство, общие жалобы, бедность, упадок и стеснение торговли, учения и самих чувств возвышенных, неосновательность и бездействие законов, несуществование истинной полиции — все с одной стороны располагало не любить существующий порядок, с другой же — думать, что революция близка и неизбежна»²⁹.

В поездках по Сибири у Г. С. Батенькова возникла необходимость в изучении переселенческого дела в практических целях, приобщения многочисленных народов Сибири, Алтая, Прииртышья к земледельческой культуре, расширения взаимоотношений их с русскими переселенцами-казаками. К этим вопросам декабрист стремился привлечь внимание общественности страны. Истории заселения Сибири вообще и Иртышской линии, в частности, Г. С. Батеньков уделил значительное внимание, так как, по его мнению, именно заселение и экономика являлись главными факторами ее общей истории. Для XVII—XVIII вв. он выделял три периода хозяйственного освоения Сибири — звероловный, торговый и горнозаводской. Таковы были в его представлении общие моменты периодизации процесса заселения. Действительно, состояние земледелия и оживление экономической жизни к началу XVIII в. на Алтае и в Прииртышье определили первый этап складывания русского поселения, который длился до середины XVIII в. Во введении «Записок о заселении Сибири» прямо сказано, что с конца XVI в.

²⁷ Петров В. И. Из истории военных поселений на территории Казахстана // История, философия, экономика. Алма-Ата, 1962. С. 148.

²⁸ Путинцев Н. Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска. Омск, 1891. С. 117.

²⁹ Восстание декабристов. Т. 14, С. 95.

«слух и поиски несметных богатств» привлекали в Сибирь и «завоевателей и беглецов»³⁰.

Следовательно, Г. С. Батеньков различал в позднефеодальный период вольнонародную, принудительную и смешанные формы колонизации. По его мнению, первый этап формирования русского населения Сибири (конец XVI — середина XVIII в.) определяли самовольная и смешанная формы заселения, так как «ссылька почты никогда не содействовала поселению края», которое началось с 60-х гг. XVIII в.

Понятия «завоевание» и «заселение» нередко употребляются им как синонимы. Поэтому, описывая первые четыре «рода» казаков, Г. С. Батеньков постоянно подчеркивает, что география расселения пришлого русского населения Сибири и темпы его прироста были обусловлены процессом становления южных границ и взаимоотношениями с казахами³¹. Надо отметить, что в вопросах колонизации Сибири Г. С. Батеньков придерживался либерально-просветительских взглядов. Ему была свойственна вера в иллюзию разумной власти, возможности правильных реформ «сверху»³².

Особое внимание Г. С. Батеньков уделял изучению хозяйства, политического строя и обычаяев казахов. Ему принадлежит замечательная работа «О занятии Средней киргизской орды»³³. К сожалению, современному читателю она не известна. Поиски ее в фонде материалов Г. С. Батенькова, что хранятся в рукописном отделе библиотеки им. В. И. Ленина, не дали результатов, не обнаружена она и в других архивах. Сохранилась другая важная рукопись «Об управлении Сибирью»³⁴.

Учитывая национальное разнообразие народов Сибири, Средней Азии, Г. С. Батеньков написал специальную работу «Мысли о факультете этнографическом в русских университетах». Различие рас, по мнению декабриста, не должно было служить тормозом к развитию знаний у инородцев³⁵.

³⁰ *Выкона Г. Ф. Взгляды Г. С. Батенькова на русское заселение Сибири в XVII—XVIII вв.* // Декабрист и Сибирь. Новосибирск, 1977. С. 68.

³¹ Там же. С. 70.

³² *Выкона Г. Ф. Указ статья.* С. 71.

³³ *Снытко Т. Г. Г. С. Батеньков-литератор* // Литературное наследство. М., 1956. Т. 60, кн. 1. С. 318.

³⁴ РОБЛ, ф. Батенькова, к. 5, д. 9.

³⁵ РОБЛ, ф. 20, к. 5, д. 18, л. 1—10.

Интерес Г. С. Батенькова к казахскому краю, помимо практической необходимости, вызывался еще и тем, что он очень рано начал изучать язык «тюрки» — язык деловой письменности, сношений русской администрации с казахами и среднеазиатскими народами³⁶. О своем детстве Батеньков вспоминал: «Писать начал вдруг, сам, без приготовления... и едва ли не прежде всего татарскими буквами»³⁷. Юношескому увлечению тюркскими языками способствовало, вероятно, общение с тюркологом Тумановым, в доме которого он часто бывал, когда учился в Тобольском военно-сиротском отделении. Предопределила его интерес к этим языкам и встреча с прекрасными учителями — знатоком татарского языка ссылочным Салтыковым и с преподавателем Тобольского народного училища Сейфулиным, о котором Г. С. Батеньков писал: «Страстный и прилежный охотник к преподаванию своего родного языка, умевший внушить к нему старание, так что некоторые его ученики, из бывшего тогда главного народного училища, уезжали на вакационное время в юрты для разговора, чём, однако, я никогда не мог воспользоваться»³⁸.

Г. С. Батеньков специально занимался изучением истории Азии и восточных народов. Его работы о египетских письмах, о Магомете и его Аль-Корани свидетельствуют о широте исторических взглядов исследователя, о том интересе, который проявил декабрист не только к казахам, но и к их религии³⁹. В отношении религии Г. С. Батеньков стоял на позиции веротерпимости, предлагая разрешить тюркским народам и, в частности, казахам, свободу богослужения по принятым обычаям и законам мусульманства.

Ярким фактом биографии Г. С. Батенькова является его участие в составлении «Устава о сибирских киргизах» 1822 г.⁴⁰, автором которого принято считать М. М. Сперанского. Как свидетельствуют источники,

³⁶ Бородавкин А. П., Шатрова Г. П. Декабрист Г. С. Батеньков. Томск, 1960. С. 7.

³⁷ Батеньков Г. С. Данные: Повесть о собственной жизни // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1933. Т. 2. С. 100—101.

³⁸ Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. С. 100—101, 160.

³⁹ Декабристы. М., 1955. С. 226, 326.

⁴⁰ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 38. С. 417—433.

Г. С. Батеньков провел большую работу по сбору и обобщению материала, легшего в его основу. По мнению М. А. Корфа, которого вряд ли можно заподозрить в особой симпатии к ссыльному декабристу, «Устав о сибирских киргизах» составлен Г. С. Батеньковым⁴¹. Н. Ф. Дубровин, занимавшийся во второй половине XIX века изучением периода царствования Александра I на основании разнообразных данных, в том числе сведений, сообщенных самим Батеньковым, утверждает «Общие вопросы сибирской реформы, в том числе „Устава о сибирских киргизах“ М. М. Сперанский намечал сам, но многое вместе с собиранием сведений, предварительными начертаниями и прочее, он, не имея ни времени, ни даже наклонности заниматься подробностями возлагал на Батенькова»⁴². Подтверждает нашу точку зрения и свидетельство самого декабриста: «В издании сибирского учреждения был первым сотрудником и могу похвальиться в особенности уставом о киргизах, доставившим России до 120 тысяч новых поданных и необъятное пространство земель»⁴³. Это положение принято исследователями Г. М. Котляровым, В. Г. Карцовым, Н. Бекмахановой⁴⁴.

Для составления «Устава о сибирских киргизах» Батеньков пользовался существовавшим законодательством, а также данными купцов, бывавших в казахских степях⁴⁵, и собственными материалами, собранными в Прииртышье, делами о русско-казахских взаимоотношениях из управления Сибирского губернаторства.

Именно в эти годы параллельно разрабатывались и обсуждались программные документы декабристских обществ: «Русская правда» П. Пестеля и «Конституция» М. Муравьева. Вполне вероятно, что со многими идеями

⁴¹ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. С. 231.

⁴² Письма главнейших деятелей в царствование имп. Александра I. Спб., 1883. С. 207.

⁴³ Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. С. 160—161.

⁴⁴ Котляров Г. М. Г. С. Батеньков в Сибири в 1817—1819 гг // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов М., 1933. С. 160—161; Карцов В. Г. Указ. статья. С. 32—39; Бекмаханова Н. Е. Законоположение царского правительства в 30—50-х гг. XIX в. в Среднем казахском жузе // История. Алма-Ата, 1971 Вып. 1. С. 22—30.

⁴⁵ Стогов Э. Сперанский и Трескин в Иркутске // Русская старина. 1878. № 11. С. 208.

этих документов Г. С. Батеньков был знаком. Во всяком случае, общий дух ему по убеждениям был близок.

Основные положения «Устава о сибирских киргизах» и другие законодательные проекты Г. С. Батенькова, по мнению историка В. Г. Карцова, «в большей или меньшей степени перекликаются с соответствующими взглядами декабристов»⁴⁶. Мы считаем, что эта оценка нуждается в уточнении, так как «Устав о сибирских киргизах» по своему духу соответствует уровню революционной идеологии декабристов, их программным документам.

Возможности Г. С. Батенькова для проведения в жизнь своих идей были весьма ограничены. Первоначальный проект Сперанский резко отклонил, назвав его «непрактичным» и «мелодраматическим»⁴⁷. Однако влияние взглядов декабриста в окончательной редакции «Устава о сибирских киргизах» нашло свое отражение. Этим, вероятно, объясняется в определенной степени противоречивость реформы.

По «Уставу о сибирских киргизах» территория Среднего жуза была разграничена на округа, волости, аулы. Существовавшее прежде административное деление по родовому принципу было упразднено как не отвечающее социальным и политическим изменениям в жизни казахов. Теперь каждый округ имел определенную территорию, при установлении которой учитывалась родовая компактность расселения и система кочевания. Значительная часть казахов изъявила добровольное желание принять новое устройство. Так возникли Каракалинский, Кокчетавский, Баянаульский, Аягузский, Акмолинский, Учбулакский Аманкарагайский, позже Кокпектинский, Күшмурунский, Алатавский округа. Сложным был процесс образования округов и волостей. Особое внимание привлек к себе земельный вопрос. Однако строго соблюсти административные границы властям не удавалось. Новым уставом регламентировалась и организация местной власти — порядок управления волостью, выборы волостных старшин, окружных заседателей, вводилась четкая налоговая система.

Положительное значение этого нормативного акта

⁴⁶ Карцов В. Г. Декабрист Г. С. Батеньков. С. 92.

⁴⁷ Карцов В. Г. Организация управления народов Сибири и декабристы // Учен. зап. Калининского пед. института. Калинин. 1962. Т. 26. С. 123.

было отмечено многими русскими историками XIX в. Так, М. А. Корф утверждал: «Такое мирное завоевание степи посредством одного устава не довольно, может быть, оцененное в свое время, история не может не признать фактом огромной важности»⁴⁸.

Признавая прогрессивное значение «Устава», нужно иметь в виду, что он способствовал развитию земледелия, оседлости и торговли местного населения, помог ослабить силу феодальной раздробленности и вытекающие отсюда постоянные междуусобицы, содействовал сближению казахского и русского народов, но вместе с тем объективно отвечал требованиям помещичье-дворянских устремлений царизма.

«Сибирский вестник», журнал одного из сторонников реформирования Сибири Г. И. Спасского, особо отмечал тот факт, что «новые законы не лишили сибирских иногородцев драгоценнейшей свободы, не обременяли их цепями, подобно как некогда испанцы поступали с несчастными американцами, и представили возможность народамправляться своим прежними законами»⁴⁹.

«Устав о сибирских киргизах», наоборот, был первым программным документом, положившим начало борьбе с рабством в Казахстане. Такая его направленность отражала мировоззрение Батенькова, связавшее его впоследствии с декабристским движением. Требования о свободе личности — основной принцип, вошедший в «Русскую правду» Пестеля, определивший задачи восстания на Сенатской площади.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что непосредственные впечатления о жизни народов, населяющих Казахстан и Сибирь, полученные Батеньковым в процессе работы над «Уставом о сибирских киргизах», повлияли на формирование гражданской позиции Г. С. Батенькова. Известно, что он был противником умаления национального достоинства разных народов и сторонником их государственного автономного устройства. В беседах с декабристами он утверждал: «...местные различия всегда важнее в таком обширном государстве как Россия»⁵⁰.

⁴⁸ Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 2. С. 232.

⁴⁹ Иванова Л. М. Фонд Г. С. Батенькова // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1952. Вып. 13. С. 43—56.

⁵⁰ Цит. по: Сынкто Т. Г. Указ. статья. С. 299.

Уважением к исторически сложившимся особенностям народов России были проникнуты и этнографические занятия Батенькова, автора обстоятельного исследовательского труда «О заселении Сибири». Он предлагал создать в университетах факультет географии и этнографии⁵¹, придавая большое значение национальной специфике, в том числе особенностям казахской степи. По мнению Г. С. Батенькова, «конституция есть не что иное, как нравы». Его представлениям о национальных отношениях были присущи элементы интернационализма, о чем свидетельствует принадлежащее ему образное выражение: «Я так воображаю. Идеал — море. Нельзя так думать, что в нашей только бухте оно — океан. Часто и в других весьма отдаленных проливах и заливах узнавали, что они принадлежат к тому же морю»⁵².

Занимая должность правителя дел Сибирского комитета — «Комитета по рассмотрению отчета по обозрению Сибири»⁵³, связей с казахским краем Батеньков не утратил и после перевода в Петербург.

Важнейшие элементы мировоззрения Г. С. Батенькова, приведшего его впоследствии к идее вооруженного восстания, окончательно сформировались именно в период пребывания в Прииртышье, где он столкнулся с несправедливостью угнетения местного населения и царской администрацией и феодальной верхушкой казахской степи.

Если Г. С. Батеньков был связан с Прииртышьем, то в другой стороне казахских степей — в районе Устюрта находился Н. Н. Муравьев, явившийся участником ранних декабристских организаций.

Неоспоримым доказательством тесной связи Н. Муравьева с декабристским движением является датированное 1818 г. письмо И. Бурцова, в котором особенно интересны обращения автора к Н. Муравьеву следующего содержания: «Будем рассуждать по принятым издавна артелью правилам. Всякий добродетельный гражданин должен поставить единой целью своей жизни — принести Отечеству самую величайшую пользу... Я много, весьма много сообщил тебе новостей при свидании нашем... Ты обязан быть с соотечественниками... свидание

⁵¹ Снытко Т. Г. Указ, статья. С. 301, 303.

⁵² Цит. по: Каццов В. Г. Декабрист Г. С. Батеньков. С. 93, 175.

⁵³ Письма Г. С. Батенькова, И. И. Пущина и Э. Г. Толля. М., 1936. С. 26.

наше, уверяю тебя, открыло бы глаза твои на многие вещи. Подумай, прошу тебя...»⁵⁴. Аналогичные призывы присоединиться к тайной организации содержатся и в более поздних письмах И. Бурцова: «Возвратись в Отечество и присоедини труды свои к нашим занятиям.. Что будет с Отечеством, когда сыны его устремятся каждый за любимою мечтою?»⁵⁵. Из данного контекста ясно, что он был достаточно осведомлен о планах участников декабристских организаций, но непосредственного участия в их деятельности в тот период не принимал, так как в 1819 г. был направлен в длительное путешествие в Туркмению и Хиву. И хотя в задачи этой экспедиции не входило изучение казахского края, Н. Муравьев удалось сделать важные наблюдения о природе и быте казахов низовьев Амудары и Устюрта.

Касаясь вопроса о присоединении Средней Азии к Казахстану к России, Н. Н. Муравьев писал: «Внешняя торговля столь выгодна для хивинцев и еще довольно обширная, невзирая на все притеснения, совершенно бы изменила свой ход, если бы царство не было под влиянием благоустроенной державы. Тогда бы, без сомнения, страна сия в полном блеске процветала и могла бы обратить всю азиатскую и даже индийскую торговлю в северу Каспийского моря и все богатства доставлять на Запад через Россию. Мысль сия представляет обильное поле рассуждениям»⁵⁶.

В начале августа 1819 г. корвет «Казань» и шкафуз «Святой Поликарп» бросили якоря у берега Каспийского моря южнее полуострова Мангышлак. Во главе корвета «Казань» был лейтенант Басаргин. Общая численность команды составляла 160 чел.⁵⁷

Местность, где высадилась экспедиция, была огромным бугром с остатками каких-то древних развалин. Рядом — несколько песчаных барханов, а кругом степь. По всей окружности при первой же разведке встретились казахские и туркменские кочевья. Это было очень удобно место для будущего поселения. Внизу — глубокая и тихая гавань, защищенная от ветров. Здесь Николай Муравьев расположил лагерь.

⁵⁴ Задонский Н. Избранные произведения. М., 1981. Т. 2. С. 252.

⁵⁵ Там же. С. 252.

⁵⁶ Муравьев Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819-1820 годах. М., 1822. Ч. 2. С. 92.

⁵⁷ Муравьев Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819-1820 годах. М., 1822. Ч. I. С. 11.

С проводником-туркменом Сеидом Николай Муравьев прошел в Хиву⁵⁸. Генерал Ермолов направил с ним хивинскому владельцу Мухаммед Рахим-хану послание: «Честь имею при этом объявить, что торговля, привлекающая хивинцев в Астрахань, давно уже познакомила меня с подвластным вам народом, известным храбростью своею, великодушием и добронравием... Посему через сие письмо, в благополучное время к вам писанное, открывая между нами двери дружбы и доброго согласия, весьма приятно мне надеяться, что через оные при взаимном соответствии вашем и моим искренним расположением проложится щастливый путь для ваших подвластных к ближайшему достижению преимущественных выгод по торговле с Россиею и по вящему утверждению взаимной приязни, основанной на добре вере»⁵⁹.

Вот как об этом переходе писал Н. Муравьев: «Во время переходов меня не столько мучили неприятные качания и неспокойная езда на верблюде, как непреободимая скука; я был совершенно один, говорить было не с кем. Счастлив еще тем, что жара хотя была очень сильной, но сносной. Степь представляла печальный вид, образ смерти, или следствие опустошения после какого-нибудь сильного переворота в природе: ни одного животного, ни одной птицы, никакой зелени, ни травы не видно было. Местами лишь встречались песчаные полосы, на которых росли маленькие кустики. К тому же еще мысль об удалении от отечества для того, может быть, чтобы впасть в вечную неволю, меня очень тревожила. Таковое мое положение продолжалось 16 суток»⁶⁰.

По пути Н. Н. Муравьев делает для себя наблюдения о материальной культуре туркмен и казахов, о взаимоотношениях туркмен и персов⁶¹, осматривает русло Узбоя, колодцы по караванному пути⁶². В книге, написанной вскоре после путешествия, он подробно описывает рабство в Хиве, куплю и продажу невольников в этом ханстве: «Похитители привозят их в Хиву и окружают себя оными на площадях, купцы являются и оценивают

⁵⁸ Муравьев Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах. Ч. 1.

⁵⁹ Там же. С. 51—52.

⁶⁰ Там же. Ч. 2. С. 99—100.

⁶¹ Там же. Ч. 1. С. 68.

⁶² Там же. С. 73—75.

невольников как товар без разбора пола и возраста. За молодого и здорового русского платят более тысячи рублей, считая на наши ассигнации; персы продаются за меньшую цену, а курды еще дешевле. Нередко случается, что хивинцы продают своих невольников Бухарю за деньги или меняют на товары. Из персидских невольников тех, которые принадлежат к богатому семейству, покупают очень дорого, с тем чтобы получить барыш при обратной перепродаже их родственникам. Обычай ловить и продавать невольников для кочующих народов и покупать оных для хивинцев сделался необходимым. Кочующие племена нуждаются в хлебе, покупают его в Хиве, хивинцам же для обработки свои полей потребны руки»⁶³.

В этой поездке Н. Муравьева интересовало преимущественно все, что касалось Хивинского ханства: организация политической власти, торговля, финансы, военные силы, нравы, быт, религия и т. д. Он оставил ценные замечания о русско-хивинской торговле: «Торговлю Россией ведут они (хивинцы — В. Г.) обыкновенно доставляя товары через Мангышлак в Астрахань или промо через киргизские степи в Оренбург. В известное время российские купеческие суда прибывают из Астрахани в Мангышлак и через туркменов, расположенных жительством по сему мысу, известают немедля хивинских купцов, которые тотчас отправляют туда свои караваны. Они обыкновенно совершают сей путь в двадцать девять дней. На сем мысу производят один временный торг и иные даже часто, согласившись с русскими промышленниками, садятся на их суда и следуют вместе в Астрахань, до которой при попутном ветре достигают в одни сутки. Случается также, что хивинские купцы по прибытии в Астрахань отправляются с лучшими товарами на Макарьевскую ярмарку и даже в Москву»⁶⁴.

Исследование Н. Н. Муравьева «Путешествие в Туркмению и Хиву» представляет собой первое полное и достоверное описание узбекского народа и его государства, вышедшее из-под пера человека, близкого к демократическому движению, дающее объективное представление об одной из основных политических сил в регионе.

⁶³ Муравьев Н. Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819—1820 годах. Ч. 2. С. 99—100.

⁶⁴ Там же. С. 95

Для исследователя истории Казахстана того периода оно ценно также тем, что содержит ценные сведения о торговых связях Хивинского ханства с кочевыми народами, в частности с казахами: «Хива ведет довольно значительный торг с различными кочующими народами, как-то: с многочисленными племенами туркмен, независимыми каракалпаками и киргиз-кайсаками; народы доставляют им вообще овец, верблюдов и армячину из верблюжьей шерсти вытканную, в особенности же покупают они у туркмен ковры и войлоки, у тех же, которые живут на реках Гюргене и Атреке, отличных лошадей, своей красотой, ростом и силой лошади сии известны в целом Востоке. Киргиз-кайсаки пригоняют во множестве на продажу в город Кят нерослых степных лошадей, которые по большей части иноходцы, и охотно покупаются хивинцами. Они им служат для дальних путей, туркменских же жеребцов берут и употребляют только в затруднительных случаях. Киргизские лошади переносят холод, жару и усталость не хуже гюргенских, не скоро спадают в теле и всегда бодры»⁶⁵. Высказанные им соображения перекликаются с замечаниями декабристов А. О. Корниловича и А. А. Жемчужникова.

Посольство в Хиву и пребывание на Мангышлаке Муравьев выдержал с честью. Ермолов докладывал в Главный штаб: «Гвардейского генерального штаба капитан Муравьев, имевший от меня поручение поехать в Хиву и доставить письмо тамошнему хану, несмотря на все опасности и затруднения, туда поехал. Ему угрожали смертью, содержали в крепости; но он имел твердость, вытерпев, ничего не устрашился; видел хана, говорил с ним, внушив ему боязнь мщения со стороны моей, побудил отправить ко мне посланцев. Муравьев есть первый русский в сей дикой стороне, и сведения, которые передает нам о ней, чрезвычайно любопытны»⁶⁶.

Весть о путешествии на Мангышлак и в Хиву встречена была среди декабристов в Тульчине восторженно. 22 февраля 1822 г. И. Бурцов писал Н. Муравьеву: «Твое имя, достойнейший Николай, превозносимо согражданами. Подвиг твой совершенный, достоин славного Рима. Как ни равнодушен век наш к подобным делам, но не умолчит о тебе история. Суди же, какой ра-

⁶⁵ Муравьев Н. Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах. Ч. 2. С. 98—99.

⁶⁶ Задонский Н. Избранные произведения. Т. 2. С. 295.

достью исполнены сердца друзей..! Всегда друзья твои славили и чтили твою чувствительность, душевную крепость, силу воли, теперь Отечество обязано перед тобой — оно в долг у гражданина...»⁶⁷.

К истории путешествия Н. Муравьева на Мангышлак и в Хиву неоднократно обращались историки⁶⁸. И хотя задачи и цели этого путешествия описывались с различных позиций, однако все исследователи были единодушны, признавая важность совершенного.

Это путешествие надо рассматривать в ряду блестящих русских географических открытий XIX в. Так, по определению Н. М. Дружинина, «путешествие Муравьева имело не военные, а научные результаты: в литературу о Хивинском ханстве оно внесло новый серьезный вклад, высоко оцененный ориенталистами»⁶⁹.

В Западном Казахстане нес военную службу и вел научные наблюдения Апплон Апплонович Жемчужников (1800—1846), выросший в Оренбурге, входивший в декабристские организации с момента их возникновения, но не принимавший участия в вооруженных выступлениях, так как после 1823 г. служба в Генеральном штабе не позволяла часто бывать в Петербурге.

По решению следственной комиссии находившийся в 1824 г. в Оренбургском крае А. А. Жемчужников был доставлен в Петербург, отдан под надзор полиции. Его активную деятельность в «Союзе благоденствия», участие в «Северном обществе» подтвердили Е. Оболенский, М. Нарышкин, Н. Муравьев, К. Рылеев, П. Пестель, П. Титов и др.⁷⁰

Обобщая материалы о декабристах, следственная комиссия записала: «Титов показал, что в ноябре 1823 г. вовлек он Жемчужникова в свою полууправу, исхитив у него слово на сочленство. Он рассказал ему некоторые артикулы общества и в том числе: а) доставить государству конституцию, подобную Американским штатам, и

⁶⁷ Задонский Н. Избранные произведения. Т. 2. С. 584.

⁶⁸ Савельев П. С. Средняя Азия: Кармайная книга для любителей землеведения. Спб., 1849. С. 273—275; Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, этюдах, легендах и биографиях. Тифlis, 1887. Т. 2. С. 335—374; Агаев Х. Экспедиция Н. Муравьева в Туркмению и ее роль в укреплении русско-туркменских отношений (1819 и 1821 гг.) // Изв. АН Туркм. ССР. Сер. обществ. наук, 1957. № 6. С. 66—71; Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. М., 1974.

⁶⁹ Дружинин Н. М. В страну туркмен и узбеков. Л., 1927. С. 112.

⁷⁰ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 238, л. 1 и об.

освободить крестьян от рабства; б) с подчиненными обходиться сколь можно человеколюбивее, а с начальниками быть почтительну; идти со своей командою туда, куда будет приказано»⁷¹.

Лишь в начале 1827 г. ему было разрешено вернуться на родину, в Оренбург, на следующих условиях: «...сей Жемчужников может иметь жительство и в Оренбурге, но с тем, чтобы на образ жизни и разговоры его обращено было особое внимание и о таковом наблюдении ежемесячно бы доставляемо было сведение, как г. начальнику главного штаба, так и в III отделение собственной его величества канцелярии»⁷².

В апреле 1827 г. А. А. Жемчужников переезжает в Оренбург под строгий административный надзор и с этого периода вся жизнь его тесно связана с казахским краем. В 30-х гг. А. А. Жемчужников был обер-квартирмайстером Оренбургского отдельного корпуса, участвовал в проведении Новой линии по Западному Казахстану⁷³, в 1839 г. находился среди участников хивинского похода, по его выбору было заложено Эмбинское укрепление⁷⁴.

Отражением активной, разноплановой деятельности А. А. Жемчужникова в крае являются принадлежащие ему рукописи, содержащие ценные сведения о Средней Азии и Казахстане. В отличие от рукописей В. Д. Вольховского и Г. С. Батенькова, характеризующихся строго определенными особенностями (записи В. Д. Вольховского и Г. С. Батенькова представляют собой военно-топографические дневники, статистические формы), у А. А. Жемчужникова они не связаны с конкретной формой изложения.

Особый интерес у исследователей истории Казахстана вызывает его отчет о результатах экспедиции в Бухару в 1824 г. Предыстория его создания такова. В 1824 г. в Бухару был послан большой торговый караван под вооруженным прикрытием. Возглавлял караван Е. Кайдалов, охрану обеспечивали отряды Циолковского и А. А. Жемчужникова. 2 ноября 1824 г. караван выступил

⁷¹ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 экз., 1826 г., д. 61, ч. 239, л. 1; Восстание декабристов. Л., 1925. Т. 8. С. 316.

⁷² ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 экз., 1826 г., д. 61, ч. 239, л. 13 и об.

⁷³ Мейер Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. Спб., 1865. С. 50.

⁷⁴ Макшеев А. Исторический обзор Туркестана и поступательное движение в него русских. Спб., 1890. С. 154—156.

из Оренбурга, 15 декабря — переправился через Сырдарью, затем Яныдарью и 11 января 1825 г. достиг горы Биштюбе. Здесь на отряд напали отряды хивинского хана. Две недели караван отбивался, но 26 января, бросив товары, вынужден был отступить⁷⁵.

Записки А. А. Жемчужникова «Сведения, собранные на пути из Оренбурга в Бухарию в 1824—1825 годах»⁷⁶ представляют собой рукопись на 19 листах большого формата, исписанных с двух сторон, и состоят из нескольких частей: «О малой киргизской орде», «О Хиве», «О распрах Хивы с Бухарой и степени торговли сей последней», «О препятствии ходу караванов через киргизские степи от Оренбурга до Бухары». Материалы рукописи свидетельствуют, что А. А. Жемчужников хорошо представлял себе внутреннее положение Малого жуза, борьбу за власть среди феодальной верхушки, взаимоотношения казахов со среднеазиатскими ханствами. Он дал довольно четкую характеристику тех событий, которые в тот период определяли соотношения сил враждующих групп казахской знати: «Баранта, родовые вражды возобновились. Не многие из отдельных киргизцев осмеливаются прогонять скот для мены на линию Султан Ширгазы был вынужден Арынгазием в 1817 году возвратить купечеству ограбленные приверженцами Ширгазия, киргизами, товары, в караване следовавшие, начал питать ненависть и желание мстить племяннику. Лучшее средство к тому было сискать покровительство хивинского хана. В 1818 году Ширгазы отправился в Хиву, объявил себя подданным хана и обязался платить дань (зякет) со всеми приверженцами. Чтобы утвердить более связи, хан женился на дочери Ширгазы, превозносил его ханом киргизцев и обещал в скором времени напасть на Арынгазы, разбить его аулы и возвратить богатства, по справедливости им утраченные, для удовлетворения купцов как выше упомянутое. В 1819 году несколько тысяч хивинцев под покровительством самого хана вместе с сыновьями султана и киргизцами, приверженными к ним, напали на аулы Арынгазы, зимовавшие в песках Малые Барсуки, разграбили оные, увезли

⁷⁵ Архив АН СССР, д. 157, оп. 1, д. 128, л. 44; Кайдалов Е. Записки во время похода в Бухарию в 1824 и 1825 годах. М., 1827. Ч. 1—3; Макшеев А. И. Указ. соч. С. 146.

⁷⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 19236, л. 1—19 об. На существование других материалов А. А. Жемчужникова указывает Л. С. Берг в работе «Аральское море» (Спб., 1868. С. 70).

жен, детей, в числе коих находились мать и брат султана, угнали скот, умертвили другого брата его, Нуруша, и многих киргизцев. В 1820 году Арынгазы захватил султана Анаша»⁷⁷.

Аналогичное описание указанных событий содержится в письме сопровождавшего экспедицию в Бухару 1820—1821 гг. доктора Эверсмана, который сообщал, что «кроме... Арун-Гази (Арынгазы — В. Г.) есть еще двое султанов в сей небольшой орде. Один законный и поставленный Россиею, называется Шир-Гази, а другой, начальствующий племенем, живущим от реки Сыри до Хивы, именуемый Аман-Бей, поставлен от Хивы. Сии три хана ведут между собою беспрерывную войну. Последний набег, о котором я говорил, сделал Аман-Бей с союзными хивинцами на Арун-Гази, потерявшего в сие время большую часть богатства и одного из своих братьев; мать же его и многие родственники взяты в плен. Считают до 300 000 овец, похищенных при сем случае. Дабы отомстить за Арун-Гази, один из его братьев, собрав тайно до трех тысяч киргизов, напал на орды Аман-Бея... обратил их в бегство, взял значительную добычу и много пленных. Между последними находился брат Аман-Бея с женою и детьми. Познакомившись с братом Арун-Гази, я видел пленников, содержимых за крепкою стеною в шалаشاх»⁷⁸. Надо думать, что эти представления разделял и В. Д. Вольховский.

Отсутствие принципиальных расхождений в этих документах указывает на точность представлений автора «Сведений, собранных на пути из Оренбурга в Бухару» о внутриполитическом положении в Малом жузе, о ходе борьбы за власть. Рукопись А. А. Жемчужникова ценна также сведениями о том, чем разрешилась описанная им ситуация. В своих записках он сообщает, что хивинский владелец дал ханское достоинство сыну Ширгазы — Джангазы-хану⁷⁹.

В своей рукописи А. Жемчужников не ограничивается чисто политической сферой. Он касается и строительства кокандских и хивинских укреплений в низовье Сырдарьи. Автор приводит сведения о попытке хивин-

⁷⁷ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, оп. 1, д. 19236, л. 3.

⁷⁸ Письмо доктора Эверсмана, находившегося при российской миссии в Бухарии, полученное 11 марта 1821 г. // Северный архив. 1822, № 6. С. 515—516.

⁷⁹ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, оп. 1, д. 19236, л. 3.

ских и кокандских феодалов возвести ряд военных укреплений: «Чтобы удержать киргизцев в совершенном пиновении, хивинский хан вместе с союзником своим владельцем Кокандом и Ташкентом вознамеривались строить крепости, первый — на Куван-Дарье у подножья горы Каан, а последний — на берегах Сыр-Дарыи между уроцищами Чиркайли и Ак-Мечетью. В 1820 г. кокандский хан первым приступил к построению укреплений Пользуясь отсутствием киргизцев, откочевавших летом к границам России, он с поспешностью выстроил на левом берегу Сыр-Дарыи крепость, которая, кроме жителей вмещала в себя прежде 200, а ныне 500 человек гарнизону»⁸⁰.

Эти сведения подтверждаются наблюдениями Н. Муравьева, во время путешествия в Хиву проезжавшего через эти места. Он писал, что Мухаммед-Рахим «в время моего пребывания в той стране намеревался занять устье Сыр-Дарыи»⁸¹.

Записи А. Жемчужникова содержат сведения и о ракции населения на возрастание феодальной эксплуатации, условия для которой хивинские ханы стремились создать, строя крепости в непосредственной близости от границ кочевания. Он так описывает одно из антифеодальных восстаний, вспыхнувших в тот период в казахской степи: «Киргизцы, возвратясь на свое зимовье увидев на оном поселившихся ташкентцев, собрались (3 до 5 тысяч человек, напали на крепость, но все поколения их взять опную остались тщетными. Устояв против киргизцев, Камыш-Кала разделила оных на две части. Следствием построения хивинской крепости у подошвы горы Каан на правом берегу Куван-Дарыи может быть совершенное уничтожение торговли нашей с Бухаре ибо караваны, которым удастся пройти пески Кызыл-Кум, будут всегда разграблены гарнизоном, находящимся в крепости. Ежели они имеют небольшое военное прикрытие, то Хивинский хан всегда будет иметь достаточно известие о том и, собрав достаточное количество своего войска, нападет в песках Кызыл-Кум»⁸².

О том, насколько велики были размеры даней, соби-

⁸⁰ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, оп. 1, д. 19236, л. 5.

⁸¹ Муравьев Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819—1820 гг. гвардейского генерального штаба капитана Н. Муравьев посланного в сии страны для переговоров. Ч. 2. С. 5.

⁸² ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 19236, л. 4—7.

раемой хивинским ханом с подвластного казахского населения, дают представление данные, собранные А. А. Жемчужниковым, который приводит подробное описание налога: «Дань с ордынцев собирается ныне таким образом: каждый киргизец со 100, а иногда с 40 баранов отдает одного и начальник поколения, собравши оных, пригоняет к своему хану, который получает зякет со всех поколений, передает Хивинскому есаулучиновнику, нарочно из Хивы высылаемому в конце февраля месяца. Что касается до киргизцев, приверженных к Хиве, и тех, которые удалены от границы России и опасаются пригонять своих баранов к нашей линии или к границе Бухарии, то следуют с оными в Хиву, где подвергаются всем ужасам деспотизма. Каждый из таковых обязан, как таможенную пошлину, отдавать десятого из пригоняемых баранов правительству. Сверх сего он не имеет продать своего барана никакому частному лицу прежде, нежели хан установит цену, которая обычно не превышает червонца, закупит большую часть для себя собственно и потом уже сам перепродает своим подданным от двух и более червонцев (за) одного барана. Что составляет немаловажную отрасль его доходов, ибо недостаток пастбищ не позволяет хивинцам иметь скотоводство и принуждает за дорогую цену покупать у своего владетеля-хана»⁸³.

Декабрист А. А. Жемчужников придавал особое значение развитию русской торговли с казахской степью и среднеазиатскими ханствами. Обоюдную выгоду от ее развития подчеркивал также А. О. Корнилович. Он писал: «Всеблагим промыслом назначено, кажется, России первенствовать как в Европе, так и в Азии; но отношение ее к различным державам сих частей света совершенно отлично. Основание ее Европейской политики есть собственная безопасность, цель же сношений с азиатами — преимущественно торговля»⁸⁴. Таким образом, среди декабристов вырабатывалось единство мнений в понимании русско-казахских и русско-азиатских отношений, в развитии исторической перспективы народов Средней Азии и Казахстана.

Касаясь взаимоотношений Бухарского и Хивинского ханства, А. А. Жемчужников отмечает длительные распри между ними. Эта часть рукописи содержит разно-

⁸³ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 19236, л. 6.

⁸⁴ Корнилович А. О. Сочинения и письма. М.; Л., 1957. С. 229.

образные фактические данные, описание военных столкновений кокандского и бухарского хана с Хивою, анализ крупного поражения 1802 г. хивинского хана Ильтазара на Сырдарье, в результате которого в Хиве на престол взошел Мухаммед-Рахим, которому в дальнейшем удалось подчинить своей власти часть туркмен и казаков.

Не ускользнула от внимания А. А. Жемчужникова внутренняя политическая борьба в Бухарском ханстве: «Поколения узбеков — кипчаки (кипчаки — В. Г.), самое единственное в Бухаре и составляющее большую часть войска Хана, обитающие по реке Заравшану в области Мианколль, недовольные начальством оной Аясом-Девоны-Сакаром, возмущались. Узбеки во время отсутствия сего вельможи с 2000 гарнизоном для охраны от набегов хивинской крепости Мауры, разграбили его имущество, убили жену и детей. Аяс, получивший известие о происшествии в Мианколле, оставляет крепость, едет в Бухару и требует правосудия у Хана. Хан, уединенный в другой раз Аясом, отправляет гонцов к сыну своему Тюрк-Хану, чтобы знатнейшие из кипчаков были схвачены и преданы смерти. Гонцы попались в руки бунтовщиков: были умертвлены, письма хана порваны, междуусобие новым ожесточением раздирает Бухарнию. Пришедшие потом войска хана были разбиты; теперь не известно, усмириены ли кипчаки»⁸⁵.

Развитию торговли Бухары с Россией мешала агрессивная политика хивинских ханов. По замечанию А. А. Жемчужникова, «хивинский хан не только старается вредить Бухарии, но и лишает ее всяких выгод, которые получала от мены с киргизцами и с торговли с Россиею. Войска хана грабят всех киргизцев, осмелившихся переступить его повеление. Караваны Бухарии также не осмеливаются проходить больше через степь киргизцев, хотя некоторым удавалось достичь границ наших, но теперь будет окончена крепость Куван-Дарье, они всегда попадут в руки хивинцев»⁸⁶.

В материалах А. А. Жемчужникова исследуются маршруты караванных путей по Средней Азии и Казахстану из Оренбурга до Бухары, из Хивы в Мары и далее в Пескию. Этот анализ имел большое значение для развития торговых отношений.

⁸⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 19236, л. 18.

⁸⁶ Там же, л. 19.

Особый интерес автора вызывают перспективы развития торговли России с азиатскими странами. За 35—40 дней бухарские караваны из Индии достигали Бухары. Отсюда они легко могли прибыть на р. Амударью, далее по рукаву, находящемуся в 35 верстах от Хивы, груз мог прийти в Каспийское море, откуда открывался прямой путь в Россию.

Рукописные материалы декабриста А. А. Жемчужникова являются ценным источником. Они дополняют различные сведения о Казахстане и Средней Азии. По информативности, по важности поставленных вопросов и их детальному объяснению ни статьи А. О. Корниловича, ни дневники В. Д. Вольховского, ни известные материалы Г. С. Батенькова не могут сравниться с записками А. А. Жемчужникова, который развел многие положения, затронутые Н. Муравьевым в «Путешествии в Туркмению и Хиву». Однако Н. Муравьев не мог собрать столько сведений о казахах низовья Сырдарьи и северной части Аральского моря. Именно поэтому известный географ Л. С. Берг упоминал имя А. А. Жемчужникова как одного из исследователей края⁸⁷.

Записки Жемчужникова важны не только потому, что содержат ценные сведения по истории казахов и народов Средней Азии. Они позволяют выявить связь декабристов с нерусскими народами Азии, помогают выяснить отношение декабристов к проблемам международной и национальной политики, дают интересный материал для глубокого исследования их мировоззрения, свидетельствуют о глубоком понимании внешнеполитической деятельности казахских и среднеазиатских ханов.

Четкое представление о политической жизни ханов и жузов, знание междоусобной борьбы свидетельствуют об интересе декабристов к историческим судьбам народов Средней Азии и Казахстана.

Одним из основных аспектов исследований движения декабристов является анализ связей их с национальными окраинами, особенности которых четко выявляются при рассмотрении жизни и деятельности конкретных участников событий, в частности биографии В. Д. Вольховского.

Владимир Дмитриевич Вольховский (1798—1841)

⁸⁷ Берг Л. С. Аральское море. С. 70.

учился первоначально в Московском пансионе⁸⁸, за тем — в Царскосельском лицее одновременно с И. Пущиным, В. Кюхельбекером, А. Пушкиным, Ф. Матюшиным, А. Горчаковым. Здесь же В. Вольховский вступил в раннюю декабристскую организацию «Священная артель», существовавшую в 1814—1817 гг. По единодушному мнению историков эта организация явилась «колыбелью» первого раннего декабристского общества. Сюда входили И. Бурцов, А. Семенов, Д. Искрицки и группа лицеистов: И. Пущин, В. Кюхельбекер, А. Дельвиг, М. Пущин, П. Колошин.

После окончания лицея в 1817 г. В. Д. Вольховский был зачислен в Генеральный штаб⁸⁹. Вероятно, служба в армии обещала блестящую будущность молодому офицеру. Но случилось непредвиденное: в 1820 г. в Семеновском полку появились антиправительственные листовки солдаты выступили против своих офицеров. Среди мятежников значилась фамилия Вольховского, выявили его идеальные связи с семеновцами⁹⁰. Делу не придал широкой огласки. К этому времени В. Д. Вольховский уже находился в Оренбурге, куда сослали многих семеновцев.

Этот город был «краем света». Вокруг — крепостные сооружения, земляной вал четырехметровой высоты, по валом — широкий ров. С трех сторон в город вели четверо ворот: Самарские, Орские, Уральские и Чернореченские. Четвертая сторона крепости была обращена высокому берегу реки Урал. В самой крепости находились дома для офицеров, казармы, казарменно-управленческие здания, почта, аптека, полиция, военное училище. В черте крепости располагался штаб отдельного оренбургского корпуса, управление оренбургского казачьего войска, пограничная комиссия. За Уралом виден Меновой двор, а в противоположной стороне — военный госпиталь и дома поселенцев с хозяйственным постройками.

В Оренбурге долго задерживаться не пришлось. Вольховский прикомандированывается к миссии А. Ф. Не-

⁸⁸ РОБЛ, собрание Полторацкого, к. 19, д. 17, л. 1; *Гастрфрейнд Н. Товарищи Пушкина по императорскому Царскосельскому лицей Сиб.*, 1912. С. 5—6.

⁸⁹ РОБЛ, собрание Полторацкого, к. 19, д. 17, л. 3.

⁹⁰ *Гастрфрейнд Н. Товарищи Пушкина по императорскому Царскосельскому лицею*. С. 33.

ри⁹¹. По поводу выхода миссии оренбургский губернатор доносил в Петербург в 1819 г.: «Сего октября 10 числа отправилась из Оренбурга миссия в Бухарию, под военным прикрытием, над которым начальство поручено лейб-гвардии Измайловского полка капитану Циалковскому. В прикрытие командировано: из гарнизона и батальонов 26 пехотной дивизии 200 рядовых; при них обер-офицеров 4, унтер-офицеров 16, музыкантов 4. Из иррегулярных войск Отдельного Оренбургского корпуса казаков уральских 100, оренбургских 100, башкирцев 26, при них обер-офицеров 6, урядников 6 и казачьей роты два орудия, при них офицеров прикомандированных... 4, парочкой батарейной роты 1, фейерверкеров 4, канонеров 32, нестроевых чинов: лекарь 1, денщиков 6. Лошадей при сем отряде: строевых 288»⁹².

Миссия Негри в Бухару состояла из четырехсот человек пехоты и казаков, башкирского отряда и двух пушек. Среди участников похода было много друзей Вольховского: брат лицейского товарища Павел Яковлев, исследователи Эверсман, Мейendorf и Шапошников. В дневниках В. Д. Вольховского появляются записи об увиденном.

О том, как была организована экспедиция, дает представление корреспонденция П. Яковлева, опубликованная на страницах журнала «Благонамеренный вестник»: «Полюбуйтесь нашим лагерем! Какая пестрая живая картина, какое разнообразие и деятельность. Там двадцать солдатских кибиток и перед ними ружья, поставленные пирамидами с навешанными на них сумками, тесаками, киверами. Солдаты, одетые по-домашнему, бегают вокруг огней, хохочут, варят кашу, смешат друг друга. Там башкирцы бреют друг другу головы тупыми ножами. Бреющийся страдалец корчится, бреющий хладнокровно исполняет свое дело. Там киргизы: иной дудит в свою чибизку (дудку), другой подшивает подметку захромавшему верблюду... Мы идем беспрерывно степью.

⁹¹ Ханыков Я. В. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства и их окрестностей // Записки Русского географического общества. Спб., 1851. Кн. 5. С. 328—329; Лебедев Д. М., Есаев В. А. Русские географические открытия и исследования с древнейших времен до 1917 г. М., 1971. С. 351—365; Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии. М., 1974. С. 155—175.

⁹² ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 1, д. 3338, л. 1—5; М[ейендорф] Е. Краткое начертание путешествия российского посольства из Оренбурга в Бухарнию в 1820 году // Северный архив. 1822. № 2. С. 184.

Видим одно небо, видим киргизов, верблюдов. Мы встаем с зарею. Раздается барабанный бой — крики верблотов — их вычутят. Вообразите 500 верблюдов среди поля: кибитки уже сложены; сундуки, тюки, все вещи в беспорядке разбросаны по земле. Мы все на конях. Наконец верблюды навьючены и мы едем: впереди казаки, пехста, артиллерия, верблюды, телеги... Все тянутся по не обозримой степи. Киргизы-вожаки обычно едут вперед: степь им так знакома, как вам — Невский проспект»⁹³.

На всем протяжении пути от р. Илек до Сырдарьи посольство сопровождал казахский хан Арынгазы. Путевые заметки членов экспедиции сохранили непосредственное впечатление от общения с этим человеком. Многие отмечали его живой ум, гостеприимство. Пока офицеры отдыхали, он успевал привести сотни казахских прибауток, заставляя певцов-казахов исполнять гостя кююн.

Остановились в местности Камышлы. Часть людей отправилась к устью Сырдарьи. В записях участника экспедиции появились пометки о низовьях реки, о проживавших здесь казахах. «Берега ее дики, безлесны как все сии пустыни, плоски, круты, — записывал, например, Эверсман. — Мы находимся в шестидесяти или семидесяти верстах от устья Сыра, которое видели пятнадцать тому назад. В двух днях отсюда проходили мимо одного залива реки, или, лучше сказать, озера сладководы, имеющего сообщение с рекою и простирающейся в длину на тридцать пять верст»⁹⁴. У Эверсмана можно найти замечания о казахах, созвучные наблюдениям В. Д. Вольховского: «Берега оного озера и реки обитают киргизами, которые скучное свое пропитание имеют от весьма плохого земледелия и рыбной ловли. Народ сей довольно многочислен, но беден, и одежда их состоит почти из лоскутьев. В марте месяце хивинцы с киргизами, подчиненными хану Ашанбаю, ограбили сибирскую страну и истребили множество народа. Между тем, которых я видел, немногие были без страшных рубцов с полученных ран горько жаловались. Шалаши сих бедных людей сплетены из сухих ветвей и ставятся одни

⁹³ Цит. по: Гастфрейнд Н. Товарищ Пушкина по императорскому Царскосельскому лицею. С. 43.

⁹⁴ Письмо доктора Эверсмана, находившегося при российской миссии в Бухарии, полученное 1 марта 1821 года // Северный архив 1822. № 6. С. 513—514.

подле другого, наподобие крыш. Дабы защититься от ветра, они располагают их посреди самих кустарников. Там рождаются только рожь и чечевица»⁹⁵.

Один из самых трудных участков перехода — река Сырдарья и пески Каракумы. Это были беспокойные и небезопасные места. Хивинские ханы периодически организовывали опустошительные набеги на казахские кочевья. В том же году хивинские феодалы угнали у казахов более шестидесяти тысяч баранов, свыше семи тысяч лошадей и много пленных. В материалах экспедиции отмечалось, что последствия разорительных войн отрицательно сказались на уровне жизни местного населения. «По берегам залива и самой реки Сыр-Дары кочуют киргизы в большом количестве, — писал из похода Эдуард Эверсман, — они живут в крайней бедности, питаясь скучно рыбой и произведением жалкого хлебопашства своего. Они сеют просо и темный ячмень, и пашни свои, расположенные по самому берегу, наполняют посредством проведенных каналов. Хижины свои они делают из тростника, составляя им крыши. Скота имеют очень мало и кормят его камышом. Эти-то киргизы весной истекшего года больше всех потерпели от грабежей хивинцев»⁹⁶.

Отряды хивинского хана не решались нападать на посольство. «Через восемь дней, однако, после того, когда посольство миновало пустыню, именуемую Кизиль-Кум, — указывается в донесении, — они сделали в семи местах нападение на часть купеческих караванов, беспечно следовавших от наших границ в Бухарию, умертвили проводников и вощиков, расхитили товары и с добычею отправились в вертел свой — Хиву.

Киргизы, под предводительством султана Арынгазы Абулгазиева... сопровождавшие посольство до реки Яна-Дары, узнав о бедствии, постигшем выше означенную часть караванов, устремились вслед, настигли их и вступили в бой, но, претерпев поражение, рассеялись в степях, а уломянутый султан возвратился в аулы свои, находящиеся в небольшом расстоянии от наших границ.

⁹⁵ Письмо доктора Эверсмана... С. 514—515; Об этом же см.: Васильев А. Путешествие доктора Эверсмана в Бухару // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1905. Вып. 14. С. 204.

⁹⁶ Письмо доктора Эверсмана, находившегося при российской миссии в Бухаре, полученное 1 марта 1821 года // Северный архив, 1822. № 6. С. 514.

Но та часть каравана, которая безостановочно следовала под прикрытием наших войск, достигла своего места благополучно»⁹⁷.

Все колодцы на дорогах через Кзылкумы были засыпаны. Оставалась для проезда единственная дорога, на которой караваны грабились. Однажды Арынгазы задумал вернуть отобранное. По согласованию с противником решено было провести поединок. От казахов выделили лучшего батыра, который победил хивинца. Неприятель пустился в бегство. Но, заметив, что их преследует небольшой отряд, развернулся и разбил джигитов Арынгазы. Тогда казахский хан послал в Бухарию гонца с просьбой о помощи против Хивы, приказав ему — если бухарский хан откажет в помощи, то при нем отрезать хвост у лошади и произнести: «Как этот хвост отделяется от лошади, так точно казахи отделяются от Бухары и станут ее врагами».

Скупые строки рапорта тех лет так передают обстоятельства прибытия миссии в Бухару: «Посольство, пройдя 1600 верст в 66 дней по песчаным и безводным степям и преодолев необъяснимые трудности сего похода, 17 декабря благополучно достигло границ Бухарского владыки, а 20 того же месяца прибыло в столичный город Бухару, пользовавшись во все продолжение пути своего благоприятною погодой. По всем вверенным частям состояние благополучно и убыли никакой в войсках не произошло, кроме того, что трое рядовых умерли в разное время от болезней, да лошадей на походе пало: артиллерийская — 1, казачьих — 4 и подъемных под тележными фурами 21. Из коих первые пять заменены тогда же купленными у киргизов, а последние остались незамененными, ибо и большая часть оных фур пришла в негодность и истреблена в дороге. Больных в отряде не было никого. Но слабых в день отправления депеша было четыре человека низших чинов»⁹⁸.

В течение трех месяцев русская миссия, с которой прибыл и казахский посол, находилась в Бухаре. «Войска... приняты в Бухарии дружелюбно и расположены биваками в одной из дач, принадлежавших Вилирю (виширю — В. Г.), в расстоянии трех верст от столичного города. Продовольствие производится по существующим там ценам без недостатка. Несколько раз доставлялось

⁹⁷ ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 1, д. 3338, л. 5—6.

⁹⁸ Там же, ф. 1409, оп. 1, д. 3338, л. 5.

оное и безденежно, от имени его Высочества Мир-Кай-дар-хана, также и на самой границе войска были встречены с почестями и хлебом»⁹⁹, — говорилось в донесении.

Участник экспедиции Е. Мейендорф, тесно общавшийся с В. Д. Вольховским¹⁰⁰, довольно точно охарактеризовал особенности организации государственной власти в ханстве: «Правление в Бухарии есть в самом существе деспотическое, но религия и влияние кочевой жизни смягчают жестокость оного. В особе хана сосредоточиваются все власти, все земли принадлежат ему одному, и он есть властелин над жизнью и имуществом своих подданных... Правление Бухарское представляет картину прегнусную. Первые вельможи без стыда признают себя рабами хана, который одних только истинных рабов удостаивает своей доверенности, и тем доставляет им всегда некоторое уважение в народе»¹⁰¹.

Члены миссии знакомились с городом, с людьми, с обычаями, вели переговоры о развитии торговли, об освобождении русских из плена. В печати появился очерк П. Яковлева с описанием Бухары: «Хотите ли вы знать, что это за город? — спрашивает автор. — Хотите ли узнать хана и здешние удовольствия? Город окружен степью глиняною. Улицы так широки, что выручный верблюд проходит. Дворец похож на голландскую пекь со столбиками и балконами; на башнях дворца развеваются солома и сено, это гнездо святой птицы — аиста. Домов не видать, а по обеим сторонам улиц — стены с дверцами; войдете в дверцу и вы на дворе, а кругом этого двора комнаты... Женчин нет, а называются женщинами какие-то двигающиеся куклы, с головы до ног закутанные в халаты. Хан умеет читать; в доказательство сего прочел при нас грамоту громко и вразумительно. К нему ходят все запросто: в халатах. Он не привязан к женщинам, — доказательство: у него с лишком 1000 жен. Визирь так деятелен, что сам ездит собирать пошлины, и, исполняя свято все обязанности мусульмана и первого министра, торгует с Россией, Персией, Индией. Промотавшиеся или разорившиеся купцы здесь

⁹⁹ ЦГИА СССР, ф. 1409, оп. 1, д. 3338, л. 6.

¹⁰⁰ А. Эфрос высказывает догадку о том, что иллюстрации в книге Мейендорфа о путешествии в Бухару, изданной в 1826 г., сделаны по рисункам В. Д. Вольховского (Эфрос А. Рисунки поэта. М., 1933. С. 152).

¹⁰¹ Мейендорф Е. Указ. соч. С. 191.

служат маклерами. Нельзя ничего купить без маклера: он торгуется, хлопочет и решает покупку, зато вдвое дешевле можно купить без маклера»¹⁰².

Другой участник миссии писал: «Явление российских войск причинило несказанную радость несчастным пленникам нашим, несколько лет томящимся там в неволе. Поверенный в делах доносит мне, что нашел удобным предложить Бухарскому Дивану об освобождении если не всех, коих число простирается по вероятным показаниям до 600 мужеска пола, то, по крайней мере, некоторой части из них...»¹⁰³. Во время переговоров с бухарским диваном поднимался вопрос об учреждении русского консульства в Бухаре, о развитии торговли об освобождении русских подданных. В результате переговоров 34 человека были возвращены в Россию.

В ожидании возвращения миссии Оренбургский военный губернатор Эссен 4 мая 1821 г. доносил А. А. Аракчееву в Петербург: «Имею честь постепенно доставлять сведения об отправлениях следования и прибытии нашей Миссии. Оная, отправляясь из владений бухарских 26 прошедшего марта, по благоуспешном следовании перевалилась 16 апреля через реку Сыр и по истечении времени в конце сего мая или в начале июня должна быть в Оренбурге. Я не замедлю с прибытием посолства представить... описание успехов, кои без сомнения увенчают конец сего дела»¹⁰⁴.

Роль В. Вольховского в работе миссии была оценена довольно высоко. Об этом свидетельствует запись в по служебном списке: «1820 года июня 24 командирован в Бухарию при... миссии под начальством Ф. Негри. С этой миссией находился за границей с 10 октября того же года по 12 мая 1821 года, за что в 24 день августа 1821 года повелено ему... производить пансион по 5 рублей ассигнациями в год»¹⁰⁵.

Это была только одна из нескольких длительных по-

¹⁰² Цит. по: Будрин В. Русские в Бухаре в 1820 году // Справочная книга Оренбургского края на 1871 год. Оренбург, 1970. С. 42.

¹⁰³ Цит. по: Модестов Н. К истории русского посольства в Бухару и освобождения оттуда русских пленных в 1821 году // Русский архив. 1915. № 5. С. 33—34.

¹⁰⁴ ЦГИАЛ СССР, ф. 1409, оп. 1, д. 3641.

¹⁰⁵ Архив Института русской литературы (Пушкинский дом) ф. 512, д. 68, л. 2 (В. Будрин ошибочно считает днем возвращения посольства 16 мая 1820 г. Об этом см.: Будрин В. Русские в Бухаре в 1820 г. // Справочная книжка Оренбургского края на 1871 г. Оренбург, 1870. С. 43).

ездок В. Вольховского по казахским и среднеазиатским степям, зафиксированных в служебном списке. Согласно этому документу, «1824 в январе месяце особым поручением командирован в отдельный Оренбургский корпус и всемилостивейше пожаловано ему на путевые издержки 200 червонцев. С 24 февраля по 29 марта состоял при экспедиции, отправленной в киргиз-кайсацкую степь и был при разбитии и преследовании мятежников. Получил награды. 29 марта 1825 года пожалован капитаном... 27 августа 1825 г. командирован в экспедицию для обозрения пространства между Каспийским и Аральским морями и в это время был при разбитии киргизских разбойников близ устий Сагыза и Эмбы»¹⁰⁶.

Из четырех длительных поездок В. Вольховского по казахским степям, отмеченных в аттестате, удалось обнаружить отчеты о трех поездках, один из которых относится к февралю-марту 1824 г. Сохранилась также карта родорасселения, составленная, по всей вероятности, весной 1825 г., и журнал военно-топографического обозрения.

Карта Вольховского — один из немногих источников по родорасселению казахов Малого жуза в первой четверти XIX в. На ней показано пространство от левого берега Урала и крепости Сарайчиковой до Илецкой Защиты с охватом верховьев Урала, Сагиза, Хобды¹⁰⁷.

В. Д. Вольховский разделил исследуемые земли на территории, занимаемые казахскими родами — на семиродские, алимуллинские и байулинские. От озера Челкар и до устья Урала с левого берега широкой полосой кочевали байулинские рода: байбакты, алача, тана, маскар, берш; южнее устья Сагыза и на юг — адаевцы. Течение Ащеула и территорию вокруг озера Тамдыкуль занимали алимуллинцы. Земли семиродцев образовывали северную границу жуза (кердачи, тама, тобын и пастбища Д. Тлянчина).

Бедность казахов и недостаток пастбищ не могли пройти мимо внимания Вольховского: «Борьба за пастбище теснит бедные рода, — писал он в дневнике, — но, несмотря на это, богатые старшины пользуются запрещенными землями»¹⁰⁸. В пояснительной записке к «Карте кочевьев части киргиз-кайсаков Малой орды ле-

¹⁰⁶ Архив Института русской литературы, ф. 512, д. 68, л. 3.

¹⁰⁷ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, оп. 1, д. 20652, л. 1.

¹⁰⁸ Там же.

том 1823 и зимой 1824» Вольховский отмечает: «Киргизы, хотя и имеют постоянные для своих кочевьев места издавна каждым родом присвоенные, но недостатки подножных кормов, опасность и другие обстоятельства заставляют их нередко занимать чужие кочевья. Отчего часто рода бывают перемешаны между собой, так, например: семиродцы в недавнем времени начали располагаться на вершинах Калдагайлы, Уила и Сагыза, при надлежащих байулинцам. Сии последние стеснились югу, но небольшие отделения их остались в прежних кочевьях»¹⁰⁹.

Путевые заметки В. Д. Вольховского содержат и характеристики малых рек в Западном Казахстане и описания песков Тойсуган. Записям такого рода свойствена большая тщательность и точность. Так, он очень подробно характеризует течение рек Куагача, Джаксыба-Улеты, Карабутака, Тентека, Карасу: «Река Куага впадающая в Джаксыбай, имеет вершину при урочище Тусдубе, длины до 35 верст, ширины до 2 сажень, глубины 1½ аршина, скаты вверх крутые, течение имеет в все лето. Река Джаксыбай впадает в реку Калдагайл. Длина около 100 верст. Переправы везде есть, но пересыхает. Рыбы нет, берега крутые... Река Уил, вешинны коей проидены экспедициями 1823 года, имеет воду хорошую, глубина местами более сажени, ширина от 10 до 15 саженей. Берега обрывистые от 1 до 2 сажень в вышину. Дно реки песчаное, возвышенность мелкой рыбы довольно, корма по оной состоят из жсана — полыни»¹¹⁰. Такая точность в описании местности была связана со сбором картографического материала.

«Каракулем, — пишет он далее, — называется общая равнина, поросшая камышом, с одной стороны она протекает Уил, с другой — Чатырли, множество рукавов Уила орошают сплошное пространство при разливе воно потом в них остается вода только местами, так как лето 823 года было весьма сухое, то при проходе оттуда воды в сих рукавах не было. Камыши по Каракулю выжжены 823 года во время ссоры, прошедшей за сурочище между киргизцами Илекова и Адаевского р дов»¹¹¹.

¹⁰⁹ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, оп. 1, д. 20 652, л. 1.

¹¹⁰ Там же, д. 19235, л. 6, 9.

¹¹¹ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, оп. 1, д. 19235, л. 15.

Записи, относящиеся к весне 1824 г., интересны тем, что здесь содержатся не только картографические описания, но сведения, относящиеся к сфере межродовых столкновений среди местного населения в тот период.

Жизнь местного населения, его культура, быт, обычай живо интересовали В. Д. Вольховского. Богатейшие возможности для этнографических и исторических изысканий предоставляли ему частные поездки по аулам, непосредственное соприкосновение с казахской степью. Вклад Вольховского в разработку этой проблематики отмечен в ряде исследований, опубликованных в дореволюционный период¹¹².

Совершая длительные поездки по Западному Казахстану и Приуралю, Вольховский обращал внимание на многочисленные свидетельства крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева. Он встречался с современниками этого выступления, записывал их воспоминания.

Находясь в Оренбурге, Вольховский постоянно поддерживал связь с членами тайных декабристских организаций — с Кюхельбекером, Луниным и др. Переписка их не носила чисто делового характера. Она свидетельствовала о давних и глубоких дружеских связях. Так, один из участников декабристской организации — артели Бурцова — П. Колошин писал Вольховскому из Петербурга: «Так я до сих пор останавливался на намерении писать в Оренбург, но теперь решился успокоить совесть и несколько минут посвятить [беседе] с тобою, любезный Вольховский. Что тебя занимает в степях киргизских... хлад разольется по жилам, когда я в призвыем вздумаю, если б меня на подобную тебе службу послали»¹¹³.

Служба на далеких окраинах не удовлетворяла Вольховского. Летом 1824 г. он выезжает из Оренбурга. В этот свой приезд в Москву и Петербург он предпринимает все возможное для того, чтобы изменить место службы. Но все усилия оказываются тщетными, и 17 мая 1825 г. Вольховский уходит в отставку. Тем не менее осенью 1824 г. он считал счастливой порой своей жизни, так

¹¹² Глиноецкий Н. П. История русского генерального штаба. 1698—1825. Спб., 1883. Т. 1. С. 423; Берг Л. С. Аральское море. С. 68.

¹¹³ Гастфрейнд Н. Товарищи Пушкина по императорскому Царскосельскому лицею. С. 162.

как имел возможность встречаться с ближайшими друзьями, друзьями детства и прежде всего с Пушкиным¹¹⁴. Есть основания предполагать, что мысль о написании «Истории Пугачева» возникла у Пушкина под влиянием встреч с Вольховским, под воздействием его рассказов об Оренбургге, об Уральске, о встречах с современниками Пугачева.

Тяжелое материальное положение, болезнь отца заставили Вольховского вернуться в армию. Осенью 1825 г. он возвратился в Оренбург.

Поздней осенью 1825 г. Владимир Вольховский был прикомандирован к экспедиции Ф. Берга на Устюорт и полуостров Бузачи. 14 декабря 1825 г. экспедиция вышла из крепости Сарайчиковой, и ее участники на три месяца оказались оторванными от событий в России¹¹⁵.

Из-за слабой осведомленности, время для проведения экспедиции было выбрано неудачно. Вместо ожидаемого тепла на плато (Устюорт расположен на широте Ниццы) двухтысячный отряд встретили тридцатиградусные морозы с холодным ветром со стороны Каспия. Среди солдат начались обморожения, в отдельные сутки погибало до двухсот лошадей. Для того чтобы поесть и согреться, жгли телеги, конскую сбрую. 15 человек умерли от тифа и воспаления легких. Часть отряда пришлось вернуть, а остальные дошли до берега Аральского моря (в 70 км от Кунграда). Итогом работы экспедиции был целый ряд открытых: оказалось, что моря разделяются не горами, а возвышенностью. Была проведена нивелировка от Каспийского до Аральского моря, составлены журналы астрономических и топографических наблюдений, подробная карта местности и родорасселения казахов, а также получены новые сведения о Хиве и сделано историческое описание¹¹⁶.

Во время этого драматического похода в обязанности Вольховского входило определение путей продвижения отряда, ему же было поручено наблюдение за всеми исследованиями, в задачу которых входило: «обо-

¹¹⁴ Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951. С. 524—525, 635; Гrot K. Празднование лицейских годовщины при Пушкине и после него // Пушкин и его современники. 1910. Вып. 13. С. 38—89.

¹¹⁵ Ореус И. И. Экспедиция генерального интаба полковника Берга на Усть-Урт в 1825—1826 гг. // Военный сборник. 1879. № 12. С. 203.

¹¹⁶ Ореус И. И. Указ. соч. С. 203—204.

зрение восточного берега Каспийского моря, отыскание на Аральском перешейке нескольких пунктов, удобных к заложению укреплений, могущих со временем послужить с пользой для военных и торговых видов, а также разведывание о самом Аральском перешейке в отношениях торговли, военном и топографическом, представить о том свое мнение, а равно и о возможности и невозможности соединить Каспийское море с Аральским, сколько возможно сведений собственно о Хиве»¹¹⁷.

Проведение экспедиции было вызвано целым рядом обстоятельств. На этой территории между Каспийским и Аральским морями хивинские феодалы угоняли скот, забирали в плен русских и казахов. С Зауральской линии и рыбных промыслов многие насильственно угонялись в среднеазиатские ханства.

В таких условиях возникла остройшая необходимость в снаряжении экспедиции для защиты населения и сбора сведений о регионе, составления точных карт местности. По сведениям И. И. Ореуса, «она состояла из двух с половиной тысяч человек при шести орудиях»¹¹⁸. Это была одна из крупнейших экспедиций первой половины XIX в.

Интересен составленный Вольховским в полевых условиях «Топографический журнал пространства Киргизской степи между Каспийским и Аральским морями»¹¹⁹, содержащий описание побережья Каспийского моря от устья Эмбы до полуострова Бузачи. Он дает представление о маршруте, животном и растительном мире региона, рельефе местности и т. п.

Иногда автор делает любопытные замечания из жизни казахов, указывает родо-племенные названия казахских аулов. Его отчет насыщен довольно подробными описаниями, о чем свидетельствует, например, такая запись: «На этом переходе в первый раз в большом количестве растет трава курай, похожая на борщевик, и которую можно употреблять вместо дров, ибо она только короткое время на верхушке имеет зелень, а потом скоро высыхает. Золу этой травы киргизы употребляют в мыло»¹²⁰.

¹¹⁷ Первые русские научные исследования Усть-Урта. М., 1963. С. 223.
¹¹⁸ Ореус И. И. Указ. соч. С. 199.
¹¹⁹ Первые русские научные исследования Усть-Урта. С. 87—113.
¹²⁰ Цит. по: Первые русские научные исследования Усть-Урта. С. 92.

По наблюдениям Вольховского, «на Усть-Урте (**Устъ-Урт**. — В. Г.) киргизы адаевского рода кочуют в **небольшом** числе только летом, зимою можно кочевать только при Карапюлес, около которой местоположение гораздо ниже и потому теплее; в других местах свирепствуют сильные холодные ветры и снега бывают глубокие от $\frac{1}{2}$ до 1 аршина и покрываются корою, которой даже лошади не могут пробивать»¹²¹.

Характеризуя местность, через которую проходила экспедиция, Вольховский конкретно указывает, **какие** рода кочуют в этом районе, используя их самоназвания: табын, черкес, алым, ките, каракисек, джанас. По **его** наблюдениям «они не имеют определенных мест, но **кочуют** смешанно и споры у них бывают только об **одних** колодцах»¹²². В. Вольховский использует лексику **кочевых** родов и при описании кормовых трав, корм (по **названию**) всегда определяя точно: суран, биургун, **джусан**. Причем В. Вольховскому настолько знакома была казахская терминология, что он единицы расстояния **занимствует** из кочевого быта: «По пути следования **отряда** находилось довольно боярыша, вправо же при **колодцах** Чубук был саксауловый лес, состоявший из деревьев в две сажени высоты при толщине в 3 и более вершка. Твердое, но хрупкое дерево может почти служить **только** на дрова, на Сыр-Дарье его употребляют вместе с **другим** легчайшим деревом для строения лодок, но **таковые** лодки вдвое менее подымают обыкновенных. На сем **переходе** замечено множество следов куланов»¹²³.

Материалы отчета В. Вольховского содержат **также** важные замечания по геологии, этнографии края: «Поднявшись на Усть-Урт, открылась почти совершенно **ровная** поверхность, увенчанная по горным мысам небольшими холмами... Усть-Урт весь состоит из каменистых пород позднейшего образования, покрытых песчано-глинистым слоем. Спуски с гор почти везде каменисты и весьма круты. Под оными находились во многих **местах** ключи, достаточные только для малого числа лошадей, но оных киргизы запруживают, чтобы наконить **воды**. Самый богатый из ключей был при мечети супаныма (отшельника) Бекеша. Мечеть сия высечена в гипсовом

¹²¹ Цит. по: Первые русские научные исследования Усть-Урта. С. 97.

¹²² Там же. С. 98.

¹²³ Там же. С. 97.

утесе и состоит из двух покоев величиной с киргизскую кибитку; в один из них был низкий вход, а другой освещался отверстием, пробитым сверху в камне, возле мечети находилось несколько могил, украшенных обтесанными четырехугольными камнями»¹²⁴.

Напряженная работа Вольховского являлась органичной частью результатов, полученных экспедицией, несмотря на то, что завершить свои исследования ему не удалось. Из Петербурга с нарочным к оренбургскому генерал-губернатору Эссену пришла депеша: «В России по несчастью открыто пагубное тайное общество, умышлявшее на разрушение государственного порядка и правительства. По показаниям некоторых соучастников сего общества, известно стало, что к оному принадлежал, но потом отстал, гвардейского генерального штаба капитан Вольховский, тот самый, который отправлен с полковником Бергом в экспедицию в Бухарию. Посему Государь повелевает, чтобы Ваше Превосходительство при первом удобном случае приказали Вольховскому возвратиться к вам и потом отправили бы его сюда в С.-Петербург с нарочным»¹²⁵. По распоряжению оренбургского генерал-губернатора Эссена он был отозван из экспедиции и 13 марта 1826 г. с нарочным фельдъегерем отправлен из Оренбурга для допросов в связи с событиями на Сенатской площади. Эссен писал начальнику Генерального штаба Дибичу: «...вытребованный мною из отряда полковника Берга, в Киргизской степи находившийся, гвардейского генерального штаба капитан Вольховский при сем с нарочным Оренбургского казачьего полка Шубиным препровождается»¹²⁶.

Имя В. Вольховского в материалах следственной комиссии появилось 1 февраля 1826 г. В этот день арестованные С. Трубецкой и М. Муравьев-Апостол открыто заявили, что он был на собраниях общества. Этот факт подтвердил и Митьков¹²⁷.

Во время следствия стало известно — одним из первых В. Вольховский вошел в «Союз спасения», после организационных изменений стал участником «Союза благоденствия». По свидетельству декабристов, В. Вольховский в глазах друзей по «Союзу благоденствия» мог по

¹²⁴ Первые русские научные исследования Усть-Урта. С. 98.

¹²⁵ ЦГВИА СССР, ф. 36, оп. 4/847, д. 15, л. 2.

¹²⁶ Там же, л. 3.

¹²⁷ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 240, л. 1, 3.

праву стоять в ряду мужей, описанных Плутархом»¹²⁸. В последний период существования декабристских организаций В. Д. Вольховский был членом Северного общества.

Многие участники выступления на Сенатской площади ссылались на А. Куницина, И. Пущина, В. Кюхельбекера и В. Вольховского как на источники свободомыслия¹²⁹. При допросах в следственной комиссии М. М. Сперанский показал: «Вольховский состоял в сношениях с обществом и после 1821 года участвовал в собраниях в 1823 году у Пущина и других членов. Совещания сии заключались в учреждении думы, выборе членами оной: Трубецкого, Никиты Муравьевса и Оболенского и в положении стараться взыскать средства к введению конституции»¹³⁰.

Подробные показания о Вольховском, имевшие решающее значение для следствия, дали многие декабристы в тот же день, 9 мая. Вот их показания:

М. Нарышкин: «...капитан Вольховский был членом Союза Благоденствия в 1821 году, находился в сношениях и посещал некоторых из членов оного, как-то: Пущина (Ивана), Е. Оболенского (Евгения), служившего в лейб-гвардии Егерском полку Семенова, Никиту Муравьевса и меня. Кем он был принят, не знаю, также, никаких именно находился совещаниях. Сколь мне известно, мнения его политические всегда были умеренны...»¹³¹

М. Назимов: «...Вообще В. Вольховский всегда был скромок и воздержан в словах и, сколько я понимаю его то политические мнения его клонились к монархическому конституционному правлению. Утвердительного же участия его даже в сих последних передо мной не обнаруживал. И в чем именно заключалась прикасновенность его к обществу, я не знаю, ровно того, с кем из членов оного был он впоследствии в особых сношениях...»¹³².

Н. Бестужев: «Я у Пущина в Петербурге не был сроду, и потому не могу знать, бывал или нет у него Вольховский. О сношениях его с сообществом тоже ничего не знаю, и, встретившись с ним в 1825 году в Москве

¹²⁸ Литературное наследство. М., 1956. Т. 60, кн. 1. С. 612.

¹²⁹ Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958. С. 39—40.

¹³⁰ Восстание декабристов. Л., 1925. Т. 8. С. 50—51.

¹³¹ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 240, л. 9 и об.

¹³² Там же, л. 10 и об.

мае месяце у Ивана Пущина, он мне рекомендовал его не как члена, но как соученика по лицею. Видел В. Вольховского мельком. Так что даже мнений его узнать не мог. Разговор был об экспедиции в Бухарю, куда его приглашали, и мне нужно было возвращаться в департамент, чтобы ехать в Петербург и он поторопился, и более и с тех пор мне слышать о нем не удалось. Что же касается до совещаний общества в 1823 году, я не могу и дать о них сведений»¹³³.

И. Пущин: «Бурцов тотчас же узнал его, понял и оценил»¹³⁴.

А. Поджно: «Больше всех связан Вольховский с Никитой Муравьевым»¹³⁵.

А. Бестужев-Марлинский: «Вольховский бывал у Пущина. Оба собирались в экспедицию»¹³⁶.

М. Муравьев-Апостол, С. Трубецкой, И. Бурцов и А. Бригген во время допроса подтвердили, что знают Вольховского как члена общества¹³⁷.

Характер показаний большинства участников движения, которые не давали следственной комиссии оснований для категоричных выводов, позволяли В. Д. Вольховскому выбрать правильный вариант защиты.

Хотя показаниями декабристов было подтверждено участие Вольховского в тайном обществе на протяжении длительного времени и его активная роль в деятельности собраний, он утверждал, что непричастен к восстанию 14 декабря. 9 мая на заседании комиссии он дал следующие показания: «Летом 1818 года предложено мне было вступить в Союз благоденствия, общество, имевшее целью благотворение и нравственное усовершенствование членов, с условием ничего не делать правительству. Следующие лица мне известны были как члены общества: гвардейского генерального штаба офицеры Бурцов, Павел Конюшин, Никита Муравьев, конной артиллерии Пущин, лейб-гвардии Московского полка Михаил Нарышкин, лейб-гвардии Егерского полка Семенов и Горский. Вместе с ними я видел тогда и некоторых других, но точно не могу сказать, были ли они членами общества или нет; из находившихся же в Петербурге называ-

¹³³ ЦГАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 240, л. 12 и об.

¹³⁴ Там же, л. 3—11.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же.

ли мне членами: гвардейского генерального штаба полковника Муравьева, брата его Михайло Муравьева и Петра Коношина. Цель союза, насколько она мне была открытою, я действительно нашел непротивозаконною ни делом, ни намерением. Но, с другой стороны, я скоро увидел, что общество сие вовсе бездеятельно и нимало не соответствовало лыжно возвещенному намерению своему, почему участие мое стало постепенно ослабевать, а с 1820 года совершенно прекратилось. В 1821 же году, по возвращении моем из похода в Бухарию, мне сказывали, что и весь Союз разрушился. После чего как об оном, так и об каком другом тайном обществе я уже ничего ни от кого не слышал»¹³⁸.

После 9 мая В. Вольховский был освобожден из-под ареста, а 1 августа следственная комиссия уведомила, что дело В. Вольховского прекращено.

Отрицание Вольховским своей вины, его очень осторожные показания на следствии, сравнительно длительная подготовка к нему в пути, — все это дало возможность создать видимость непричастности к движению декабристов. Один из дореволюционных исследователей писал о В. Д. Вольховском: «Он не мог увлекаться утопиями, а потому, когда юношеский пыл простыл, Вольховский оттолкнулся от общества с членами этого кружка. К тому же частые отлучки не давали ему возможности ни видеться с ними, ни узнавать дальнейшую эволюцию их мыслей»¹³⁹.

Решение комиссии и обстоятельства, связанные с освобождением Вольховского из-под ареста и прекращением его дела, сравнительно легкое наказание (он был лишь переведен на Кавказ, без понижения в звании) дали основание ряду исследователей утверждать, что он не был активным, убежденным сторонником организаторов восстания на Сенатской площади, участвовал лишь в ранних декабристских организациях и вскоре отошел от движения. Такая точка зрения ошибочна. Об участии его в «Священной артели» на допросе говорили И. Пущин, А. Гангеблов и А. Розен. То, что Вольховский был в частых отъездах, — это верно, но он ежегодно подолгу бывал в Петербурге, общался с декабристами, входил в ближайшее окружение Н. Муравьева, автора конституционного проекта. Следовательно, Вольховский был од-

¹³⁸ ЦГЛАОР СССР, ф. 48, оп. 1, д. 240, л. 7—8.

¹³⁹ Гастфрейнд Н. Указ. соч. С. 49.

ним из деятельных участников декабристских организаций.

Тот факт, что Вольховский, по существу, избежал жесточайших репрессий, в значительной степени объясняется тем, что комиссии не удалось получить материалов, свидетельствующих об активном участии в декабристских организациях, ни от самого Вольховского, ни от близких к нему участников движения. Он предстал перед комиссией в апреле. Острота событий успела сгладиться. Точные и правильные ответы не оставляли места для улик. В протоколе нет фамилий, дат, фразы расплывчатые. Одни отрицания. Следственная комиссия судила о Вольховском по показаниям других декабристов.

Вероятно, при решении вопроса о судьбе Вольховского учитывалось также то обстоятельство, что только вступившему на трон Николаю I необходимо было как-то смягчить реакцию общества на разгром декабристского движения.

Вся дальнейшая жизнь Вольховского — яркое свидетельство того, что царские власти никогда не считали его непричастным к декабристским организациям.

Впоследствии В. Д. Вольховский был отправлен на Кавказ. Ни военные подвиги, ни длительная служба, ни блестящие дипломатические успехи и воинские звания не внушали царизму доверия к декабристу: его повышали в чинах, но не выпускали из-под полицейской слежки, из-под пуль и опасностей театра военных действий на Кавказе¹⁴⁰. Несмотря на это, Вольховскому удавалось поддерживать дружеские связи с близкими ему по духу людьми А. С. Грибоедовым, М. Ю. Лермонтовым,

¹⁴⁰ О пребывании Вольховского на Кавказе, его дипломатической службе, картографических работах и общественной деятельности см.: Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссию // Архив главного управления наместника Кавказского. Тифлис, 1878. Т. 7; Щербатов Н. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Сиб., 1891; Русский архив, 1893. Т. 3; Архив Раевских. Спб., 1902. Т. 1; Гастфрейнд Н. Товарищи Пушкина по императорскому Царскосельскому лицею. Сиб., 1912; Шадури В. Декабристская литература и грузинская общественность Тбилиси, 1958; Шестакович С. В. Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова. М., 1960; Нерсисян М. Из истории русско-армянских отношений. Ереван, 1961; Он же. Декабристы и их друзья в боях за присоединение Армении к России в 1826—1829 гг. // Из истории вековой дружбы. Ереван, 1983; Письма декабристов Д. Искрицкого и В. Вольховского о Кавказе // Историко-филологический журнал АН АрмССР. 1963. № 2; Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы. М., 1978.

А. С. Пушкиным. Под воздействием общения с В. Д. Вольховским, его рассказов о жизни районов, связанных с восстанием Е. Пугачева, А. С. Пушкин осенью 1833 г. совершил поездку в Западный Казахстан. Непосредственным проводником его в этой поездке был В. И. Даль. Побывали они в Уральске, Оренбурге, в разных поселках и аулах, знакомились с жизнью казахского народа. Рассказывая о пребывании А. С. Пушкина в Оренбурге, дочь В. И. Даля писала, что «он был поражен тем же, что поразило и отца при приезде в Оренбург: строем жизни на Урале. Пушкину показалось, что Урал — непочатый угол, которым сочинитель может заняться. Он почувствовал, что Урал мог бы многое вызвать у него»¹⁴¹.

Полиция следила за поездкой Пушкина. Из Петербурга в Оренбург пришло предписание о том, что А. С. Пушкин «выбыл в имение его, состоящее в Нижегородской губернии, — сообщил нижегородский губернатор на имя оренбургского генерал-губернатора. — Известясь, что он, Пушкин, намерен был отправиться из здешней в Казанскую и Оренбургскую губернию, я долгом считаю о вышесказанном известить, в случае прибытия его в Оренбургскую губернию, учинить надлежащее распоряжение о учреждении за ним во время его пребывания в оной секретного полицейского надзора за образом жизни и поведением его»¹⁴².

В Приуралье А. С. Пушкина интересовали места крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Он побывал в пригороде Оренбурга — деревне Берды. Слушал рассказы старухи, помнившей событий пугачевщины. Затем вместе с В. И. Далем совершил поездку в Уральск.

О тесных дружеских контактах А. С. Пушкина с В. Д. Вольховским свидетельствует также его письмо к Вольховскому, относящееся к периоду выхода в свет «Истории Пугачевского бунта»: «Посылаю тебе последнее мое сочинение «Историю Пугачевского бунта». Я постарался в нем исследовать военные тогдашние действия и думал только о ясном их изложении, что стоило

¹⁴¹ ООА, ф. 6, оп. 5, д. 10633а, л. 3; Юдин П. Памяти А. С. Пушкина // Русский архив. 1899. № 5. С. 137—138; Дело о секретном надзоре над Пушкиным (Сообщил А. Львов) // Русская старина. 1833. № 1. С. 78.

¹⁴² Алмазов В. Письма из Оренбурга 1833 г. // Русский архив. 1902. № 8. С. 647.

мне немалого труда... Все это нужно было сличать, проверять; мнение твое касательно моей книги во всех отношениях было бы мне драгоценено»¹⁴³.

Круг личных связей В. Д. Вольховского, направленность его деятельности отражали его мировоззрение, являлись ярким подтверждением того, что он, как и многие, оправдал доверие по службе, но не оставил прежних мыслей¹⁴⁴. Показательно, что в анкетах о декабристах в III отделении указан и В. Д. Вольховский.

Нетрудно заметить, что еще до восстания декабристов отдельные представители этого движения были связаны с Казахстаном по долгу своей гражданской или военной службы. И, причем, это были люди хорошо известные в декабристской среде. Пребывание в Казахстане дополняло различные стороны формирования идеологии декабристов.

Записки В. Д. Вольховского, А. А. Жемчужникова, документы Г. С. Батенькова и Н. Н. Муравьева, их деятельность в казахском крае являются важными свидетельствами связей декабристов с казахским краем в период, предшествующий выступлению 14 декабря 1825 года. Знакомство с краем, интерес к изучению природы, экономики и истории казахского народа проявился у декабристов еще в период формирования их идеологии. Однако было бы неверно связывать это только с деятельностью Г. С. Батенькова, А. А. Жемчужникова, Н. Н. Муравьева. В период формирования идеологии декабристов в Западном Казахстане проходили восиную службу и знакомились с краем декабрист В. Д. Вольховский, близко стоявший к декабристам Г. С. Карелии. Все это свидетельствует о том, что еще до восстания на Сенатской площади в поле зрения декабристов находились казахский край и казахский народ.

¹⁴³ Пушкин А. С. Сочинения: В 10 т. М., 1949. Т. 10. С. 529.

¹⁴⁴ Шадури В. Декабристская литература и грузинская общественность. Тбилиси, 1958. С. 58.

Глава II

ДЕКАБРИСТЫ В ССЫЛКЕ И ИХ ОКРУЖЕНИЕ

Мировоззрение декабристов, приведшее их к идеи вооруженного восстания, отличалось широтой и разнонаправленностью. Приоритетное положение в кругу интересов дворянских революционеров занимал национальный вопрос.

Интерес декабристов к национальному вопросу в России выработан под воздействием заграничных походов, столкновения с новой обстановкой, с ростом национально-освободительного и революционного движения на Западе.

Анализируя национальный вопрос в мировоззрении декабристов, С. Л. Мухина приходит к выводу: «Национальный вопрос не мог не играть важной роли в политической программе декабристов в силу объективных исторических причин. Важнейшей причиной, обусловившей усиленное внимание декабристов к нерусским народам, была сама сущность декабристских взглядов»¹.

Взгляды декабристов по национальному вопросу не были едиными, направленность толкований иногда была противоположной. Так, если П. Пестель допускал ассилиацию других народностей русскими, то К. Рылеев среди мотивировок необходимости республиканского строя указывал на разноплеменный состав жителей России. Декабрист М. М. Спиридов указывал на ошибочность положений «Русской правды» по национальной политике, находил нелепым «превращение евреев, татар и других многих народов в русских... никогда бы их в

¹ Мухина С. Л. Литература декабризма о нерусских народах России. Фрунзе, 1976. С. 46.

сем нельзя уверить, основываясь, сколь сие противно правилам их вероисповедания»².

Декабристы видели бесправие народов царской России. Желая изменить общественное устройство, они обращали внимание на судьбу нерусских народов. Проблемы народностей, национального своеобразия выступали явственно. У большинства из них отсутствовали националистические тенденции, четко обнаруживалась терпимость в постановке вопросов, касающихся национальной политики³.

Интересны в этом отношении взгляды декабриста А. Е. Розена, который считал, что для утверждения приоритета русской культуры необходимо обеспечить условия, благоприятные для развития культур национальных. По его мнению, следует дать «татарам говорить по-татарски, грузинам по-грузински, прибалтийским русским по-немецки, по-эстонски, по-латышски, пока они по своим сношениям и связям с жителями великорусских губерний не убедятся, что все русское гораздо лучше и полезнее, чем грузинское и немецкое, тогда они все охотно научатся говорить и писать по-русски»⁴.

Эти моменты нашли отражение в одном из программных документов декабристского движения — «Русской правде» П. Пестеля. Автора его современники считали одним из образованнейших людей своего времени. 6 апреля 1821 г. после встречи с ним А. С. Пушкин писал: «Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю»⁵. Но его мировоззрение не было свободно от определенных стереотипов. Так, по мнению П. И. Пестеля, обширные земли казахов на юго-востоке, простирающиеся до Тянь-Шаня, Тарбагатая и Алтая, «изобилуя всеми процветаниями, могли бы обратиться в отличную страну, которая бы обогатила Россию многими произведениями природы и многими способами для самой выгоднейшей и деятельнейшей торговли, между тем как сие все совершенно теряется от необузданности и невежества киргизов»⁶.

² Восстание декабристов. М., 1926. Т. 5. С. 126—127.

³ Мухина Л. С. Литература декабризма о нерусских народах России. С. 49.

⁴ Розен А. Е. Записки декабриста. Спб., 1907. С. 329.

⁵ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. М., 1964. Т. 7. С. 17.

⁶ Пестель П. И. Русская правда // Восстание декабристов: Документы. М., 1958. Т. 7. С. 124.

Постановка национального вопроса является несомненной заслугой П. Пестеля. Острейшую проблему многонационального государства он стремился решить с позиции, предопределенной рамками классового сознания дворянского революционера. Так, будучи хорошо осведомленным о нравах, обычаях, семейном быте, хозяйстве казахов, он считал, что для малых народов лучше и полезнее, «когда они соединяются духом и обществом с большим государством и совершенно сольют свою народность с народностью господствующего народа, составляя с ним только один народ»⁷. При этом он подчеркивал, что крупный народ не должен и не может использовать свое превосходство для угнетения и порабощения. Независимо от расы люди равны от природы.

Развитое Российское государство, по мнению Пестеля, должно быть строго централизованным. Он боялся каких-либо политических осложнений, развития центробежных сил. Поэтому отдавал предпочтение централизованной форме управления перед федеративной. Однако это не мешало ему рассматривать различие народностей, населяющих Россию. П. Пестель признавал за различными народами право свободы вероисповеданий. Для дворянской революционности это было важное положение. Автор «Русской правды» выступал и против колониального режима. По заключению Пестеля, колониям необходимо оказывать покровительство. Особо подчеркивалось, что в состав России входят «земли киргиз-кайсацких орд, кочующих к северу от хребта гор, идущего от Бухтарминской крепости прямо к Аральскому морю...»⁸.

В противоположность практике царских колонизаторов революционер-декабрист проявлял подлинную заботу о благосостоянии и всестороннем развитии тех, кого царизм обрекал на жалкое существование. Пестель писал: «...священная возлагается на временное Верховное Правление обязанность глубокое внимание обратить на сии народы... Надлежит заботиться об улучшении их положения, тем еще более, когда к сей причине присоединяется и то еще обстоятельство, что они в нашем государстве, в нашем отечестве обитают. А потому да сделаются нашими братьями и перестанут коснеть в жалостном своем положении. Цель сия была бы боль-

⁷ Восстание декабристов. Т. 7. С. 123.

⁸ Там же. С. 142—143.

шую частью достигнута, если бы успеть можно было их на постоянное жительство поселить и к земледелию обратить. Но поелику сего нельзя исполнить прямым мероприятием, то и надлежит к сему предмету косвенно их вести»⁹.

В проектируемом республиканском переустройстве России Пестель особую роль отводил казахам, которые, наряду с донскими казаками, могли выполнять функции по обороне страны. Пестель предлагал: «В отношении к киргизам должно применять все меры, дабы привести их в то же положение, устройство и образование, как донские казаки, ибо им одинаковая предназначена цель»¹⁰.

Созданный им документ предусматривал при новом административно-территориальном делении России создание десяти областей и двух самостоятельных уделов: Донского и Аральского. М. С. Лунин, развивая эту мысль, писал: «Никогда русские не думали о покорении своих братьев, никогда они не предполагали предписывать им законы и не претендовали на какое-либо социальное или политическое превосходство над ними. Они предлагают им не благодеятельную опеку, а согласованность воли и соединение усилий к одной цели, которую они провозглашают»¹¹.

После революции П. Пестель предлагал освободить большие и малые народы от «частного ига их правителей», избавить от «нищеты и невежества», создать благоприятные условия для просвещения, подчеркивая, что «право народности (т. е. независимого существования) существует истинно для тех только народов, которые, пользуясь оным, имеют [также] возможность оное сохранить»¹².

Анализ основных положений «Русской правды», касающихся решения национального вопроса, позволяет сделать вывод: декабристы проявляли подлинную заботу об улучшении благосостояния кочевников и создании необходимых материальных условий для всестороннего развития казахов и других кочевых народов страны, предполагали провести намеченные ими мероприятия (социально-экономические) весьма осторожно и не-

⁹ Восстание декабристов. Т. 7. С. 142—143.

¹⁰ Там же. С. 143.

¹¹ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. Т. 3. С. 178.

¹² Восстание декабристов. Т. 7. С. 121.

насильственным путем. Так, проект Пестеля в этих целях предусматривал «выделение каждой родоплеменной группе особого пространства, называемого волостью, пропаганду передовых достижений сельского хозяйства, устройство производственных складов на случай, если кочующие народы в собственной своей пище нуждаются будут»¹³. Черты ограниченности дворянских революционеров проявлялись в данном случае в предложении «составить из них всех только один народ и все различные оттенки в одну общую массу слить так, чтобы обитатели целого пространства Российского государства все были русские»¹⁴.

Материалы «Русской правды» свидетельствуют о том, что для декабристов Сибирь и Прииртышье были частью Отечества. Они беспокоились о развитии производительных сил края, считали необходимым «осуществлять надзор над внутренней и внешней торговлею, стараясь оную распространить и оживить ею совершенно мертвые части Отечества»¹⁵. Это проявлялось, в частности, в дифференцированном подходе к региону. Проект выделял в отдельную область, отличную в хозяйственном отношении от коренных районов страны, территорию казахов и других кочевых народов, улучшению положения которых должно было содействовать введение просвещения, образованности, земледелия и оседлости. По их мнению, «водворению между сими народами порядка и благоденствия» должно способствовать «составление волостей и устройство правления на общих началах для России»¹⁶.

Вопросы народоведения, национальные особенности были в кругу интересов не только П. Пестеля, но и многих других декабристов. Так, Н. Бестужев отмечал способность азиатских народов «идти наравне со всеми лучшими племенами человеческого рода»¹⁷.

Взгляды П. Пестеля и других декабристов в определенной мере отражали реальное положение в казахских степях, обусловленное внутренним положением казах-

¹³ Восстание декабристов. Т. 7. С. 143.

¹⁴ Там же. С. 149.

¹⁵ Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1. С. 245.

¹⁶ Восстание декабристов. Т. 7. С. 143.

¹⁷ Бестужев Н. А. Гусиное озеро // Вестник естественных наук, издаваемый императорским московским обществом испытателей природы. М., 1854. № 30. С. 479.

ского общества и влиянием российской действительности.

В военных гарнизонах, расположенных по Иртышской линии, и в Оренбургском крае было неспокойно. В войсках Оренбургского корпуса очень частыми были побеги солдат из частей. В 1816 г. из Илецкой защиты бежал И. Величкин. На следующий год из шестой роты Оренбургского гарнизона скрылся И. Харитонов. Однако последний был «разыскан, прогнан сквозь строй через пятьсот человек и обращен на службу в свой батальон». Такие примеры можно продолжать: из Илецкой защиты совершил побег И. Литкевич, из Оренбурга — Г. Бадаев, из Уральска — Г. Аксенов, С. Голиков, из Звериноголовской крепости — Б. Аббасов, из Уральска — Я. Иванов и другие¹⁸.

О внутриполитической ситуации, сложившейся во второй половине 1820-х гг. в Оренбургском крае, шеф III отделения А. Х. Бенкендорф писал позднее генерал-губернатору Оренбургского края В. А. Перовскому: «Крестьяне и дворовые люди обратились в Оренбургскую губернию, в значительном числе, и начальство этой губернии едва успело остановить таковое движение, посредством военной силы, и тем отвратить всеобщее волнение — и наконец, что по общему отголоску известно, будто подобные сборщики подаяний, из личных выгод, или также по невежеству, переносят из одного края в другой письма таким лицам, которым правительство воспрещает иметь какую-либо переписку без его ведома»¹⁹. На это Перовский отвечал: «...действительно, в 1820-х годах было значительное стечание беглых помещичьих крестьян, обманутых ложными слухами о земле и свободе, представляемых будто бы правительством переселенцам на реку Сыр-Дарью»²⁰.

После разгрома восстания декабристов положение в стране оставалось крайне напряженным. Продолжались крестьянские волнения в деревнях и выступления в военных поселениях, происходило глубокое брожение в войсках. За участие в Чугуевском восстании в Новгородской губернии в Оренбургский корпус были сосланы разжалованные офицеры Тареев, Туманский, Щербина

¹⁸ ОOA, ф. 6, оп. 10, л. 5279, л. 3—12.

¹⁹ Там же, л. 1.

²⁰ Там же, л. 2.

и еще девять человек²¹, а также значительное количество солдат. По данным В. А. Федорова, их было более двухсот человек, причем 25 были отправлены в ссылку прямо из лазарета после физической расправы. Количество ссыльных в оренбургских батальонах увеличилось после суда над повстанцами Семеновского полка. Так, сюда были сосланы 276 чел. из 802 рядовых, находившихся под следствием. Кроме того, 172 чел. были направлены в Сибирский корпус²², многие гарнизоны которого были разбросаны по Иртышской линии. Все эти люди прибыли в край в 1819—1823 гг. Интересные сведения приводит А. Слезинский: 15 чел. было сослано в отдельный сибирский батальон, в отдельный сибирский корпус — 28 нижних чинов и 46 артиллеристов. Сюда же направляются из Виттенбергского полка — 47 рядовых, Карабинерского — 28, Мекленбургского — 27, Киевского полка — 27. Кроме того, отданы в военно-рабочие батальоны 57 чел.²³

В Петропавловскую крепость прибыли ссыльные солдаты Семеновского полка: Алексей Астафьев, Степан Баев, Иван Грачев 1-ый, Иван Грачев 2-ой, Ефим Есипенко, Алексей Конопов, Петр Ланков и Василий Лепешкин. При переселении 78 семей казаков в Кокчетавский внешний окружной приказ в 1826 г. туда был переселен и отставной унтер-офицер Семеновского полка Илья Яковлевич Десятков²⁴. Сохранилась литературная запись о проживании одного семеновского солдата в Усть-Каменогорске²⁵. Долгие годы в Пограничном управлении сибирских казахов работали семеновцы Д. Абрамов и Н. Сорокин²⁶.

В Оренбуржье проживало немало приписных крестьян. К оренбургским заводам и илецким промыслам были приписаны 539 мастеровых и 39 152 крестьянин-работника²⁷. Весь Южный Урал в этот период был охва-

²¹ Федоров В. А. Солдатское движение в годы декабристов: 1816—1825. М., 1963. С. 62—63.

²² Федоров В. А. Там же. С. 150—151.

²³ Слезинский А. Бунт военных поселен в холеру 1831 г. Новгород, 1894. С. 201—210.

²⁴ Бенюк М. За пять лет до декабристов // Ленинское знамя (Петропавловск). 1975. 13 декабря

²⁵ С. Б. [Герасимов]. Семеновцы в Семипалатинской области // Сибирский архив. 1911—1912. Кн. 8. С. 662.

²⁶ ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 215, л. 5—6.

²⁷ Кеппен П. Девятая ревизия. Спб., 1857. С. 219.

чен крестьянскими волнениями. Так, Оренбургский полицмейстер писал: «Сии люди не укрываются, а бредут целыми колоннами, даже вооруженные, и являются сами к начальству. И те и другие недовольны своими помещиками, все сии люди имеют отменно упрямый, возмутительный дух, который гораздо опаснее и вреднее, нежели их самый побег, и дух сей распространяется далее и далее, подобно заразе»²⁸.

Расправа над декабристами в Петербурге, ропот и недовольство в широких слоях населения Приуралья, где хорошо помнили Пугачева, подготовили благодатную почву для восприятия революционной мысли в Оренбурге. Типичной формой активного протesta было создание тайных революционных кружков, имевших тенденцию к превращению в тайное революционное общество. Их деятельность сводилась к поиску революционной теории.

Об антицаристских настроениях среди офицеров в Оренбургском крае интересные сведения может дать рукописный альбом, составленный офицером 29 Егерского полка П. Пятковским, включающий противоправительственные стихи А. С. Пушкина («Ноэль», «К. Н. Плюсовой»), К. Ф. Рылеева, басни Д. Давыдова²⁹. Содержание его, безусловно, свидетельствует, что этот человек был близок к противоправительственному движению, один из очагов которого находился в Оренбурге, возможно, принадлежал к одному из тайных обществ. В тетради есть две интересные записи, датированные 6 декабря 1824 г. и 16 октября 1825 г. Последняя дата проставлена перед самым восстанием декабристов на Сенатской площади. На это впервые обратил внимание Н. Раевский в статье на страницах журнала «Звезда»³⁰.

В конце 20-х — начале 30-х гг. под влиянием революционного брожения в обществе как реакция на разгром восстания декабристов в Оренбурге возник небольшой противоправительственный кружок — Оренбургское тайное общество. В нем состояли: А. Л. Кучиневский, Са-

²⁸ Цит. по: Матвеевский П. Е. К вопросу о революционной ситуации 20-х годов XIX века и отзвуки движения декабристов в Оренбургском крае // Учен. зап. Чкаловского педагогич. ин-та. 1952. Вып. 6. С. 215—240.

²⁹ Отдел редких книг и рукописей Гос. библиотеки КазССР им. А. С. Пушкина, инв. № 402.

³⁰ Раевский Н. Опасная тетрадь // Звезда. 1975. № 12. С. 171.

марин, П. Кудряшов, Х. М. Дружинин, Г. С. Даньков, В. П. Колесников, В. В. Ветошников, П. Е. Величко, И. М. Старков, Д. Н. Таптыков, Г. С. Карелин и др.³¹ Именно ими в общих чертах был намечен план восстания и установлены связи с декабристами М. Н. Новиковым³², Н. Кожевниковым, польским революционером Т. Заном и другими польскими ссыльными³³.

Ставя своей целью «произведение политического переворота в краю сем»³⁴, члены общества проводили агитационную работу среди оренбургского и уральского казачества, на возмущение которого возлагались большие надежды. С началом вооруженного восстания предполагалось «отправить на оренбургскую пограничную линию достойных приверженцев, равно и в Уральское казачье войско для присоединения их к обществу»³⁵.

Член общества Максимов, по сведениям полиции, незаконно продавал казахам порох, свинец, серу.

Участники тайного общества стремились привлечь казахское население к участию в борьбе против угнетателей. Один из доносчиков, ссылаясь на беседу с членом общества В. Ветошниковым, писал в III отделение: «Войско Уральское и киргизцы были согласны при поднятии их знамени приступить к бунту»³⁶.

В отношении к местному населению проявилась бли-

³¹ Колесников В. П. Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату. С. 114; ЦГВИА СССР, ф. 801, оп. 70/11, отдел II, д. 24, л. 12.

³² Логгин Ю. М. Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1959. Т. 2. С. 66—69; Равдин Б. Н., Рогинский А. Б. Записки декабриста М. Н. Новикова «О земледелии и мануфактурах в России // Освободительное движение в России. Саратов, 1975. Вып. 5. С. 126.

³³ Рабинович М. Д. Новые данные по истории Оренбургского тайного общества. С. 111; Он же. Декабристы в Башкирии и Оренбургском крае // Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958. С. 147—178; Варшавский Л. И. Памятные страницы. Алма-Ата, 1978. С. 50—58; Чернов И. В. Записки // Труды Оренбургской ученої архивной комиссии. Оренбург, 1907. Т. 18. С. 53—54; Декабристы: Тайные общества: Процессы Колесникова, бр. Критских и Раевских. М., 1907. С. 247—254.

³⁴ Федосов И. А. Революционное движение в России во второй четверти XIX века. М., 1958. С. 55.

³⁵ Там же. С. 57.

³⁶ Рабинович М. Д. Новые данные по истории Оренбургского тайного общества. С. 109; ЦГАОР, ф. 109, 1 эксп., 1831 г., оп. 5, д. 118, л. 1—6.

зость Оренбургского тайного общества к идеологии декабристского движения. Декабристы сочувственно относились к выступлениям местных народов за свою свободу, против социального и национального гнета. Они ратовали за содружество людей разных национальностей³⁷. Попытку царизма карательными мерами усмирить народы Кавказа осуждали А. Бестужев, Н. Муравьев, Н. Лорер, А. Корнилович³⁸.

Несмотря на то, что членам Оренбургского тайного общества не удалось даже предпринять попытку реализовать свои планы, так как организация была раскрыта, их деятельность дала свои плоды.

В начале 1820-х гг. тайное общество сложилось и в другом конце казахских степей — в Астрахани³⁹.

После разгрома декабристов на Сенатской площади, поражения на юге последовали казни, ссылка, отдача в солдатчину. В 1826—1828 гг. в различных гарнизонах Оренбургского края и Иртышских укреплений находилось много ссыльных декабристов. В Омске в различные периоды времени отбывали наказание Л. Вронский, Н. А. Чижов, Н. В. Басаргин, В. И. Штейнгель. В Петропавловске — С. П. Палицын, Н. П. Кожевников, М. Д. Лаппа. Несколько лет в Бухтарминской крепости находился в ссылке М. И. Муравьев-Апостол. Некоторые декабристы были приписаны к мелким гарнизонам: Е. Е. Мусин-Пушкин — к Зверноголовскому, И. М. Черноглазов — к Верхнеуральскому, Е. Е. Франк — к Уральскому, П. А. Бестужев-Марлинский — к Кызыловскому, И. Высоцкий, К. и Ф. Ордынские, С. М. Семенов, Я. М. Былевский — к Усть-Каменогорскому.

«Высочайшим повелением» местом ссылки для многих участников движения был определен Семипалатинск. На основании анализа материалов следственной комиссии удалось установить, что сюда были направлены А. В. Веденякин, Н. Р. Цебриков, М. Д. Лаппа. Наиболее значимой личностью среди заброшенных в этот

³⁷ Дзидзария Г. А. Декабристы в Абхазии. Сухуми, 1970. С. 112.

³⁸ Гаджиев В. Г. Декабристы на Кавказе // Вопросы истории Дагестана. Махачкала, 1975. Вып. 3. С. 35—36.

³⁹ Петров В. «Тайное общество», открытое в Астрахани в 1922 году // Тайные общества в России в начале XIX века. М., 1926. С. 9—31; Юдин П. Декабрист Голицын в Астрахани // Русский архив. 1913. № 8. С. 266—269; Рабинович М. Д. Астраханские вольноподумцы начала XIX века // Материалы по истории России периода капитализма. М., 1976. С. 69—95.

край декабристов был, безусловно, Петр Петрович Коновницын — подпоручик Генерального штаба (в «Северное общество» был принят в ноябре 1825 г.). Цель общества знал и о восстании слышал — накануне выступления об этом сообщил А. О. Корнилович. В день восстания декабристов П. П. Коновницын имел поручение наблюдать за движением grenадерского полка. Осужден по 9 разряду и приговорен к лишению чинов и дворянства и к разжалованию в солдаты с определением в дальние гарнизоны. В Семипалатинск он прибыл 22 июня 1826 г., 14 февраля 1827 г. был переведен оттуда в 8-й Пионерский батальон на Кавказ⁴⁰. В продолжении марта находился в полку⁴¹.

В Усть-Каменогорском гарнизонном батальоне с 17 августа 1826 г. по 22 августа (по другим источникам по 4 марта 1827 г.) находился А. А. Фок — поручик лейб-гвардии Измайловского полка, который был близок с С. Каховским, Н. Кожевниковым. В следственном деле о нем запись: «Сознался, что он виновен; он слышал до возмущения 14 декабря о планах, что подтвердил Каховский, а еще прежде оной говорил разжалованному унтер-офицеру Колтушкину: «Скоро будет порешено, смотри, не выдавай нас». Унтер-офицеру Карпову и многим другим сказал, что присягать не должно и чтобы взяли хорошие патроны⁴².

В Оренбургской крепости с декабря 1826 по 11 июня 1827 г. находился Демьян Александрович Искрицкий (1803—1831). В тайное общество был принят еще в 1820 г. Впоследствии стал членом Северного общества. К 1825 г. служил в чине поручика в Генеральном штабе вместе с В. Д. Вольховским. Принимал участие в восстании 14 декабря 1825 г. Из Орска был переведен на Кавказ, участвовал в русско-иранской и русско-турецкой войнах. Показал себя мужественным и инициативным офицером.

В Оренбурге отбывал ссылку А. С. Горожанский. Здесь же служили Н. Красницкий и А. А. Жемчужников, А. А. Фок⁴³. А. С. Горожанский в седьмом Оренбургском батальоне пробыл недолго. Попал он сюда в 1830 г., а 18 декабря того же года за проступок был сослан в

⁴⁰ Восстание декабристов. Л., 1925. Т. 8. С. 328.

⁴¹ Цит. по: Барамия Л. Декабристы в Грузии: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1949. С. 273.

⁴² Восстание декабристов. Т. 8. С. 410.

⁴³ Там же.

Соловецкий монастырь⁴⁴. Несколько позже сюда прибывают А. Салтыков, И. Лушников, в 1848 г. приезжает А. П. Беляев.

В Троицком гарнизоне в течение двух лет находился Ф. Г. Вишневский — лейтенант гвардейского экипажа, член «Северного общества». Он был арестован 15 декабря 1825 г. и содержался на особом положении — в крепости на гауптвахте, без сообщения с другими⁴⁵. Следствие установило принадлежность его к тайному обществу и личное участие в восстании. За «возбуждение низких чинов к бунту» Ф. Г. Вишневский разжалован в рядовые до выслуги⁴⁶.

Некоторое время в Оренбургских гарнизонах числилось более 29 чел. ссыльных декабристов. Однако осенью 1826 г. одиннадцать декабристов из оренбургских и дальних (прииртышских) батальонов были переведены на Кавказ. Среди них: Н. Акулов, Н. Цебриков, П. Бестужев-Марлинский, А. Веденяпин, Ф. Вишневский, И. Черноглазов, Н. Кожевников, П. Коновницын, М. Лаппа, А. Фок, М. И. Пущин, Е. Мусин-Пушкин, Н. Цебриков. В 1827—1828 гг. из Омска, Семипалатинска, Оренбурга на Кавказ выехали Д. Искрицкий, П. Леман, В. Д. Сухоруков, Н. Кожевников, П. Бестужев, И. Жуков, И. Бурцов, П. Титов, Б. Бодиско, Н. Орлицкий⁴⁷.

III отделение ни на малейший срок не выпускало из поля зрения ссыльных декабристов. Особо жесткие условия надзора были применены к М. Муравьеву-Аpostолу, И. Завалишину, С. Палицыну и П. Титову, отбывшим наказание на территории современного Казахстана.

Петр Павлович Титов был сослан рядовым в Омский гарнизонный батальон. Продолжительное следствие и тяжелый сибирский климат тяжело отразились на его здоровье. Врач сделал заключение, что «со времени прибытия Титова в Омск здоровье его, и прежде слабое, совершенно расстроилось, произведя в нем чахотку». Однако его не освободили от службы — власти распорядились перевести его во Владикавказ.

В не менее тяжелых условиях находился и М. И. Му-

⁴⁴ Восстание декабристов. Т. 8. С. 307.

⁴⁵ Там же. С. 300.

⁴⁶ Талысская О. Декабрист Ф. Г. Вишневский // Урал. 1960. № 11. С. 117—179.

⁴⁷ Фадеев А. Декабристы на Дону и на Кавказе. Ростов-на-Дону, 1950. С. 25; Он же. Декабристы в Отдельном Кавказском округе // Вопросы истории. 1951. № 1. С. 100.

равьев-Апостол, отбывавший ссылку в Бухтарминской крепости. Об установленном над ним строжайшем контроле свидетельствует следующий текст датируемого 19 июля 1830 г. письма генерал-губернатора Западной Сибири омскому областному начальнику: «...находящийся в Бухтарме на поселении Государственный преступник Матвей Муравьев-Апостол, согласно якобы предписаннию моему от 28 декабря 1829 года на имя господина областного начальника последовавшему, ходить по форштадту не только к простым людям, но даже иметь свободный вход к некоторым штабс и обер-офицерам без всякого за ним караула, я предлагаю Вам вразумить г. полковника Шевнина, что в означенном предписании ни слова не сказано о дозволении Муравьеву-Апостолу ходить по форштадту к разным людям и чиновникам без всякого караула, а разрешено только уступать ему хождество вне стен крепости, следовательно, преступник сей ни в коем случае не может быть изъят из общих о государственных преступниках правил по надзору за образом жизни и поведением его»⁴⁸.

За нарушение этих требований и незначительное отступление от правил ведения корреспонденции сильно-го комендант Шевнин получил предупреждение.

Тем не менее М. И. Муравьеву-Апостолу все же удалось избежать полной изоляции. Известно, что он общался с некоторыми служащими Бухтарминской таможни. В сохранившихся рапортах на имя омского губернского начальника по этому поводу сообщалось: «Хотя государственный преступник Муравьев-Апостол ведет себя хорошо и занимается чтением на разных диалектах книг, но имеет гостеприимную связь с управляющим Бухтарминской таможней Макаровым [усиливающейся] временами»⁴⁹. Кроме того, в доносе говорилось о том, что управляющий таможней Макаров посыпает к М. И. Муравьеву-Апостолу казаков для выполнения различных хозяйственных нужд.

Возникло следствие. Приезжал чиновник особых поручений. М. И. Муравьев-Апостол давал письменные показания⁵⁰.

М. И. Муравьев-Апостол поддерживал дружеские отношения и с одним из участников выступлений Семенов-

⁴⁸ Муравьев-Апостол М. И. Воспоминания и письма. С. 77.

⁴⁹ ГАОО, ф. 3, оп. 13, 1829 г., д. 4, л. 284.

⁵⁰ Там же. ф. 3, оп. 13, 1830 г., д. 4, л. 227—228.

ского полка, находящимся в Бухтарминской крепости. Впоследствии М. И. Муравьев-Аpostол так вспоминал об этом: «Ко мне хаживал старый семеновский солдат, переведенный в Сибирский батальон, Ермолай Алексеев, услужливый и редкой честности. Я говорил о нем с бригадным командиром Литвиновым о переводе Е. Алексеева... на родину в Тверскую губернию»⁵¹. Но Алексеева перевели в Бийск⁵².

Тяжелый путь каторжных работ прошел И. Завалишин, в личности которого многое спорно. За участие в восстании в сентябре 1826 г. он был сослан в Оренбург. Здесь принимал участие в Оренбургском тайном обществе⁵³. Однако вместе с другими участниками его отправили на каторжные работы. В 1842 г. окончился срок его каторжных работ, но «по неодобрительному поведению» он был оставлен на каторге. В 1843 г. перешел на поселение в Верхнеудинск Иркутской губернии. Здесь, в 1848 г., «за дерзость городничему» был судим и наказан розгами, затем переведен в Западную Сибирь, в Курган⁵⁴. Там он опять «порицал действия полиции, оказывал неуважение к местной власти и вообще во всех поступках проявлял характер беспокойный, дерзкий...»⁵⁵. Против него было поднято ложное судебное обвинение в краже 50 рублей денег у одного курганского купца, власти обвинили И. Завалишина в «ябедничестве» и осудили по суду на полтора года. Генерал-губернатор Западной Сибири просил у начальства разрешения «удалить означенного поселенца из Курганского округа с запрещением ему вообще иметь пребывание в городах и многолюдных местах Западной Сибири, так как этот вредный для общественного спокойствия человек... никогда не изменит своих наклонностей мутить народ и употреблять во зло способности, дарованные природой»⁵⁶. В своих записках этого периода И. Завалишин протестовал. «Стыдно правительству, — писал И. Завалишин, — закрывать глаза перед очевидностью зла, не... видеть, что язва лихомниства заразила

⁵¹ Тимирязев В. А. Пионеры просвещения в Западной Сибири. С. 964.

⁵² ГАОО, ф. 3, оп. 13, 1835 г., д. 5, л. 21—22.

⁵³ Штраих С. Я. Провокатор Завалишина. М., 1928. С. 14—15.

⁵⁴ Ипполит Завалишин в Сибири // Русская старина. 1905. № 6. С. 661.

⁵⁵ Там же. С. 662.

⁵⁶ Там же. С. 661.

все степени службы, что неправда зыблет небеса, что закон бессилен, что деньги — бог всего и что все позволительно в России тому, что откупиться может»⁵⁷. Он не мог оставаться безучастным наблюдателем. Именно этими объясняются личные обращения к генерал-губернатору Западной Сибири по поводу злоупотреблений. В одном из таких писем Завалишин дал убийственную характеристику чиновничеству Кургана и его городничему. Он писал: «Небритый, нечесанный и, как вам сказать, все еще пьяный или нет? Но кто его видел когда-либо трезвым? Разве в Омске, да и то на глазах у Вас, в зале Вашей... Местные чиновники извлекают выгоду материальную, т. е. наличные деньги, и доят Курган, как хорошую дойную корову»⁵⁸.

По несколько лет И. Завалишин не получал казенного пособия. Вот каковы условия его жизни с семьей в Пельми из письма самого И. Завалишина: «Много уже лет нет здесь врача, нет ни аптеки, ни больницы и самая жизнь лишена всех удобств, ибо даже съестные припасы достают за 300 верст из Туринска».

Так Николай Iправлялся со своими политическими противниками. Из всех декабристов только Ипполит Завалишин подвергался телесным наказаниям, только он и Выгодовский были исключены из числа помилованных в 1856 г.

Долгое время в десятом Оренбургском линейном батальоне служил А. А. Фок. Сюда он был переведен в 1835 г. с Кавказа. 6 января 1835 г. последовало распоряжение: «...прапорщика Оренбургского линейного № 10 батальона, Фока, от службы уволить... офицеру сему, как бывшему в прикосновенности к происшествию 14 декабря 1825 года, воспретить въезд в обе столицы, учредив за ним секретный надзор там, где проживать будет... учинить зависящее от Вас распоряжение об учреждении бдительного секретного надзора за подпоручиком Фоком по жительству его в Оренбургской губернии»⁵⁹.

Надзор не прекращался в течение последующих нескольких лет. Поэтому в ноябре 1838 г. А. Фок подает прошение: «...вот уже прошло с лишком четыре года, как я нахожусь в стеснительном во всех отношениях для

⁵⁷ Цит. по: Галиев В. З. Декабристы в Казахстане // История. Вып. 6. Алма-Ата, 1973. С. 164.

⁵⁸ Завалишин в Сибири // Русская старина. 1905. № 6. С. 659.

⁵⁹ ООА, ф. 6, оп. 18, д. 103, л. 1.

меня положении. Будучи же уверен, что в продолжении сего времени полиции не было поводу сказать что-нибудь невыгодное касательно моего положения, я осмеливаюсь беспокоить Ваше Превосходительство своею локорнейшей просьбою, исходатайствовать для меня Всемилостивейшего разрешения как об въезде в столицы, так и о снятии с меня полицейского надзора»^{59а}.

В аналогичных условиях находились многие участники декабристского движения и другие политические ссыльные, в 30—40-е гг. отбывавшие наказание на территории современного Казахстана.

В 1839—1842 гг. в Омске жил Чижов Николай Александрович, бывший морской офицер, участник арктической экспедиции Литке 1821 г., член Северного общества и участник восстания на Сенатской площади. По приговору суда сослан в Сибирь на 20 лет. Семь лет прожил в Якутии. В 1833 г. зачислен солдатом в один из линейных батальонов Тобольска, в 1837 г. произведен в унтер-офицеры, с 1839 г. вместе со штабом Сибирского корпуса переведен в г. Омск. С 1840 г. получил дворянский чин, однако оставался унтер-офицером. В 1843 г. Н. А. Чижов вышел в отставку и уехал в центральную Россию.

Служителем четвертого разряда работал в Пограничном управлении сибирских киргизов Н. В. Басаргин, высланный в Омск в 1846 г. Здесь он жил до конца 1848 г. В Пограничном управлении сибирских киргизов служили декабристы Г. С. Батеньков и В. И. Штейнгель.

Власти зорко следили, чтобы политические ссыльные не имели между собой тайной переписки. Бенкендорф сообщал в Оренбург, что III отделение располагает сведениями, согласно которым «сборщики подаяний из многих выгод или также по невежеству переносят из одного края в другой письма таким лицам, которым правительство воспрещает какую-либо переписку без его ведома»⁶⁰. За малейшую попытку облегчить участь политических ссыльных полиция предпринимала новые репрессии.

Вместе с декабристами в Оренбургские и сибирские батальоны ссылаются члены «Общества военных друзей», польские офицеры, примкнувшие к декабристам

^{59а} ОOA, ф. 6, оп. 18, д. 103, л. 7.

⁶⁰ Там же, ф. 6, оп. 10, д. 5279, л. 4.

(среди них Л. Вронский, Ф. и К. Ордынские, И. Высоцкий, А. Гриневицкий и другие)⁶¹.

Сохранились материалы о пребывании членов «Общества военных друзей» в гарнизонах и городах.

После восстания декабристов и разгрома «Общества военных друзей» Ф. и К. Ордынские, Иван Высоцкий были заточены на пять лет в Усть-Каменогорскую каторжную тюрьму, затем отданы рядовыми солдатами в различные батальоны. Надо думать, что время пребывания их в каторжной тюрьме составляло два-три года. В 1830 г. последовало указание «Вронского, братьев Ордынских и Ивана Высоцкого определить рядовыми в линейные сибирские батальоны»⁶². Иван Высоцкий был прикомандирован к третьему Усть-Каменогорскому, братья Ордынские — к восьмому Семипалатинскому, Вронский — ко второму Петропавловскому батальонам. В одном из петропавловских батальонов проходила служба Сизневского⁶³, а Войноловича определили в седьмой Железинский батальон.

В одном из казахстанских гарнизонов находился и Ф. Вашкевич⁶⁴. В этой связи совершенно непонятно утверждение Б. Герасимова о том, что братья Ордынские в 1830 г. были отданы в Копальский батальон⁶⁵. Такого в ту пору не существовало. Копальский окружной приказ был основан в 1853 г., тогда же был заложен и Копал. Однако Б. Герасимов, по всей видимости, правильно указывает, что братья Ордынские освободились от службы в 1842 г.⁶⁶.

Ян Былевский находился в Семипалатинске. В 1846 г. он подал прошение на имя генерал-губернатора Западной Сибири: «По ходатайству Вашего Сиятельства, Государь Император соизволил даровать мне в послед-

⁶¹ Польское тайное общество филоматов, возникшее среди студентов Виленского университета, а затем завоевавшее более широкую сферу влияния, явилось частью левого, наиболее прогрессивного крыла в польском освободительном движении, которое, как и движение декабристов в России, сформировалось под влиянием идей французской революции и вызванного ими революционного брожения в Европе (См.: Тальская О. С. Члены тайного общества военных друзей в Сибири (1825—1857) // Советское славяноведение. 1971. № 4. С. 20—25).

⁶² ГАОО, ф. 3, оп. 3, 1866 г., д. 4, л. 3.

⁶³ Там же, оп. 13, д. 4, л. 160—161.

⁶⁴ Там же, ф. 3, оп. 3, 1866 г., д. 4, л. 142.

⁶⁵ Герасимов Б. Указ. соч. С. 19—20.

⁶⁶ Там же.

нее время права на купеческое звание и заняться по делам частных лиц с свободою отлучаться во все сибирские города... по неизъятию меня от полицейского надзора, губернское почтовое начальство подвергает пересмотру адресованные ко мне, от доверителей моих, по означенным делам письма; отчего происходит долговременное задержание их, простирающееся иногда целые месяцы, через то я не могу быть надлежаще исправным и выполнительным в возлагаемых на меня поручениях, весьма часто требующих экстренных с моей стороны действий или распоряжений... осмелиюсь просить... дабы адресованные ко мне из сибирских губерний письма могли не подвергаться пересмотру...». Просьбу формально удовлетворили, но «с тем, чтобы за ним был учрежден бдительный надзор»⁶⁷. Однако от просмотра писем не освободили.

Карл и Феликс Ордынские много лет жили в Семипалатинске, они широко общались не только с семипалатинцами, но и со многими, кто приезжал из центральной России. В 1855 г. Карл Ордынский был переведен в Омскую полевую провинтскую комиссию⁶⁸, в 1858 г. собирался выехать в Польшу. Хотя милости манифеста 1856 г. и не распространялись непосредственно на преступников, причастных к 1825 г., тем не менее, по ходатайству губернатора Западной Сибири, Ордынскому было разрешено вернуться на родину. Не имея возможности выехать сразу, К. Ордынский просил сохранить за ним право переезда в удобное для него время. Он писал: «Возвращение на родину было постоянным моим желанием; будучи обременен семейством и не имея в настоящее время никаких средств для переезда со всем моим семейством из Сибири, я хотя и принужден оставаться в Семипалатинске, то во всяком случае оставляю за собою право выезда, дарованного мне, чтобы воспользоваться этим правом при первом удобном случае. О будущем месте жительства моего я буду иметь честь донести начальству особо, когда состоится выезд мой из Сибири»⁶⁹. Рапорт о выезде его семьи из Семипалатинска был подан в 1857 г.

Среди ссыльных декабристов, в 30—40-х гг. еще находившихся в Казахстане, был С. М. Палицын (1806—

⁶⁷ ГАОО, ф. 3, оп. 13, д. 281, л. 31.

⁶⁸ Там же, ф. 14, оп. 3, д. 231, л. 31.

⁶⁹ Герасимов Б. Указ. соч. С. 21.

1887) — член Северного общества, сосланный в Петропавловск в 1827 г., после годичного пребывания в Петропавловской крепости.

Материалы следствия дают о С. М. Палицыне разноречивые сведения. Так, в ответах К. Ф. Рылеева, стремившегося, вероятно, облегчить участь С. М. Палицына, нет данных, указывающих на активное участие его в деятельности общества, тогда как П. Г. Каховский открыто заявил на допросе, что лично «увлек... генерального штаба прапорщика С. М. Палицына»⁷⁰, а согласно показаниям И. Пущина, он участвовал в совещаниях у Рылеева⁷¹.

На основании показаний И. И. Пущина, П. Г. Каховского и других и учитывая давние дружеские связи С. М. Палицына со многими участниками декабристских организаций, в частности с М. Глебовским, следственная комиссия посчитала факт членства С. М. Палицына в Северном обществе доказанным и вынесла решение, согласно которому он был отправлен в Петропавловский гарнизон.

Вскоре после прибытия С. М. Палицына к новому месту службы из петербургской канцелярии А. Х. Бенкendorфа поступило касающееся его непосредственно отношение следующего содержания: «По вновь дошедшему до меня (А. Х. Бенкendorфа — В. Г.) достоверным сведениям, некоторые из состоявших в Сибири на поселении и под надзором полиции государственных преступников и бывших соучастников их переписываются мимо всякого за ними надзора через купцов, и получают через них не только посылки, но и письма. Например, состоящий в Петропавловском прапорщик Палицын поручил одному тамошнему купцу, отправившемуся на Нижегородскую ярмарку, привезти ему сахару и шарф, послал с ним письмо к барону Анжу.

Уведомляя о сем Ваше Превосходительство, считаю долгом покорнейше просить Вас приказать строго наблюдать, чтобы купцы, получающие для доставления государственным преступникам вещи и письма, непременно представляли оные губернскому начальству, для расследования и доставления по принадлежности, и чтобы они отнюдь не принимали от них письма»⁷².

⁷⁰ Щеголев П. Е. Декабристы. М., 1926. С 212.

⁷¹ Там же. С. 26.

⁷² ГАОО, ф. 3, оп. 13, л. 4, л. 68.

По делу было открыто длительное следствие. Омское областное правление доносило генерал-губернатору Западной Сибири И. А. Вельяминову: «Вследствие предписания от 18 октября поставил я в непременную обязанность окружных начальников неослабно наблюдать, чтобы купцы вверенных им округов, получающие для доставления государственным преступникам вещи, письма, непременно доставляли ко мне для рассмотрения... Наш окружной начальник уведомил меня, что сказанный Палицын выписывал сии вещи и посыпал письмо к барону Анжу через петропавловского 3-й гильдии купца Ивана Свешникова»⁷³. В ответ последовало распоряжение: «Допросить купца Свешникова, как он осмелился выписывать что-либо для Палицына, а особливо брать у него письма, не предъявляя о сем начальству, тогда как ему не может быть не известно, что Палицын замешан был с государственными преступниками»⁷⁴. Свешников был доставлен в Омск для допросов. От него потребовали детальных показаний. В декабре 1828 г. он давал письменное объяснение: «Действительно я по просьбе прaporщика Палицына доставил от него к барону Анжу письмо и привез Палицыну некоторые вещи, искупленные мной на Макарьевской ярмарке; но только о том, замешан ли он в числе государственных преступников или нет, я не знал и не было мне о том ни от кого объявлено»⁷⁵.

Еще одно дело, посвященное ссылочному декабристу, сохранилось в военно-историческом архиве Москвы. Это аттестация, присланная на Палицына из Петропавловского гарнизона от майора Камаева: «Изменил хорошее поведение, не соблюдает воинской дисциплины и провинился в неучтивостях»⁷⁶.

В 1829 г. Палицын был переведен подальше от Сибирского тракта — в Семипалатинск, в восьмой батальон, откуда для него не было дороги в Россию. Вскоре в III отделение на имя Бенкendorфа поступил новый донос от генерал-губернатора Западной Сибири: «Сибирский пост-директор представил мне подлинное письмо из Семипалатинска к Александру Барапову, в Артиллерийское училище в Санкт-Петербурге писанное, которое он

⁷³ ГАОО, ф. 3, оп. 13, д. 4, л. 77.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же, л. 89.

⁷⁶ ЦГВИА СССР, ф. 36, оп. 9/852, д. 176, л. 4—5.

считает идущим от сосланного в сибирский гарнизон из Оренбурга прапорщика Степана Палицына, хотя оно и не его именем подписано. По его мнению, письмо сие обращает на себя внимание таинственностью некоторых заключающихся в нем обстоятельств, а притом и замечанием, им сделанным, что сей Палицын старается нередко препроводить свои письма особыми пунктами для укрывательства их от надзора»⁷⁷. В соответствии с последовавшим распоряжением Бенкендорфа, переписка Палицына стала контролироваться более тщательно. Тем не менее ему удавалось поддерживать связь с близкими людьми.

Сохранившиеся письма С. М. Палицына содержат очень интересный материал, они насыщены описаниями жизни, быта Семипалатинска того времени. Так, в письме от 29 сентября 1829 г. он сообщает о пребывании А. Гумбольдта в Семипалатинске. Судя по содержанию письма, С. М. Палицын был занят в связи с приездом известного ученого. И здесь же, в письме, сообщение о лечении кумысом и далее: «...не только моя особа, все это есть предмет особого внимания, толков и разговоров; истощают все средства сибирского кокетства, чтобы только удостоиться благосклонным моим взором»⁷⁸.

В 1831 г. умерла мать Степана Палицына, единственная сестра осталась сиротой и выехала в Петербург, чтобы подать прошение о помиловании брата. Сестру декабриста принял сам Бенкендорф, но ходатайство удовлетворено не было⁷⁹. Тем не менее Екатерине Палициной удалось подать прошение царю.

Служба подорвала здоровье Степана Палицына и начальство вынуждено было в 1831 г. послать его с военно-топографическим отрядом в Каракаралинск на Джусалинские минеральные воды⁸⁰. Но участь Степана Палицына была решена — в 1832 г. его отправляют на Кавказ в действующую армию. И там новое следствие по делу Ванеева, Мейера и других⁸¹. Но судьба миловала — служба в армии прошла благополучно. Степан Михайлович Палицын в 1836 г. был уволен от службы,

⁷⁷ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 140, л. 1.

⁷⁸ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 140, л. 6.

⁷⁹ ЦГВИА СССР, ф. 36, оп. 9/852, д. 176, л. 1—3.

⁸⁰ Там же. л. 5.

⁸¹ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 140, л. 17—18;
Там же, ф. 109, 1 эксп., 1834 г., д. 132.

долго жил в Смоленской губернии, а с 1851 г.— в Москве⁸². Умер глубоким стариком в 80-х годах прошлого столетия.

После восстания 14 декабря 1925 г. в казахстанской ссылке оказался Степан Михайлович Семенов, член Союза благоденствия (1819), его секретарь, член Коренного совета, участник Петербургского совещания в 1820 г., член Северного общества. Известно, что он учился в Орловской семинарии, в 1814 г. окончил Московский университет со степенью кандидата этико-политических наук. В 1819 г. уволен из университета⁸³.

С. М. Семенов выслан из Омска, куда был определен для несения службы в канцелярии Омского областного совета, в Усть-Каменогорск, без лишения чинов. Первоначально он получил назначение на должность усть-каменогорского окружного судьи, но через два месяца его перевели столоначальником в окружное управление, так как генерал-губернатор Западной Сибири Капцевич заявил, что Семенов «послан в Сибирь в наказание, а наказание не иначе облегчается как по заслугам, давать же Семенову классное место судьи—значит его наградить, а потому он, как начальник края, до тех пор не считает возможным давать Семенову какой-либо классной должности, пока на самом деле не покажет своего усердия»⁸⁴.

К 1827 г. С. М. Семенов работал в канцелярии Омского областного совета.

Офицерская, солдатская и чиновничья среда Оренбурга, Омска, Семипалатинска, Усть-Каменогорска и других городов прислушивалась к идеям и всему тому, что несли с собой ссыльные декабристы. Как правило, постепенно создавался круг близких им по настроению людей. Офицер Жуковский доносил в Петербург: «Здесь составилась шайка из гражданских чиновников, употребляющая разные средства к разрушению общего спокойствия. Лицо, управляющее вредными действиями, нарушающими порядок,— есть некто Семенов, тот самый, который был в тайном обществе в числе государственных преступников. Он вреден. Своим умом и хитрыми

⁸² Деятели революционного движения в России; Библиографический словарь. М., 1928. Т. 1, ч. 1. С. 139.

⁸³ Дмитриев-Мамонов А. И. Декабристы в Западной Сибири. Спб., 1905. С. 53.

⁸⁴ Там же. С. 54.

происками не только достиг того, что вызван в Омск, вопреки назначению бывшего генерал-губернатора, отправившего его в отдаленные места в Усть-Каменогорск, но успел даже снискать общую благосклонность, подобрав шайку областных чиновников и несколько месяцев действует с большой самостоятельностью. Через него благомыслящие оставили всякое знакомство. Ибо встреча с ним, коварным человеком, причиняет отвращение. Все единогласно говорят, что для восстановления порядка должно Семенова удалить, но шайка, им подобранная, защищает его в глазах начальства, которое не знает гнусного поведения сего человека. Ревностный соучастник Семенова в поступках и однакового с ним образа мыслей некто Сушин, живущий в городе Омске»⁸⁵.

Особо отмечались связи С. М. Семенова с сотрудником канцелярии Пограничного управления сибирских киргизов Сушиным⁸⁶. Над ним был установлен надзор. Брат С. М. Семенова отправил из Твери письмо с просьбой подать прошение на имя царя, чтобы облегчить жизнь. Однако С. М. Семенов от этого отказался. Между тем, рапорт Жуковского возымел действие: С. М. Семенова сослали в Усть-Каменогорскую крепость.

В 1828 г. С. М. Семенов был вновь назначен окружным судьей в Усть-Каменогорске, затем в качестве канцелярского чиновника и столоначальника повседневно общался с казахским населением, внимательно изучал его жизнь.

В 1829 г., как знаток Казахстана, вместе с известным специалистом по горному делу Д. С. Меньшиным, С. М. Семенов был прикомандирован сопровождать А. Гумбольдта во время его путешествия по Западной Сибири и казахским степям. Согласно предписанию из Петербурга, сопровождающие экспедицию обязывались «оказывать везде благосклонный прием и открывать случаи видеть всю достопримечательность произведений природы, даже и в степных наших кочевых народах...»⁸⁷.

А. Гумбольдт, Эренберг и Розе проехали через Урал в Барнаул, отсюда в Змеиногорск, Усть-Каменогорск и

⁸⁵ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 176, л. 18.

⁸⁶ В 1828 г. Сушин в составе казахской депутации во главе с султаном Сарт Ючиным ездил в Петербург (См.: ЦГАОР СССР, ф. 103, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 176, л. 11, 20).

⁸⁷ ООА, ф. 6, оп. 4, д. 9547, л. 18.

Бухтарминск, побывали и в Киргизской Джунгарии. Путь шел через пограничную реку Нарын, вдоль правого берега Иртыша. Вернувшись в Бухтарминск, экспедиция на плотах добиралась до Усть-Каменогорска⁸⁸. Далее Гумбольдт прошел до китайской границы, через Бухтарминскую крепость и до Усть-Каменогорской крепости⁸⁹. На этом отрезке пути изучалось течение, рельеф Иртыша. Чиновник горного ведомства Д. С. Меньшенин в путевом журнале отмечал также, что участники экспедиции «беседовали со старшинами племен ко-чующих и купцами Средней Азии о торговле, о положении некоторых среднеазиатских городов и о пути караванов»⁹⁰. Маршрут проходил через Семипалатинск, Ка-ряковский форпост, Омск, Петропавловск, затем вновь через Южный Урал.

При прощальной аудиенции у царя А. Гумбольдт сказал, имея в виду Семенова: «Я был поражен и восхищен, Ваше Величество, встречая в самых отдаленных уголках вашей необъятной империи истинно образованных людей»⁹¹. Дело получило огласку. Лестного отзыва А. Гумбольдта о Семенове оказалось достаточно, для того чтобы майора Борташевича за прикрепление С. М. Семенова к экспедиции арестовать и содержать в таком положении два месяца⁹². По поводу С. М. Семенова последовало повеление шефа III отделения Бенкендорфа: «Употребить Семенова по усмотрению генерал-губернатора Западной Сибири на службу в отдаленные места без права выезда»⁹³. С. М. Семенова упрятали в Туринск⁹⁴.

Работу С. М. Семенова в экспедиции А. Гумбольдта нельзя рассматривать только как случайный эпизод в истории изучения казахского края, связанный с декабри-

⁸⁸ Барона Гумбольдта путешествие в 1829 году по Сибири и к Каспийскому морю. Спб., 1837; То же, Спб., 1888.

⁸⁹ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 176, л. 28.

⁹⁰ Чуковская Л. Декабристы — исследователи Сибири. Новосибирск, 1952. С. 55. О Д. С. Меньшенине см.: Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале XVII — начала XX века. Свердловск, 1981. С. 79.

⁹¹ Чуковская Л. Указ. соч. С. 55.

⁹² ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1826 г., д. 61, ч. 176, л. 28 об.

⁹³ Дмитриев-Мамонов А. И. Декабристы в Западной Сибири. С. 56.

⁹⁴ Тальская О. С. Декабрист Семенов в алтайской ссылке // Алтай, 1968. № 1. С. 130—133; Она же. Декабристы на Алтае // Из истории Западной Сибири: Сб. статей. Кемерово, 1966. С. 124—137.

стским движением. Деятельность такого рода для многих декабристов имела важное значение. Она позволила им внести вклад в развитие бывших колониальных окраин. Этот факт признавали даже представители колониальной администрации на местах. Так, генерал-губернатор Оренбургского края В. А. Перовский просил перевести в Оренбург декабриста А. Бестужева, где он, благодаря своим литературным способностям, мог бы быть использован для «статистического описания края». Николай I ответил: «Бестужева следует послать не туда, где он может быть полезнее, а туда, где он может быть безвреднее»⁹⁵.

Деятельность декабристов-исследователей имела также большое значение для развития исторической науки, так как способствовала активному пополнению знаний о прошлом народов, населяющих ранее малоизученные территории, в частности казахские степи. Разработка исторической проблематики в творческом наследии декабристов занимает важнейшее место. Глубокое познание истории различных народов считалось одной из неотложных задач в декабристских организациях. По определению М. Лунина, «история не только для любопытства или умозрения, но путеводит нас в высокой области политики»⁹⁶.

Особое положение среди декабристов, занимавшихся исследованиями в этой области, занимает Александр Осипович Корнилович (1800—1834)⁹⁷. Еще П. Е. Щеголев писал, что из А. О. Корниловича «вышел бы историк, выдающийся ученый»⁹⁸.

А. О. Корнилович родился в 1800 г., учился в Ришельевском лицее в Одессе, затем перешел в Муравьевскую «школу коллонновожатых». Владел почти всеми европейскими языками: немецким, французским, итальянским, английским и др. Историк В. Богучарский отмечал, что А. О. Корнилович «обладал редкими способностями и получил настолько замечательное образование, что в

⁹⁵ Розен А. Записки декабриста. Спб., 1907. С. 245.

⁹⁶ Лунин М. С. Сочинения и письма. М., 1923. С. 82. Подробнее см.: Волк С. С. Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958.

⁹⁷ Тонкова Р. М. Декабрист А. О. Корнилович и Н. Я. Полевой // Сборник статей к 40-летию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 361—364; Мейлах Б. Е. Литературная деятельность декабриста Корниловича // Литературный архив. М., 1938. Т. 1. С. 414—422.

⁹⁸ Щеголев П. Е. Декабристы. С. 295.

этом отношении он уступал, быть может, только Н. И. Тургеневу»⁹⁹.

А О. Корнилович, к 1825 г. получивший чин штабс-капитана, входил в ближайшее окружение К. Ф. Рылеева, Н. А. Бестужева, что само по себе свидетельствует о его высоком авторитете в декабристских организациях. Как писал В. Богучарский, «круг, в котором вращался Корнилович, высоко ценил его не только за его серьезное образование и обширные сведения, но и как человека, готового всегда поделиться теми интересными и почти недоступными историческими данными, которые он разыскивал в государственных архивах, а это обстоятельство очень и очень входило в планы многих из его друзей и единомышленников»¹⁰⁰.

А. О. Корнилович придавал большое значение развитию торговли России со Средней Азией, казахской степью, тщательно изучил роль Семипалатинска как торгового центра. Он отмечал шесть торговых маршрутов из Семипалатинска до Самарканда. Даже находясь в заключении, из Петропавловской крепости, он писал: «Мысль о торговой поездке в Среднюю Азию занимает меня уже несколько лет. Я столько уверен был в пользе и успехах оной, что в то время жизни, когда мне все казалось возможным, сам готовился принять в ней участие, а потому сколько можно старался ознакомиться с теми странами»¹⁰¹.

Историк-гуманист А. О. Корнилович отвергал как несостоятельные утверждения о недружелюбном и разбойном характере казахского народа. Он неоднократно подчеркивал, что отнюдь не «непоценностю» азиатских народов, а глубокими историческими и политическими условиями объясняется их культурная отсталость. Однако дворянское мировоззрение не позволяет А. О. Корниловичу отказаться от определения казахов и туркмен как грабителей торговых караванов.

Сохранились статьи А. О. Корниловича, содержащие анализ политического положения в Средней Азии и Казахстане, состояния русско-казахской торговли. Таковы его работы: «О расширении азиатской торговли»¹⁰²,

⁹⁹ Богучарский В. Из прошлого русского общества. Спб., 1904. С. 402.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Корнилович А. О. Сочинения и письма. М., 1957. С. 238.

¹⁰² Там же. С. 229—239.

«Еще несколько слов о торговле со Средней Азией»¹⁰³, «О сношениях со Средней Азией»¹⁰⁴, «О мерах сношения Кавказа и Средней Азии»¹⁰⁵, «Три записки о торговле в Сибири и на Дальнем Востоке»¹⁰⁶.

Как историка А. О. Корниловича особенно интересовали проблемы истории русского Востока, в частности Средней Азии и особенно Казахстана. Постоянно совершенствоваться ему позволяло непосредственное общение с известными исследователями данной проблематики И. Бичуриным и Е. Тимковским, с которыми он был хорошо знаком. Способствовало этому также то обстоятельство, что по характеру своей профессиональной деятельности (он 15 лет проработал в Московском архиве Министерства иностранных дел) он имел доступ к важнейшим документам¹⁰⁷.

Сам А. О. Корнилович признавался: «Издавна убежденный в важности наших отношений с Азией, я некогда много этим занимался»¹⁰⁸. На основе многолетних изысканий он пришел к выводу: Россия смотрит на население казахских степей, Хивы, Бухары «европейским оком и в сношениях с ними поступает как с народами самыми необразованными»¹⁰⁹.

А. О. Корнилович составил многочисленные записки, связанные с изучением восточного направления внешней политики России. Положения о развитии торговли на Востоке он подкреплял примерами из прошлого. Считая, что «сношения России с Азией были довольно деятельны

¹⁰³ Корнилович А. О. Сочинения и письма. С. 239—244.

¹⁰⁴ ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 эксп., 1830 г., д. 61—69, л. 189—190.

¹⁰⁵ Там же, л. 152—161.

¹⁰⁶ Там же, л. 178—184.

¹⁰⁷ Грум-Гржимайло А. Г. А. О. Корнилович — исследователь архивных источников и археограф // Исторический архив. 1961. № 2. С. 180—193; Завалишин Д. И. Сухоруков и Корнилович // Древняя и новая Россия. 1878. № 6; Он же. Декабрист А. О. Корнилович и археограф П. М. Строев // Исторический архив. 1956. С. 255—259; Тонков Р. М. Декабрист А. О. Корнилович и Н. А. Полевой // Сборник статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Т. 1934. С. 361—364; Мейлах Б. С. Литературная деятельность декабриста Корниловича // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1938. С. 414—422; Лотман Ю. Неизвестные и утраченные исторические труды А. О. Корниловича // Русская литература. 1961. № 2. С. 121—126; Мирзоев В. Писатели-декабристы А. О. Корнилович и Н. Басаргин // Сибирские огни. 1965. С. 151—155.

¹⁰⁸ Корнилович А. О. Сочинения и письма. С. 223.

¹⁰⁹ Там же. С. 232.

в XVI и особенно в XVII веке», высоко ценил внешнеторговые связи первой четверти XVIII века, когда «караваны наши ходили в Пекин, Бухару, и Хиву»¹¹⁰.

Помимо вышеназванных работ А. О. Корниловича, посвященных преимущественно развитию торговли, необходимо отметить его статьи: «Отрывок из опыта истории путешествий по России» и рецензию на книгу П. Наумова «Об отношении российских князей к монгольским и татарским ханам с 1224 по 1240 год»¹¹¹.

Спор с Наумовым только на первый взгляд кажется частным случаем. Важно, что в процессе анализа исторического сюжета, представляющего для него как декабристы наибольший интерес, он отходит от просветительской методологии. Если для Наумова взаимоотношения князей и ханов были субъективным явлением, то для А. О. Корниловича — цепью событий с внутренней связью¹¹². Выступая против ряда положений дворянской историографии, он формулирует свою точку зрения на политическую жизнь Золотой орды, подчеркивая необходимость различия работы Плано Карпини, Рубрука и русских летописей с татарскими и другими источниками (под татарскими автор подразумевал тюркские источники).

Перу А. О. Корниловича принадлежит и большая рецензия на книгу Е. Тимковского о путешествии по Монголии и Китаю¹¹³, где много внимания уделено Центральной Азии и казахскому краю.

А. О. Корнилович шел за мировоззрением буржуазной исторической школы, исходя из представления о том, что история есть история нации, а не ее великих людей. Движущими силами исторического процесса для Корниловича являются не личности и не великие люди.

Ценным источником информации для исследования истории и культуры Казахстана первой половины XIX в. являются не только исторические сочинения декабристов, но и русская литература, журналистика декабристского направления. Известно, что наряду с исследовательской

¹¹⁰ Орлик О. В. Декабристы и внешняя политика России. М., 1984. С. 174.

¹¹¹ Сын Отечества. 1823. № 23. Ч. 86. С. 130—133; Северный архив. 1825. № 5. Ч. 14. С. 43—46.

¹¹² Серман И. З. Александр Корнилович как историк и писатель // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 147—150.

¹¹³ Тимковский Е. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах. Сиб., 1823. Ч. 1; Рецензия: Корнилович А. О. Путешествие в Китай... // Северный архив. 1824, № 12. Ч. 10. С. 315—333.

деятельностью декабристы и представители их окружения занимались и литературной работой, которую они рассматривали как важное средство выражения своих убеждений. Литературная деятельность декабристов — значительное место в мировоззрении дворянских революционеров. Здесь нет необходимости приводить имена замечательных писателей и поэтов-декабристов. Безусловно, интересна литературная деятельность декабристов и их окружения, связанная с казахской тематикой. Через русскую журналистику 20—30-х гг. XIX в. декабристы познакомили русских читателей со многими сторонами казахской действительности. Быт, нравы, эпос, история казахов и многие другие стороны их жизни стали предметом внимания.

К концу десятих годов прошлого века относится чрезвычайно знаменательный факт в истории русско-казахских общественно-литературных отношений — выступление А. Д. Боровкова на страницах журнала «Соревнователь Просвещения и Благотворения», выходившего в Петербурге в 1818—1825 годах. Идейная позиция этого периодического издания всецело определялась тем, что он фактически был органом одного из филиалов Союза благоденствия — Вольного общества любителей российской словесности, в деятельности которого участвовали Н. Рылеев, А. Грибоедов, Ф. Глинка, братья Николай и Александр Бестужевы, В. Кюхельбекер, Н. Тургенев, А. Дельвиг и другие. Здесь среди членов «Зеленої лампы» были Д. Н. Боровков, А. Д. Боровков¹¹⁴.

На страницах этого журнала декабристского направления был опубликован очерк А. Боровкова «Поездка на Илецкую защиту». Отмечая, что путь к улучшению благосостояния казахских аулов открывается в переходе от кочевого скотоводства к оседлости, автор констатировал безуспешность попыток царского правительства осуществить этот переход, но, тем не менее, пришел к обнадеживающему заключению: «Время и обстоятельства действуют сильнее всех людских предприятий. Башкиры были столь же дики, а теперь многие из них возделывают поля и живут в селениях. Конечно, и киргизы, увидя до-

¹¹⁴ А. Д. Боровков состоял в ранних декабристских организациях, но к моменту восстания отошел от движения. (См.: Базанов В. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949. С. 11).

вольство, каковым наслаждаются собратья их, последуют столь полезному примеру»¹¹⁵.

В этом же очерке А. Боровков предсказывал: «...настанет время, когда сии дикие места будут населены по-европейски, на обширных степях киргиз-кайсаков возвысятся города великолепные и народы стран сих получат не только образование, но и просвещение — просвещение, поставляющее человека превыше прочих созданий, на земле обитающих»¹¹⁶.

В декабристской среде лозунг о просвещении стоял рядом с пониманием необходимости борьбы против деспотизма. Конечно, А. Боровков не имел полного объективного представления о движущих силах общественно-исторического развития казахского народа, но для своего времени его рассуждения были, безусловно, смелыми, и, главное, отражали заботу о судьбе казахского народа. Он подчеркивал, что казахский народ, как и среднеазиатские народы, тяготел к России: «Киргизцы, обитавшие в степях отдаленных, самые бухарцы стремились к пределам России как бы в свою отчизну»¹¹⁷.

Именно с этой точки зрения автор «Поездки на Илецкую защиту», обобщая наблюдения над положением казахского населения, высказывал оптимистический прогноз о перспективах его дальнейшего прогрессивного развития. Очерк заканчивается многозначительными строками, тем более знаменательными, что писались они в обстановке еще нередких явлений враждебного отчуждения между казахами и русскими. Тему развития русско-казахской торговли поднимали и другие декабристы.

Прогрессивная русская печать 20—30-х гг. XIX в. познакомила своих читателей с историей казахов, отобразив ее в художественной форме. Большое количество произведений на тему иерусских народов Оренбургского края опубликовал участник Оренбургского тайного общества М. П. Кудряшов. По выражению П. Свиньина, «Кудряшов имел случай познакомиться с жизнью кочующих народов и их древними преданиями, изобразил в своих повестях в живописных и совершенном новых картинах их веру, нравы, занятия, обыкновения, страсти и жи-

¹¹⁵ Боровков А. Поездка в Илецкую защиту // Труды высочайше утвержденного вольного общества любителей российской словесности. 1819. Ч. 5. С. 36.

¹¹⁶ Там же. С. 37—38.

¹¹⁷ Там же. С. 36.

лище»¹¹⁸. Таким образом, произведения М. Кудряшова «Киргизский пленник» и «Сетования киргиз-кайсацкого пленника» не только характеризуют его как представителя русской романтической школы, но и содержат ценные сведения по истории и этнографии народа.

В 1828 г. журнал «Отечественные записки» публикует очерк П. П. Свиньина «Картина Оренбурга и его окрестностей». П. П. Свиньин — известный археолог, редактор журнала «Отечественные записки»¹¹⁹, входивший в ближайшее окружение К. Рылеева, А. С. Грибоедова, А. О. Корниловича. В 1824 г. он посетил Оренбург, где познакомился с Г. С. Карелиным, участниками оренбургского тайного общества Кудряшовым, Крюковым. В очерке П. Свиньина дается описание Оренбурга, как русского форпоста на переднем крае Средней Азии, здесь же показаны первые промышленные заведения города, отмечается пестрота национального состава города.

П. П. Свиньин приводит несколько интересных моментов из истории казахов. Рассказывая о принятии русского подданства Абулханром, автор подчеркивает, что это был вынужденный шаг. Однако он рассматривает присоединение Малого жуза к Казахстану как знаменательную веху, как этап, открывший коренному населению доступ к европейской культуре. Открытие Неплюевского училища в Оренбурге особо отмечается П. П. Свиньиным. «Главная цель сего заведения есть воспитание детей иностранных, населяющих Оренбургский край, — пишет автор. — Здесь дети киргизских султанов и башкирских чиновников сверх корана и арабского языка обучаются языкам европейским, математике, физике, географии и истории. Отсюда, может быть, выйдут люди, которые на берегах Сыр-Дарьи или Эмбы, под войлочными палатками, будут читать Ломоносова и описывать своим соотечественникам строение мира».

Для исследователя декабристского движения и идеально связанных с ними организаций интересен скрытый подтекст этого очерка, указывающий на то, что Свиньин принадлежал к декабристскому окружению. Автор особо подчеркивает свое знакомство с Кудряшовым и Крюковым, не упоминая имени ссылочного В. Вольхов-

¹¹⁸ Сын Отечества. 1839. № 9. С. 78.

¹¹⁹ Свиньин Павел Петрович // Сын Отечества. 1839. № 9. С. 78—80.

ского, говорит о том, что знаком с материалами миссии Негри. Рассказывая о передовом оренбургском обществе начала 20-х гг., он пишет: «Я встретил здесь, на краю киргизской степи, общества людей самых образованных, лучшего тона, обладающих отличными талантами»¹²⁰.

Позже П. П. Свинин публикует свое сочинение «Картины России и быта разнолицких ее народов», содержащее важные замечания по истории казахов. Вслед за этим выходит в свет работа декабриста И. Завалишина «Описание Западной Сибири», не потерявшая своего значения до наших дней¹²¹. Книга содержит много фактического материала по истории Северного Казахстана. Так, одним из первых исследователей И. Завалишин дает сведения о джатаках.

По определению М. И. Фетисова, «значение правдивых произведений о Казахстане 20—30-х гг XIX в. состоит в том, что они верно воспроизвели некоторые стороны жизни казахского общества, раскрывали лучшие черты морального облика казахов, скованных в полном проявлении своих сил существовавшими тогда патриархально-феодальными отношениями так же, как и мало-производительным кочевым образом жизни. Эти произведения вводили читателей в незнакомый круг переживаний и представлений жителей степи, в своеобразную этнографическую обстановку их бытового уклада, возбуждали и утверждали уважение к тем, кого царская бюрократия лишала даже национального имени и пренебрежительно называла «инородцами»¹²².

Косвенно с казахстанским регионом был связан В. К. Кюхельбекер. Упоминания об этом содержатся в тексте воспоминаний А. Ф. Генкеля. Мемуарист, чуждый симпатии к поэту-декабристу, отмечал в 1826 г.: «Он пробовал... свое счастье, как он сам говорил, среди башкиров, киргизов, черкесов и всех подобных народностей и вернулся прошлым летом в Петербург, но был плохо и равнодушно принят и не получил никакой должности»^{122а}. Одно очевидно: В. Кюхельбекер, как и многие его единомышленники, в те годы интересовался казахами.

¹²⁰ Свинин П. П. Картина Оренбурга и его окрестностей // Отечественные записки. 1828, № 99. Ч. 35. С. 4.

¹²¹ Завалишин И. Описание Западной Сибири. Спб., 1862. Т. 3.

¹²² Фетисов М. И. Первые русские повести на казахские темы. Алма-Ата, 1950. С. 15.

^{122а} Летопись занятий постоянной историко-археологической комиссии за 1926 год, вып. 1(34). Л., 1927. С. 463.

Деятельность декабристов и представителей их окружения в ссылке характеризовалась многоаспектностью. Их интересы не ограничивались изучением истории региона, его природных, географических особенностей. Огромное значение для многих районов России имела не только их научная, культурно-просветительская деятельность, но и оказание практической помощи местному населению.

Особое место в их деятельности занимало занятие медициной. О необходимости организации медицинского обслуживания среди казахов писали в своих работах И. Завалишин, В. Вольховский, Н. Муравьев, А. Корнилович, Г. Карапин, Г. Батеньков, А. Жемчужников.

По «Уставу о сибирских киргизах», в составлении которого Г. С. Батеньков принимал участие, в северо-восточном Казахстане были созданы административные округа, открыты лазареты в Кокчетаве, Учбулаке, Каракалинске, Баянауле, Аманкарагае, Акмолинске.

Одним из первых «по подозрению в мятеже» был сослан в Оренбург под постоянный полицейский надзор Николай Галактионович Смирнов, штаб-лекарь Финляндского полка, выпускник Петербургской медико-санитарной академии, окончивший ее с золотой медалью¹²³.

В должности ординатора старшего лекаря он проработал в Оренбургском военном госпитале 8 лет, много сделал для организации медицинского дела в крае, занимался подготовкой профессиональных кадров.

Холера, разразившаяся в Оренбургском крае в 1829 г., была серьезным испытанием. Отсутствие практики борьбы с холерой ставило врачей в тяжелое положение. Исследователь холеры в Оренбурге в 1829—1833 гг. врач А. В. Попов писал: «... оренбургским врачам неоткуда было черпать клиническую картину болезни; литературы о холере еще вовсе не было... рядом со светлыми взглядами оренбургских врачей в медицинской литературе по вопросу о причинах холерной эпидемии даже профессорами устанавливались самые нелепые взгляды»¹²⁴.

В такой обстановке Н. Г. Смирнов разработал эффективный способ борьбы с эпидемией. В Оренбургском госпитале под его руководством было создано холерное от-

¹²³ Восстание декабристов. Л., 1925. Т. 8. С. 178; Рабинович М. Декабристы в Башкирии и Оренбургской губернии. Материалы научной сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958. С. 154.

¹²⁴ Попов А. Холера 1829—1833 годов в Оренбургском крае. Оренбург, 1910. С. 165—166.

деление, проводившее целый ряд смелых экспериментов. Оно оказывало помощь и казахскому населению.

Эпидемия холеры потребовала принятия срочных мер. Среди казахского населения распространялось обращение о карантинных мерах борьбы с холерой. Текст, разъясняющий угрозу холерной эпидемии, был отпечатан арабским и русским шрифтами.

«Российское правительство, — говорилось в нем, — неустанно пекущееся о благосостоянии своих подданных, объявляет о сем киргизскому народу с тем, дабы старшие и младшие султаны, старшины и бай сделали о том поспешное обнародование так, чтобы на всем пространстве киргиз-кайсацкой степи не оставалось ни одного зула, который не был извещен о появлении сей ужасной болезни и об угрожающей опасности от населения оной посредством трухменцев (туркмен. — В. Г.), имеющих непрерывные сообщения с персианами, к соседственным нам хивинцам, бухарцам и ташкентцам. В предохранение от сего бедствия предписывается всему киргизскому народу, дабы до того времени, пока не будут получены вернейшие известия о совершенном благополучии персидских владений, прекратить всякого рода сношения с трухменцами. Кроме сего, отнюдь не ездить для мены в Хиву, Бухарию и Ташкент; с находящимися там караванами, вощиками не иметь никакого сообщения и их предупредить, чтобы они при возвращении брали направление к тем местам линии, где будут учреждены для очищения людей и товаров карантины. Сверх того, особенно запрещается брать от хивинцев и трухменов готовую одежду всякого рода, к коей яд чумной заразы весьма легко пристает и в оной сохраняется. Все сии предосторожности без малейшего упущения, до того времени, пока Российское правительство не примет надлежащих мер к ограждению киргиз-кайсацкого племени от угрожающей опасности, могущей подвергнуть оный самому бедственному положению»¹²⁵.

После нескольких лет упорной борьбы врачей эпидемия холеры прекратилась. Город Оренбург и близлежащие районы казахских кочевий были вовремя предупреждены, что сократило число жертв эпидемии.

При непосредственном участии врачей-декабристов, здесь же, в Оренбурге, незадолго перед эпидемией холе-

¹²⁵ Архив Ленинградского отделения института истории, ф. 51, оп. 1, д. 30, л. 1.

ры при местном военном госпитале была начата подго-
товка фельшеров из местного населения. В своем отно-
шении военный губернатор Оренбургской области писал
на имя пограничной комиссии: «Принимая в соображе-
ние, что удовлетворение настаиваний ордынцев в меди-
цинском пособии необходимо, и что они часто требуют
таких лекарств, которых употребление без медицинского
чиновника не только может быть бесполезно, но и мо-
жет послить между ними недоверие к искусственно му
врачеванию, я полагал бы определить при комиссии **не-**
сколько лекарей, с тем, чтобы они могли быть снаряжаемы-
мы куда надобность требовать будет. Но до этого време-
ни, пока представится к сему возможность, нужно на-
 первый раз определить в пограничную комиссию для
пользования киргизов особого лекаря. В рассуждении **ве-**
дения прививания между киргизами оспы, неблагоугодно-
ли будет изволить пограничной комиссии вызвать для
обучения сему искусству из каждой части Зауральской
Орды по два человека молодых киргиз с согласия **самых**
ордынцев, коим и дозволить находиться при здешнем **во-**
енном госпитале или под наблюдением вышеупомянуто-
го медицинского чиновника, ежели он в комиссию опре-
делен будет. Киргизы сии могли бы состоять на казен-
ном содержании за счет пограничной суммы и находить-
ся не менее шести месяцев, в течение какового времени
они могут не только выучиться прививанию оспы, но и познакомиться с употреблением врачебных пособий, а по
истечении сего времени можно было отпустить их в Орду,
а на место их вызвать других, и в том же числе, что и
продолжать впредь до усмотрения»¹²⁶.

Так, в 1826—1827 гг. на учебу в госпиталь был опре-
делен Сарлыбай Джаныбеков, успешно окончивший обу-
чение. 12 августа 1829 г. последовало новое распоряже-
ние в госпиталь: «Разрешаю Вам вызвать через погранич-
ную комиссию для обучения сему искусству из трех ча-
стей залинейных киргизов по одному человеку хороших
способностей, коих и отправить к штаб-доктору отдель-
ного Оренбургского корпуса г. статскому советнику
Пятницкому, получившему от меня ныне же предписание
о принятии их к обучению искусству прививать оспы.
Оным киргизам иметь производить здесь такое же со-
держание, какое было определено для обучавшегося
сему искусству киргизца внутренней Орды Сарлыбая

¹²⁶ ООА, ф. 6, оп. 4, д. 8949, л. 6.

(Джаныбекова). Посему же хан сей последний принял на себя попечение вводить между подвластными ему прививание оспы, то из той орды для обучения оному вновь людей не требовать сюда»¹²⁷.

О том, как проводилось обучение, в котором принимали участие и ссыльные декабристы, можно судить по рапорту на имя оренбургского губернатора, сообщавшего: «г. Ануфриев уведомил... комиссию, что выше назначенный Хайрулла Бабаев и Ахмеди Бодаев теперь в состоянии сами прививать оспу; посему он, снабдив их печатными наставлениями и оспопрививательными инструментами, надеется, что они с пользою могут заниматься оспопрививанием в Орде»¹²⁸.

Хайрулла Бабаев оказался старательным и прилежным фельдшером. Он исполнял обязанности не только оспопрививателя, но и оказывал первую медицинскую помощь. Однако официально об этом нигде не писали. В документах его постоянно называли фельдшерским учеником. Лишь двадцать лет спустя врач Оренбургской пограничной комиссии Майдель представил казахского фельдшера за безупречную службу к награждению серебряной медалью. В 1848 г. он писал: «Представляя ведомость об успехах оспопрививания в Восточной части Орды, смею покорнейше просить, нельзя ли за усердие фельдшерского ученика Бабаева наградить. Ежегодно награждаются фельдшера в губерниях государства за усердие при оспопрививании, где исправление этой должности не сопряжено ни с какими особыми трудами»¹²⁹. По поводу награждения было запрошено мнение султана-правителя. Вскоре султан-правитель писал о Хайрулле Бабаеве: «Определен в эту должность в 1834 году по распоряжению комиссии и состоял под зависимостью предшественников моих до 1841 года, т. е. до вступления моего в управление Восточной частью Орды; потом, согласно ходатайству моему, с 1845 года опять на этой должности. Во время нахождения его при мне, он при своей способности отправлял возложенную на него обязанность по оспопрививанию с должностным усердием»¹³⁰.

Однако этих характеристик оказалось недостаточно.

¹²⁷ ООА, ф. 4, оп. 4, д. 8949, л. 6.

¹²⁸ Галиев В. З. Медицинская деятельность декабристов в Казахстане // Советское здравоохранение. 1975. № 9. С. 78.

¹²⁹ ЦГА КазССР, ф. 4, оп. 1, д. 2495, л. 1.

¹³⁰ Там же, л. 6 и об.

Оренбургский генерал-губернатор сначала потребовал списки всех пациентов фельдшера, а когда таковой был представлен, ходатайство о награждении было отклонено. Через некоторое время лекарь Майдель возобновил ходатайство. Он писал: «Ученик Бабаев оказал особенное к распространению в Орде оспопрививания усердие и старался постоянно иметь у себя осененную материю, которой иногда вовсе не бывает даже в самом Оренбурге, где средства к приобретению не столько затруднительны, как в степи»¹³¹. Ходатайство поступило к генерал-губернатору, но и на этот раз в награждении медалью было отказано. Преследовались не только декабристы, их ученикам тоже не давали возможности проявить свои способности¹³².

Для проведения оспопрививания недонократно выезжал в казахские степи И. Лушников¹³³. Он был сослан из Москвы в Челябинский уезд Оренбургской губернии. О деятельности его свидетельствует заявление от 2 октября 1827 г., из которого мы узнаем, что Лушников проводил прививки в аргынском и балты-керейском родах. В заявлении говорится: «Сего 1827 года, особенно узнав многие из белты-керейского и аргынского родов, что тем оспопрививанием мною предохраняются от натуральной оспы, султан Читай Батыгираев, старшины Бикбулат, Бикбай и Кусыймендин приглашают они меня к себе привить и прочим киргизцам (прививки) памятной натуральной и брюшной оспы. Каковым приглашением побуждаясь, желаю оказать пользу этому народу, осмеливаюсь испросить, не благородным ли будет, через кого следует дозволить мне занятие оспопрививанием в кочующих станах сроком на один год»¹³⁴.

Один из правителей части Малой орды подал коменданту крепости Усть-Уйской отношение, в котором подтверждал свою просьбу о назначении Лушникова в степь для оспопрививания.

В другом конце Казахстана, в Бухтарминской крепости занимался медицинской практикой и М. И. Муравьев-Апостол. Он был связан с декабристами еще с 1817 г.

¹³¹ Там же, л. 18.

¹³² Галиев В. З. Медицинская деятельность ссыльных революционеров в Казахстане (Вторая половина XIX века). Алма-Ата, 1961.

С. 2.

¹³³ Там же.

¹³⁴ ООЛ, ф. 6, оп. 4, д. 9253, л. 7—9.

С 1818 г. жил в Полтаве, где вошел в группу, впоследствии сложившуюся в основное ядро Южного общества. В 1823 г. М. И. Muравьев-Апостол лично (у Пестеля) познакомился с планами Северного общества¹³⁵. Это был один из убежденных декабристов. Вместе с Пестелем и своим казненным в 1826 г. братом он был членом первого тайного общества декабристов («Союз спасения» или «Общество истинных и верных сынов отечества»), деятельным участником восстания Черниговского полка.

В Казахстане он находился под столь строгим неусыпным надзором, что не мог принять активного участия в местной общественной жизни. Однако, если судить по предшествующей деятельности Muравьева-Апостола в Якутии, где он активно занимался этнографией, метеорологией и зоологией, то можно с уверенностью сказать, что подобную исследовательскую работу он проводил и в Бухтарме.

16 марта 1829 г. по ходатайству сестры М. Muравьеву-Апостолу было разрешено переехать из Вилюйска в Бухтарминскую крепость¹³⁶. Как видно из специального рапорта от 5 сентября 1829 г., хорунжий Корнилов донесли M. И. Muравьева-Апостола к месту новой ссылки¹³⁷. Коменданту крепости Шевину была дана инструкция: «... по прибытии государственного преступника принять его и назначить его жительство в крепости. Отлучаться куда-либо воспретить. Установить строжайший надзор за его поведением. Если будет замечено у преступника огнестрельное оружие — немедленно отобрать его. Наконец, по истечении каждого месяца доносить омскому областному начальнику о поведении и образе мыслей M. И. Muравьева-Апостола»¹³⁸. Однако разместить его в крепости не смогли — не было подходящего помещения. Его поселили в форштадт, в дом казака Щербакова.

Исполняя полученные указания, комендант, кроме полицейского караула, приставленного к Muравьеву-

¹³⁵ Штрайх С. Я. Декабрист M. И. Muравьев-Апостол. М., 1922. С. 4—5.

¹³⁶ ГАОО, ф. 3, оп. 13, 1826 г., д. 4, л. 122; Герасимов С. Б. Мартей Иванович Muравьев-Апостол в Бухтарминской крепости // Сибирский архив. 1912. № 8. С. 557—558; Колесников А. Д. M. И. Muравьев-Апостол в Бухтарминской крепости (1829—1836) // Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1977. С. 148—150.

¹³⁷ Дмитриев-Мамонов А. И. Декабристы в Западной Сибири. Спб., 1905. С. 35.

¹³⁸ Там же. С. 115.

Апостолу, «из снисхождения к человеколюбию», назначил к нему еще солдата «хорошего поведения» под видом, якобы для услуг и посылок его, в чем он оставался доильным, а между тем тому солдату приказано секретно и строго, чтобы он имел к преступнику должное уважение и смотрел бы за его поведением»¹³⁹.

Через месяц после прибытия М. И. Муравьева-Апостола комендант Шевнин доносил: «Желает он иметь здесь собственный свой дом, хлебопашество и со временем предполагает выстроить водянную мельницу»¹⁴⁰. За 350 рублей купил дом у чиновника таможни Залейщика-ва¹⁴¹.

О жизни своей в Бухтарминской крепости М. И. Муравьев-Апостол впоследствии вспоминал: «Два, а много три раза в течение недели и то, когда я наперед знал, что не встречу постороннего, я ходил к управляющему Бухтарминской таможнею господину коллежскому асессору Богдану Ивановичу Кроку и Федору Андреевичу Андрееву»¹⁴².

Одним из основных его занятий в искусственно созданных условиях, резко ограничивающих возможность общения с людьми, было чтение¹⁴³, а в аттестации 1835 г. указывалось чтение книг «на разных диалектах»¹⁴⁴. Видимо, были у него книги не только на русском, но и на других языках.

Условия строжайшего надзора предписывали сообщать в канцелярию генерал-губернатора о малейших изменениях в жизни ссыльного. Так, государственный Омский областной архив сохранил подробнейший рапорт, связанный с переменой места жительства М. И. Муравьева-Апостола в Бухтарминской крепости: «Господин Бухтарминский комендант уведомил меня, что находящийся в крепости Бухтарминской Государственный преступник Матвей Муравьев-Апостол имеющийся у него дом отдал ныне члену Бухтарминской пограничной таможни, кол-

¹³⁹ Дмитриев-Мамонов А. И. Декабристы в Западной Сибири. С. 117; Герасимов С. Б. Матвей Иванович Муравьев-Апостол в Бухтарминской крепости // Сибирский архив. 1912. № 8. С. 557–558.

¹⁴⁰ ГАОО, ф. 3, оп. 13, 1829 г., д. 1, л. 4.

¹⁴¹ Дмитриев-Мамонов А. И. Декабристы в Западной Сибири. С. 118.

¹⁴² Муравьев-Апостол М. И. Воспоминания и письма. Спб., 1912. С. 86–87.

¹⁴³ ГАОО, ф. 3, оп. 13, 1835 г., д. 20, л. 8.

¹⁴⁴ Там же. 1836 г., д. 16, л. 1.

лежскому асессору Андрееву, единственно из человека любия, по той причине, что он, Андреев, имея семейство, приличной квартиры в крепости принять не мог, а сам Муравьев-Апостол по знакомству перешел на квартиру в дом управляющего там таможенного коллежского асессора Крока, с которым имеет один стол»¹⁴⁵.

Вероятно, архивы хранят и подробнейшие полицейские отчеты об обстоятельствах женитьбы М. И. Муравьева-Апостола на М. К. Константиновой, сироте, воспитанной в семье чиновника Бухтарминской таможни Брандта.

Несмотря на обособленное положение ссыльного, М. И. Муравьеву-Апостолу все же удавалось встречаться с интересующими его людьми, поддерживать различные связи. В хороших отношениях он был с управляющим таможней Макаровым, с работниками таможни Брандтом, Шуховым, Подгорским¹⁴⁶. В Усть-Каменогорске М. И. Муравьев-Апостол сблизился с ссыльными поляками, подготовившими восстание, и обещал помочь им своими средствами¹⁴⁷.

Много внимания уделял он и медицинской практике. В крепости не имелось даже фельдшера: «...В Бухтарминске я вообще много лечил и многим помогал, пользуясь указаниями лечебника Казнецкого», — вспоминал М. И. Муравьев-Апостол¹⁴⁸. Необходимые медикаменты получал из Петербурга через родственников. III отделение вынуждено было обратить внимание, что в крепости нет врача, а лечением занимается «государственный преступник». Областное правление писало коменданту: «Г., областной начальник, получив в мае месяце письмо, адресованное на имя государственного преступника Матвея Муравьева-Апостола и усматривая, что оный рецепт выписываем был Муравьевым от сестры его для пользования одной женщины, страдающей ранами,

¹⁴⁵ ГАОО, ф. 13, 1829 г., д. 4, л. 283.

¹⁴⁶ Там же, ф. 3, оп. 13, 1835, д. 5, л. 21—22; Болотский В. Н. Декабрист М. И. Муравьев-Апостол в Сибири // Политические ссыльные в Сибири. Новосибирск, 1983. С. 142.

¹⁴⁷ Духин Я. К. Освободительное движение в России в 20—60 годах XIX в. и Казахстан. Алма-Ата, 1968. С. 11 (О готовившемся заговоре поляков в Западной Сибири см.: Ногаев А. С. Омское дело (1832—1833 гг.) // Вопросы историографии и социально-политического развития Сибири (XIX—XX вв.). Красноярск, 1976. Вып. 1. С. 3—39).

¹⁴⁸ Муравьев-Апостол М. И. Воспоминания и письма. С. 76.

находящейся в Бухтарме, препроводил как письмо, равно и рецепт к коменданту Бухтарминской крепости, заметив при том ему, равно как и исправнику Усть-Каменогорским округом особым предписанием, что с их стороны не обращается, по-видимому, никакого внимания на таких людей, которые остаются без всякого признания, будучи одержимыми болезнями, для излечения коих вызвался государственный преступник»¹⁴⁹.

Медицинская практика декабристов в Казахстане исходила из общей просветительской установки дворянских революционеров. Деятельность такого рода в условиях ссылки, полицейского и военного надзора приобрела для них большое значение.

После поражения восстания, следствия и суда они оказались в различных гарнизонах, расположенных на территории Казахстана, присоединенной к России. Это огромные пространства от Уральска до Петропавловска и Бухтарминской крепости. Оторванные друг от друга, в новых условиях они не могли вести революционную работу, хотя и была попытка Оренбургского тайного общества установить связи с политическими ссыльными в казахстанском регионе, привлечь к себе антиправительственно настроенных людей.

Теоретические положения декабристов широко трактовали вопросы борьбы с царским сомодержавием. Они обсуждали вопрос о положении казахского народа, уделяли внимание развитию его в будущем. Эта нашло отражение в «Русской правде» П. Пестеля, в различных записках А. О. Корниловича и других научных и литературных работах. Декабристы не только развивали теоретические положения, но и пытались что-то практически предпринять: участвовали в научных экспедициях, поднимали в периодической печати казахскую проблематику, занимались составлением проектов преобразований, оказывали медицинскую помощь. С другой стороны, для Казахстана масштабы этой деятельности были незначительными. Однако различные факты связей первого поколения дворянских революционеров в крае были важными предпосылками дальнейшего развития теоретической мысли и практики российского освободительного движения.

¹⁴⁹ ГАОО, ф. 3, оп. 13, 1829 г., л. 4, л. 223.

Глава III

Г. С. КАРЕЛИН — ПОЛИТИЧЕСКИЙ ССЫЛЬНЫЙ ДЕКАБРИСТСКОЙ ПОРЫ

Идеология декабризма господствовала в обществе после Отечественной войны 1812 г. и до конца 1820-х гг. В этот период данное движение имело множество течений и оттенков, включавших радикальные, либеральные направления, организации и кружки, ставящие своей целью не только выработку теории и практики борьбы с царизмом, но и просвещение народа. В понятие движение декабристов включается не только вооруженное выступление против царизма 14 декабря 1825 года, но и широкая научная и просветительская деятельность декабристов.

В научной литературе отмечается, что в рамках движения постепенно происходила эволюция декабризма. Многие переходили к примирению с самодержавием. Однако даже у тех, кто проявлял и дух смирения, четко прослеживается просветительская направленность деятельности. Борьба против невежества, произвела была характерна для декабристов, но особое значение она приобрела в период ссылки.

Процесс распространения декабристской идеологии выявляется на примере деятельности Г. С. Карелина (1801—1872), тесное общение которого с ссыльными польскими патриотами, участниками выступления Семеновского полка, большая научная работа делает его заметной фигурой в общественной жизни. В его научной деятельности органично сливаются два момента — любовь к казахскому краю, тесные идейные и личные связи с движением декабристов.

Имя Г. С. Карелина не вошло в указатель «Деятели революционного движения в России» и в известный «Ал-

фавит декабристов» только потому, что эти документы составлялись по материалам III отделения. Г. С. Карелин был сослан в Казахстан до возникновения данного учреждения, поэтому его фамилия не фигурирует здесь. Несмотря на это, правомерно включение имени Г. С. Карелина в число участников российского революционного движения, в круг людей, идейно близких декабристам. Другой революционной антицаристской идеологии в указанный период в России не существовало.

Для исследователя движения декабристов Г. С. Карелин интересен как один из ярких представителей декабристского окружения. Изучение его личности позволяет представить, как под влиянием декабристской идеологии формировалось мировоззрение ученого и исследователя Казахстана, внесшего крупный вклад в изучение этого региона, непосредственно участвовавшего в освоении его.

Григорий Сильич Карелин до 1810 г. воспитывался в семье старшего брата, затем девяти лет был зачислен в первый Петербургский кадетский корпус, где одновременно с ним учились будущие декабристы Кондратий Рылеев, Федор Глинка, Михаил Пущин, Семен Краснокутский, братья Веденякины, Николай Мозгалевский, Александр Булатов и другие. В стенах кадетского корпуса Г. С. Карелин получил разностороннюю подготовку по гуманитарным и естественным наукам. Этому способствовала и атмосфера обучения.

Библиотека кадетского корпуса имела богатое собрание сочинений авторов XVIII в. Здесь были сочинения по военному делу, историческая, философская, художественная литература. Особую значимость имели труды выдающихся писателей и мыслителей Запада — Вольтера, Дидро, д'Аламбера, Руссо, Гольбаха, Монтескье, Бюффона, Корнея, Лессинга, Гельвеция и других. В библиотеке имелись и антикрепостнические стихи, издания Н. И. Новикова, сочинение Н. А. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Это было единственное в России столь полное книжное собрание XVIII в. Этой библиотекой пользовался и Григорий Карелин, интересовавшийся литературой того времени.

Он был одним из лучших учеников. Поэтому ему было предоставлено право присутствовать на торжественной церемонии в Царском Селе. Здесь его произвели вunter-офицеры. В рекриационном зале познакомили лицеистов и

кадетов. Карелина представили будущему декабристу В. Вольховскому¹. При беседе В. Д. Вольховский и Г. С. Карелин обсуждали события Каспийского похода Петра I, поход Бековича-Черкасского в Среднюю Азию. В подарок от сверстника Г. Карелин получил том И. И. Голикова «Деяния Петра Великого». На книжке была сделана памятная надпись: «Григорию Карелину, товарищу моему. Да осуществит он сей Петров проект. В Царском Селе, апреля 30 дня 1813 года. Владимир Вольховский»².

После учебы Карелина оставили в штабе военных поселений, который возглавлял граф Аракчеев³. О вольно-любивых настроениях этой поры свидетельствует эпизод: Г. С. Карелин нарисовал карикатуру на Аракчеева и подписал: «Бес лести предан», перефразировав текст родового девиза всесильного вельможи «без лести предан». Делу был дан ход и Г. Карелина в 1822 г. сослали в Оренбург⁴.

В новых условиях необходимо было войти в круг людей, связанных с декабристами, польскими ссылыми, не прерывать связей с Петербургом. И с этим Г. С. Карелин по возможности вполне справляется.

В 1826—1827 гг. Оренбург был местом, в котором временно находились или через который последовали на Кавказ многие ссылочные декабристы. Это содействовало личному общению Г. С. Карелина с участниками выступлений в Центральной России.

Характер личных связей Г. С. Карелина в период ссылки свидетельствует о том, что в этот круг входили не только представители научной интеллигенции того времени, но и люди политически неблагонадежные — декабристы, политическиесылочные. Среди друзей его в Оренбурге были А. И. Левшин, В. Д. Вольховский, исследователь Г. Ф. Генс, ссылочные студенты Виленского университета, разжалованные офицеры, солдаты Семёновского полка⁴.

В литературе сохранилось глухое упоминание о причастности Г. С. Карелина к противоправительственному кружку. Так, в воспоминаниях секретаря Оренбургского тайного общества В. П. Колесникова среди «подозревае-

¹ Блюмин Г. З. В дали неизведанной земли: Труды и жизнь Григория Карелина. Челябинск, 1982. С. 23.

² Там же. С. 26.

³ Там же. С. 25.

⁴ Павлов М. В. Григорий Силыч Карелин. М., 1940. С. 6.

мых» значится фамилия Қарелина⁵. Этот факт дает представление о том, что взгляды Г. С. Қарелина не изменились. Конечно, в условиях ссылки возможности ведения подпольной борьбы были крайне ограничены. Тому пример практическая деятельность Оренбургского тайного общества.

Однако в целом обстоятельства складывались сложно — Г. С. Қарелин оказался в новых условиях. Нужны были новые средства для претворения в жизнь хотя бы части программных установок декабристов, среди которых значительное место занимала просветительская деятельность. Известно, что декабристы внесли свой вклад в развитие науки и культуры не только в Центральной России, но и в Сибири, на Кавказе, в Молдавии и других регионах нашей страны. Политическая ссылка в казахский край, послужила для Г. С. Қарелина толчком к научной деятельности. Это была практически единственная возможность осуществления идеологии декабристов в условиях ссылки.

Почти сразу же по прибытии Г. С. Қарелин приступает к научной работе. Уже в 1822 г., в год прибытия в Оренбург, он совершает свою первую поездку в казахские степи, сопровождая археолога П. П. Свињина. Впоследствии поездки такого рода становятся систематическими (в 1824 г. он участвует в экспедиции Ф. Ф. Берга, позднее сопровождает Тафаева). Собранный материал Г. С. Қарелин обобщает в «Описании степи и описании кочевой жизни киргизов». Постепенно непосредственное ознакомление с жизнью по существу неизученного района приобретает для него первостепенное значение, формируя его какченого.

В 1826—1828 гг. Г. С. Қарелин жил при ставке хана Джангира, блестящее дополнил карту Букеевской Орды⁶. Позже эта карта была использована другими учеными. В эти годы исследователь познакомился со многими местами Западного Казахстана.

Так, в 1827 г., сопровождая доктора Эверсмана в поездке по землям Уральского казачьего войска, он посетил многие станицы и города Уральск, Гурьев, в 1829—1830 гг. его прикомандировывают к экспедиции Александра Гумбольдта, в которую в качестве сопровожда-

⁵ Галиев В. З. Г. С. Қарелин в Казахстане // История, философия, экономика: Сборник статей. Алма-Ата, 1963. С. 237.

⁶ ООЛ, ф. 6, оп. 10, д. 3432, л. 1.

ющих входили и декабристы. Известно, что Г. С. Карелин разрабатывал для этой экспедиции маршрут Оренбург — Уральск — Узень — Астрахань.

Однако ни отдаленность от Петербурга, ни новые условия жизни не изменили свободомыслия Г. С. Карелина. Не помешали этому и разгром восстания декабристов. В 1826 г. Карелин женился на А. Н. Семеновой, через которую шла новая линия связей с Петербургом. А. Н. Семенова была подругой жены поэта А. Дельвига, друга А. С. Пушкина. Переписка характеризует интересы в семье Г. С. Карелина и в некоторых кругах оренбургского общества.

В письме от 30 июня 1824 г. упоминается будущий декабрист Иван Дмитриевич Якушкин: «Я очень довольна, что не приходится ничего убавлять из того, что мне о нем говорили... он очарователен, прекрасно воспитан, умен, имеет, как говорят, прекрасную душу, всеми вообще любим и ценим, наконец, все говорят (и я не нахожу в этом преувеличения), что этот молодой человек положительно совершенство...». В письмах С. М. Салтыкова-Дельвиг сожалеет, что ее подруги нет в Крашневе, передает ей слова П. П. Пассека: «Затем ты ее сюда не привезла?», старается сделать так, чтобы Александра Николаевна как бы незримо присутствовала в этом смоленском имении, где довелось ей познакомиться еще с двумя молодыми людьми: В. К. Кюхельбекером и П. Г. Каховским.

«В Крашнево приезжал еще один молодой человек, — летит весть в Оренбург, — которого я была очень рада видеть, это г. Кюхельбекер... это — горячая голова, каких мало; пылкое воображение заставило его наделать тысячу глупостей, но он так умен, так любезен, так образован, что все в нем кажется хорошим, даже это самое воображение...»⁷.

В этих письмах упоминается и П. Г. Каховский: «Петр Григорьевич Каховский... молодой человек 25 лет, друг Кюхельбекера, приехал из Смоленска в Крашнево с намерением остаться здесь до сентября месяца... Ах, дорогой друг, что это за человек. Сколько ума, сколько воображения в этой молодой голове».

Письма, посланные С. М. Салтыковой-Дельвиг в Оренбург А. Н. Семеновой-Карелиной, дают богатейший материал для характеристики быта той уже далекой эпохи, а для нас интересны еще и тем, что как бы непосредст-

⁷ Модзалевский Л. Б. Пушкин. Л., 1929. С. 132.

венно связывают семью Карелина с людьми из круга декабристов:

«Я передала Ольге и г-ну Плетневу, — пишет Салтыкова подруге 13 октября 1824 г., — все, что ты поручила мне сказать им, последний мил, как никогда; каждый раз, что я его вижу, я люблю его все больше... Он принес мне несколько отрывков из новой поэмы, которой занят в настоящий момент Пушкин, и настоятельно просил меня послать их тебе, что я и делаю. Сохрани их, — это драгоценность, так как это — рука самого Пушкина»⁸.

Переписка двух подруг шла весьма интенсивно. После того, как Софья Михайловна Салтыкова стала невестой Дельвига, Пушкин упоминается почти в каждом ее письме в Оренбург. В некоторых из них можно увидеть приписки, сделанные Дельвигом; в одном — Анна Керн предлагает свою дружбу А. Н. Карелиной.

Прошло восстание 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади. 22 декабря 1825 г. С. М. Дельвиг сообщала в Оренбург о событиях, произошедших в столице. «Сей ужасный день 14 декабря был причиной молчания, хранимого мною в течение многих почт, ибо все письма теперь распечатываются, а я не могла писать тебе, не сказав тебе мнения о том, что произошло... В числе многих молодых людей, замешанных в это дело, находятся также Рылеев и Бестужев и бедный Кюхельбекер... И все, не исключая Каюковского, который принадлежит к их числу, находятся в крепости. Кюхельбекер еще не разыскан... Я трепещу, что его схватят»⁹.

Важно отметить, что о движении декабристов в семье Карелина знали даже важные детали. И цитированные письма служат этому подтверждением. В источниках существует и другое важное, хотя и глухое упоминание: Г. С. Карелин был включен в состав Оренбургского тайного общества¹⁰.

Круг связей Г. С. Карелина в Казахстане дополнял

⁸ Модзалевский Л. Б. Пушкин. С. 133—134.

⁹ Там же. С. 184.

¹⁰ Колесников В. П. Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату. Спб., 1914. С. 113. Дополнительную литературу об Оренбургском тайном обществе см.: Галиев В. З. Влияние освободительного движения России на общественно-политическую жизнь Казахстана в первой половине XIX века: Аннотированный указатель литературы. Алма-Ата, 1970.

исследователь Г. Ф. Генс¹¹. Оставшиеся архивные материалы, собранные Г. Ф. Генсом, свидетельствуют о том, что их автор прекрасно владел французским, немецким, знал тюркские языки, хорошо был знаком с литературой, опубликованной по истории Средней Азии и казахских степей¹². Занимался он и просветительской деятельностью. Сохранилась опись рукописей, оставшихся после смерти Г. Ф. Генса. Они составляли 17 книг рукописей и пять больших папок, названных в описи портфелями. Многие из этих материалов утеряны. Часть из них хранится в Оренбургском областном государственном архиве, некоторые дела можно отыскать в фонде В. В. Григорьева, отложившемся в ЦГИА СССР. В Оренбургском архиве фонд Г. Ф. Генса (ф. 166) составляет пять дел.

Важную роль сыграл Г. Ф. Генс в становлении Неплюевского военного училища. Оно существовало с 1825 г. На 70 воспитанников в нем было 12 преподавателей. Директорами являлись Артюхов, затем Генс. В библиотеке училища имелись библиотека и наглядные пособия. Училище делилось на два отделения: европейское и восточное. На восточном отделении учились башкиры, казахи, татары. Училище содействовало царизму в обрусении коренных национальностей Оренбургского края. Преподавание велось так, чтобы «о рус-

¹¹ Г. Ф. Генс в 1814 г. был прикомандирован к Оренбургской губернии. В казахской степи открыл свинцовую рудник в 700 верстах от границы по реке Тургай. С 1820 г.—начальник Оренбургского корпуса инженеров. Вскоре он снова едет для подробного изучения найденной свинцовой руды и других рудников. В августе 1821 г. назначается директором Неплюевского училища. О нем см.: Григорий Федорович Генс // Тургайская газета. 1896. № 43; Севастьянов С. Н. Григорий Федорович Генс: Биографические данные о председателе Оренбургской пограничной комиссии. 1787—1845 // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1907. Вып. 19. С. 158—167.

¹² Юдин П. Григорий Федорович Генс — первый директор Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса // Русская старина, 1899. № 8. С. 363—373; Столнянский П. Н. Из прошлого Оренбургского края. Оренбург, 1906; Попов А. Рукописи Г. Ф. Генса // Труды Оренбургской ученой комиссии. Оренбург, 1907. Вып. 19. С. 168—182; Бекназаров Р., Шакуров С. Рукописи Г. Ф. Генса как источник для изучения истории Казахстана // Социально-экономические и исторические предпосылки и прогрессивное значение присоединения Казахстана к России. Алма-Ата, 1981. С. 98—101; Матвеевский П. Е. Г. Ф. Генс и его оренбургские записки о русско-индийских связях в XVIII—первой трети XIX века // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, 1966. С. 64—71.

ской истории дать понятие такое, которое могло бы утвердить их во мнении о величии Российской державы и о необходимости повиноваться ей». На общей христианской молитве, читавшейся утром, после обеда и вечером, заставляли присутствовать и детей-казахов.

На восточном отделении наравне с христианскими законами преподавался магометанский, а вместо западно-европейских языков — восточные: татарский, арабский и персидский. Предметы, необходимые для военной специальности, не преподавались. Это объясняли тем, что детей казахов, башкир и татар «вредно усовершенствовать... в утонченных познаниях европейской учено-сти»¹³. Отмечая интерес Г. Ф. Генса к истории казахов, «Тургайская газета» писала, что он «очень живо интересовался историческим прошлым Оренбургских степей: он записывал предания и воспоминания киргизского народа, неутомимо собирая материалы по истории наших восточных окраин... Небольшая часть записок, оставшихся после него, свидетельствует, что автор их был образованный передовой человек того времени. Он в совершенстве владел французским и немецким языками, знал несколько туранских наречий и, видимо, с жадностью перечитывал все, что только являлось в европейской литературе с начала XVIII столетия по истории киргизских степей и Туркестана»¹⁴.

Автор посвященного ему очерка подчеркивал: «Несмотря на свое видное положение как общественного деятеля — он для всех был доступен, и мероприятия в отношении киргизского народа проводил исключительно лаской, добрым словом и неподкупной честностью. Он любил киргиз как братьев и, находясь по роду своей службы в постоянных с ними сношениях, очень живо интересовался историческим прошлым»¹⁵.

При кадетском корпусе был учрежден музей. Как свидетельствуют архивные источники, основатели музея желали его видеть таким, «который бы вмешал в себя все произведения Оренбургского края, в особенности, включая коллекции одежды, оружия и всего, относительно домашнего быта и промышленности разных народов»¹⁶. В музее предполагалось собрать зоологиче-

¹³ Садыников К. Оренбург эпохи Пушкина // Пушкин в Оренбурге: Сборник статей. Оренбург, 1937. С. 65.

¹⁴ Тургайская газета. 1896. № 43.

¹⁵ Григорий Федорович Генс // Тургайская газета, 1896. № 43.

¹⁶ ООА, ф. 6, оп. 10, д. 3850, л. 1.

ские, ботанические, минералогические коллекции, создать богатые этнографические разделы — орудия труда, одежду, украшения, домашнюю утварь, ювелирные изделия. Экспонаты должны были отражать историю оренбургского казачества, особенности быта казахов, башкир, калмыков.

В организации музея активное участие принимал Г. С. Карелин. Вспоминая это время, Г. С. Карелин писал: «Составили конспект, написали программу и напечатали циркуляр к сибирским заводчикам, приглашая их содействовать к образованию минералогического музеума, а к другим — об этнографических и других предметах... На следующий год Зотов прислал из Екатеринбурга коллекцию минералов в 600 рублей серебром. Было немало и других присылок»¹⁷. Среди устроителей музея были этнограф В. И. Даль¹⁸, польский ссыльный Т. Зан¹⁹. Последний был первым смотрителем коллекции Оренбургского музея. Росту музея способствовали и личные связи Г. С. Карелина с отдельными представителями из казахской степи.

В письме к Оренбургскому губернатору хан Д. Бухеев писал: «...с великой готовностью и удовольствием спешу препроводить с г. Карелиным часть киргизской мужской и женской одежды, вменяя себе в особую честь содействовать хотя безделкою к образованию рождающегося музеума. Я не премину в скорейшем времени дополнить все вещи, равно как и предметы хозяйственного быта в промышленности наших ордынцев»²⁰. Хан Джангир прислал большое количество вещей казахского быта и 4400 рублей ассигнациями. Экспонаты в музее были получены от начальника Златоустовских заводов Аносова, ботаника Турчанинова, естествоиспытате-

¹⁷ Уралец, 1897, № 29, 9 октября.

¹⁸ Модестов Н. В. И. Даль в Оренбурге // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1913. Вып. 28. С. 3—92.

¹⁹ Томаш Зан — поляк, друг польского поэта Адама Мицкевича, был сослан в Оренбург за участие в польских революционных кружках. О нем более подробно см.: Модестов Н. Н. Магистр философии Фома Карпович Зан // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1917. Вып. 35. С. 50—51; Духин Я. К. Освободительное движение в России в 20—60-х годах XIX века и Казахстан: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1968. С. 5—8; Сапаргалиев Г. С., Дьяков В. А. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1971. С. 32—34.

²⁰ ООА, ф. 6, оп. 10, д. 3850, л. 226.

ля Фрема, от начальника Алтайских горных заводов Ковалевского, Нерчинских горных заводов, от поэта Жуковского и других лиц.

Организация Оренбургского музея сблизила Г. С. Карелина с Г. Ф. Генсом. Между ними существовала переписка. В одном из писем Карелин жаловался на притеснение казаками кочевавших казахов. Г. Ф. Генс обещал содействие: «По возможности и обстоятельствам я буду стараться открывать зло и через то унимать злодеев. Своими силами надобно (слово неясно) предохранить бедных киргизов от разорения в орде: нападать на них есть кому и кроме нас»²¹.

В 1831 г. Г. С. Карелин принял участие в новой экспедиции Г. Ф. Генса, во время которой изучал пространство между реками Уралом и Тоболом. Г. С. Карелин составил карту этих мест.

В свое время был опубликован дневник Г. С. Карелина из этой поездки. В дневнике все названия уроцищ написаны правильно и сделаны их переводы с казахского языка. Здесь же сделаны точные и верные замечания о следах месторождений серебряных и железных руд, о солончаковых тақырах. По поводу солончаков на побережьях мелких рек Г. С. Карелин писал: «...для киргизов или вообще для степного скотоводства такое свойство прибрежного грунта составляет новую выгоду, ибо, доставляя питательную и самую лакомую для означенных животных пищу, вместе с тем оно же служит и предохранительным средством от обычных им болезней»²². Экспедиция продлилась все лето и закончилась только в октябре, когда наступили холода.

В том же 1831 г. С. Г. Карелин был назначен руководителем экспедиции к северо-восточным берегам Каспийского моря. В феврале этого же года управляющий Уральскими казачьими войсками Покотилов доносил в своем рапорте: «...я сносился с господином Карелиным, приглашая его для личных по сему предмету совещаний, но дела его задержали в ставке хана Внутренней Орды и он, сообщив мне некоторые вопросы, которые мною удовлетворены, просил меня одного заняться собранием

²¹ Архив АН СССР, ф. 157, оп. 2, д. 48, л. 1.

²² Карелин Г. С. Журнал, веденный при обозрении части Киргизской степи в ученом отделении титуллярным советником Карелиным 1831 года // Записки Русского географического общества. 1889. Т. 25, Вып. 6. С. 507.

нужных для снаряжения экспедиций сведений»²³. Первоначально предполагалось, что в нее должны были войти два офицера, два топографа, фельдшер, четыре канонира, сто пятьдесят казаков, четыре кусковые лодки. Снаряжение экспедиции было закончено к марта 1831 г., но по ряду причин ее отложили до следующего года.

Разрабатывая маршрут, Г. С. Карелин ознакомился с результатами предшествовавших поездок и плаваний в северо-восточной части Каспийского моря, в частности с сообщениями Бакунина за 1771 г.; планом Тюб-Карагана, составленным бывшим русским консулом в Персии; запиской Лодыженского, известными планами островов, картами Кожина и Черкасского, результатами топографических съемок Толмачева, данными Генье, Колодкина, Войновича²⁴. В распоряжении Г. С. Карелина были и копии рапортов Н. Муравьева о путешествии в Хиву.

В задачи экспедиции входило не только изучение местности. Как и большинство экспедиций того времени, которые отправлялись в осваивавшиеся районы, она должна была способствовать разрешению и военных, и политических проблем, но в официальные дипломатические сношения с хивинским ханством ей запрещалось вступать.

В инструкции о целях экспедиции говорилось: «...если Вы усмотрите возможность завести какие-либо частные переговоры, могущие способствовать к освобождению пленных, в Хиве находящихся, то Вы на сие совершенно разрешаетесь, но в политические сношения с Хивинским правительством Вам решительно возражается входить»²⁵.

Для охраны экспедиции Г. С. Карелину был предложен морской крейсер, от которого он отказался²⁶. Из Астрахани предполагалось выслать карательный отряд для усмирения адаевцев. В январе 1832 г. Г. С. Карелин в специальном письме к оренбургскому генерал-губернатору просил этого не делать²⁷. В этом вопросе мнение Г. С. Карелина совпадало с мнением основателя

²³ ОАД, ф. 6, оп. 10, д. 3590, л. 12—13.

²⁴ Карелин Г. С. Восточный берег Каспийского моря // Записки гидрографического департамента морского министерства. 1850. Ч. 8. С. 240—243.

²⁵ ОАД, ф. 6, оп. 10, д. 3590, л. 119.

²⁶ Там же, л. 229.

²⁷ Там же, л. 236.

orenburgskoy massonskoy lozhi i uchastnikom orenburgskogo tainogo obshchestva P. E. Velichko. O kарательnyx ekspeditsiyax v stepi on pisal: «...poslannyye otрядy nikogda pochti ne dostigali vinoynix xiщnikov; napadali, ograbляli, dazhe istrebleli совершенно безвинnyx i, nasыщача odnu tol'ko alchost', nikogda ne voznagrashdali istinno потерпевших ubytki, usiliava mezhdu tem v sem grubom narode obidnoe dla nas mnenie, что все sии поиски, вместо na правосудии основанных экспедициях суть нарядные грабежи, отделяющие нас от самых благонамереннейших степных жителей... Посему я считаю первейшей необходимостью: все военными командами в stepь поиски, под какими бы они ни назначались названиями, отменить и единожды навсегда, как здесь, так и на Сибирской линии — навсегда»²⁸.

Экспедиция 1832 г. началась 11 мая и продолжалась восемьдесят дней. В ней принимали участие 4 судна, 170 чел., среди которых были топограф Петр Алексеев, фельдшера, проводники-туркмены Ярмашет Кужкуфуллатов, Акмамей Бердыбакиев, Халмамбет Ильбурудибеков, Ходжамрат Байназаров²⁹. Хотя различные неудачи заставили вернуть с пути два судна и 71 чел., экспедиции удалось достичь намеченных целей.

В одном из донесений Г. С. Карелин писал: «Туркmenы и кондуровские татары желают быть присоединенными к Бukeевским ордынцам. Я ожидаю сюда старшин от того и другого народа, которые хотят посоветоваться со мною о средствах, как приступить к исполнению их намерений»³⁰. Со старейшинами туркмен он вел переговоры и «удалось кое-что уладить к выгодам Российской промышленности и торговли»³¹.

За время плавания экспедиция нанесла на карты мели, места с пресной водой, исправила ошибки в морском атласе, наметила место для закладки фактории или крепости. Были собраны большие коллекции минералов, расгений и животных, сделаны чучела 56 зверей и птиц³². По ходатайству Г. С. Карелина многие участники были награждены.

²⁸ Величко П. Е. Проект об усилении Российской с Верхнею Азиюю торговли через Хиву и Бухару // Русский архив. 1878. С. 402.

²⁹ ОOA, ф. 6, оп. 10, д. 3590, л. 481.

³⁰ Там же, л. 78, 304.

³¹ Карелина С. Г. Русский человек на восточной окраине // Русский архив, 1873, № 7. С. 1340.

³² ОOA, ф. 6, оп. 10, д. 3590, л. 338—341.

В августе 1832 г. оренбургский генерал-губернатор сообщал военному министру Чернышеву: «Хотя жестокие бури не позволяли предприимчивому начальнику сей небольшой экспедиции в полной мере использовать все им самим предположенное, но, по мнению моему, цель экспедиции достигнута. Много собрано неизвестных до сего сведений. Успехи, относительно конформации сих берегов значительны, равно как добыча предметов натуральной истории»³³.

Вскоре Г. С. Карелин начал усиленную подготовку к новой экспедиции по северо-восточным берегам Каспийского моря, о чем свидетельствует записка оренбургского генерал-губернатора Сухтелена к президенту Академии наук с просьбой «дать разрешение заняться изучением богатых средств и коллекции Императорской Академии». Это позволило Г. С. Карелину еще до отправления экспедиции получить представление о местах будущего путешествия.

2 мая 1834 г. из Гурьева вышли в плавание экспедиционные суда и на пятый день пути достигли залива Мертвый Култук (ныне Комсомольский)³⁴.

Среди помощников Г. С. Карелина находился Иван Александрович Попов. В 1833 г. по политическим мотивам он был исключен из Казанского университета и отдан в солдаты: — «для определения в военную службу рядовым», в 1835 г. произведен в унтер-офицеры. «С 10 марта 1834 г. был в экспедиции, посланной к северо-восточным берегам Каспийского моря и поступил потом в состав гарнизонного Ново-Александровского укрепления, где находился по 5 число июля 1835 года»³⁵. Общение с этим человеком для Г. С. Карелина было тоже очень важным: вокруг него расширялся круг участников общественных движений.

На основании собранных во время плавания материалов Г. С. Карелин предполагал составить записку по двум предметам: о естественных предметах обозреваемого им края и степени обмеления Каспийского моря в северо-восточной части³⁶.

На побережье этого залива, где экспедиция остановилась для пополнения запасов пресной воды и продо-

³³ ОOA, ф. 6, оп. 10, д. 3590, л. 310, 481.

³⁴ Там же, л. 383.

³⁵ ЦГВИА СССР, ф. 1441, оп. 1, д. 5, л. 5—6.

³⁶ ОOA, ф. 6, оп. 10, д. 3590, л. 383.

вольствия, произошла первая встреча с местным населением. Позже об этом эпизоде Г. С. Карелин писал в письме: «Киргизы встретили нас грозно, с шумом и суматохою; но дело обошлось без хлопот. Потолковав немного, человек 1000 ордынцев при первой свезенной на берег пушке начали довольно скоро взбираться на близние и дальние скалы. Немногим оставшимся на берегу, в почтительном однако ж расстоянии, я растолковал о цели нашего прихода и ожидающих их великих выгодах. Они, по-видимому, успокоились, и, узнав, что мы имеем на судах разные предметы для мены, сделались посмелее. Один старшина, подъехав ко мне, поздоровался со мной по-ордынски. Я обласкал его и одарил, таким же образом поступил и с ободрившимися его товарищами»³⁷.

Многие из сохранившихся записей Г. С. Карелина, фиксирующие тончайшие детали кочевого быта, свидетельствуют о большом интересе исследователя к жизни неизвестного ему народа. Примечательны описания кладбища, на которое обратил внимание еще Веселовский, характеристика погребального обряда, молебна о покойниках, закончившегося «пением старика Акмолай-Бека, подыгрывавшего себе на кобызее»³⁸.

Большую ценность для науки того времени представляли также сделанные во время обследования погребения зарисовки и описания наскальных рисунков.

Корректное, доброжелательное отношение, активная, разноплановая деятельность позволили Карелину добиться того, что он был принят старшинами кочевавших вблизи стоянки родов и получил от старшины казахского рода адай Союн-Кары письмо, в котором говорилось: «Я обременяю Вас словами по той причине, что сердца наши наполнены печалью: хивинцы разграбили и разорили нас, так же хищные киргизы отнимают скот наш. Надеюсь сыскать в вас Защиту»³⁹. Одновременно в русское подданство перешли некоторые туркменские рода и кондуровские татары.

В 30-е гг. прошлого столетия восточные берега Каспийского моря стали точкой преткновения внешней по-

³⁷ Карелина С. Г. Русский человек на восточной окраине // Русский архив, 1873, № 7. С. 1324.

³⁸ Карелин Г. С. Путешествия по Каспийскому морю. Спб., 1883. С. 489—491.

³⁹ Липский В. И. Флора Средней Азии. Спб., 1905. Т. 3. С. 1344.

тики Англии, Хивинского ханства и России. В 1811—12 гг. хивинский хан Мухаммед-Рахим при поддержке экименских старшин дважды разорял казахские аулы полуострове Мангышлак и плато Устюрт. В результате набега, сделанного в 1812 г., хивинские отряды угарили, не считая прочих ценностей, 10 тыс. баранов, тыс. верблюдов и 500 наложниц. В 1820 г. разбойный поход повторился⁴⁰. Он причинил много горя местным жителям. Через девять лет то же бедствие обрушилось на прикаспийские земли Казахстана. Агрессивность политики Англии нарастала. Появилась первозность России в такой обстановке. К политической конкуренции присоединилась торговая. В этот период симпатии казахов были на стороне России, адаевцы ориентировались в дружбу со своим могущественным соседом. Это был единственно правильный путь. Оценивая значение России для жителей побережья Каспийского моря, Ф. Энгельс писал: «Россия действительно играет прогрессивную роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии»⁴¹.

С начала XIX в. помыслы России об организации репости на северо-восточном берегу Каспия стали преворяться в жизнь. В этих целях в 1819 г. командующим Кавказским военным округом генералом Ермоловым юда была направлена экспедиция во главе с Николаем Луравьевым.

Аналогичные цели были поставлены и перед Г. С. Карабелиным. В задачи экспедиции входило не только привлечение местного населения под суверенитет России, но и определение районов строительства на этих рубежах крепостей для защиты его от разорительных набегов хивинцев, укрепления границ и осуществления колониальной политики.

Оценивая северо-восточные берега Каспийского моря, Карабелин писал: «Пространство великое и тем более важное, что принадлежит к землям, служащим ключом к будущей нашей торговле и политическим связям со Средней Азией»⁴². Его точка зрения аналогична оценке этого региона, которую дал декабрист Корнилович, изу-

⁴⁰ Бекмаханов Е. Б. Присоединение Казахстана к России. М., 1958. С. 95—96.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 241.

⁴² Карабелин Г. С. Путешествие по Каспийскому морю. Спб., 1883. С. 5.

чавший вопросы связей России со Средней Азией и Казахстаном⁴³, по мнению А. О. Корниловича, «поселение на восточном берегу Каспийского моря принесет, кажется, большую пользу, ибо оно будет иметь последствием сближение с Хивою, по крайней мере, облегчит сообщение с Бухарой, Самаркандом, Гератом и другими главнейшими городами Средней Азии»⁴⁴. Таково же было мнение казахских старшин. Адаевцы заявили в письме Карелину: «Если построить на сих местах город, тогда сосредоточите несколько народов и прекратятся злумышления»⁴⁵.

Мнения людей круга декабристов сходились на том, что присоединение Казахстана и Средней Азии к России отвечает чаяниям этих народов. Декабрист А. О. Корнилович считал, что создание колонии на Мангишлаке приблизит место русской торговли к Хиве, облегчит доставку товаров из Нижнего Новгорода и Тифлиса, в Хиве ограничит рабство, источником которого служат казахи и русские. Он подчеркивал, что «всеблагим промыслом назначено, кажется, России первенствовать как в Европе так и в Азии; ибо отношение ее к разным державам сих частей света совершенно отлично. Основанием ее европейской политики есть собственная безопасность; цель же сношений с азиатцами — преимущество торговли»⁴⁶.

Этой цели и была подчинена работа Г. С. Карелина в экспедиции 1834 года. По его инициативе, в присутствии около 1000 человек казахов, был заложен форт Ново-Александровский, строительство которого закончено через два месяца. Точная дата начала строительства зафиксирована в одном из писем Г. С. Карелина к жене, где он писал: «...18 мая торжественно заложен Ново-Александровск... укрепление состоит из трех бастионов и двух полубастионов, примыкающих к крутому обрыву Усть-Юрта (Устюрта — В. Г.)...»⁴⁷.

Закладка на побережье Каспийского моря форта, гарантирующего защиту от гибельных набегов хивинцев и обеспечивающего расширение торговли, предоставление местному населению льготных условий торгового обмена

⁴³ Корнилович А. О. Сочинения и письма. М., 1957. С. 230.

⁴⁴ Там же. С. 224.

⁴⁵ Липский В. И. Флора Средней Азии. Т. 3. С. 1345.

⁴⁶ Корнилович А. О. Сочинения и письма. С. 229.

⁴⁷ Карелина Г. С. Русский человек на восточной окраине // Русский архив, 1873. № 7. С. 1324.

(казахи могли покупать в форте нужные им товары половину той цены, которую приходилось платить в (ве) способствовало не только усилению контактов между кочевниками и членами экспедиции, но и формированию положительного отношения к факту вхождения состав Российской империи.

О настроении местного населения переводчик Тарасев писал: «Они радовались водворению русских и приближению торговли, сказывали, что слышали о начальнике крепости Карел... хвалили русское правительство и елали единственно зависеть от него»⁴⁸. Сам Карелин письме к жене отмечал, что все «жители Манышлака заявляли радость по случаю постройки нового города, бывшавшего им покровительство и средство мены и торговли в таком близком от них расстоянии»⁴⁹.

Деятельность Г. С. Карелина и возглавляемой им экспедиции была положительно оценена правительством — за основание Ново-Александровского укрепления он был награжден именным оружием. О том, какой везонанс она имела в прогрессивно настроенных кругах русского общества, свидетельствует письмо В. Д. Вольновского: «Хотя Ваша экспедиция в залив Карабу не есть для нас тайна, но подробностей сего предприятия я знаю, желаю только Вам более успеха, нежели сколько-нибудь неоднократные попытки наши на Восточном берегу Каспийского моря». В этом же письме была прописка: «Не поскупитесь на подробности о всем касающемся до Вас, будьте уверены, что по-прежнему принимаю в Вас искреннее участие»⁵⁰.

В 1836 г. Г. С. Карелин возглавил экспедицию вдоль всего северо-восточного побережья Каспийского моря, в состав которой вошли топографы И. Ф. Бларамберг, геолог Фелькнер, врач П. П. Заболоцкий-Десятовский, художник Данила Жерновой⁵¹. В ней участвовали также

⁴⁸ Дневник переводчика-армянина Турпая Тарасеева // Записки Русского географического общества. Спб., 1867. Ч. 1. С. 116—117.

⁴⁹ Карелина Г. С. Указ. статья. С. 1325.

⁵⁰ Архив АН СССР, ф. 157, оп. 2, д. 30, л. 4—7.

⁵¹ Палкин Б. Н. Медико-географические исследования Западной Сибири и прилегающих районов Казахстана в первой половине XIX века // Вопросы медицинской географии Западной Сибири. Новосибирск, 1967. С. 17—19; Карелин Г. С. Путешествия по Каспийскому морю // Записки Русского географического общества. Спб., 1883. Т. 10. С. 175; Романовский Е. О. О сохранившемся от экспедиции Карелина 1836 года к восточным берегам Каспийского моря альбо-

режде плававших с Карелиным.nim отношение, постоянные кониками экспедиции способствоваличи все понимают татарский (казах-⁵².

ий экспедиции косвенное участиест В. Д. Вольховский. К нему в Тби-Ф. Бларамберг и Фелькнер для по-их материалов. В письме к Г. С. Ка-ловский писал об этом: «Милостивый Сылыч, поручение Ваше касательно Болоцкого исполнено своевременно, и, нашли нужное содействие со стороныных начальников к успешному исполнений. Надеюсь, что и г. Бларамберг зоним пребыванием в Тифлисе. Душев-Вы благополучно совершили полезное. Особенno любопытно было бы ре-стье Аму-Дарьи. Многим меня обяже-дах и успехах Ваших»⁵³.

боты несколько статей опубликован-тые материалы, собранные Г. С. Ка-разрешения автора и указаний на-изованы И. Ф. Бларамбергом⁵⁵, что-зние Карелина и знавших его людей.

Карелин сообщил своему товарищу Се-чу Корсакову, владельцу имения Тару-С. Н. Корсаков писал: «Понимаю Ваше

негод да ху возм с мые шест ния, эксп стве I Г. С сти. Пр рег и в ко в а жа ос пл ча 1 с 1 в 1

сунков // Труды Санкт-Петербургского общества
й. Т. 21, № 1. С. 10.
ского географического общества. 1850. Кн. IV.

3. В дали неизвестной земли. С. 155—156.
геологический обзор восточного берега Каспийско-
й журнала. 1838. № 1. С. 1—64; Он же. Выписка
же. С. 178—199; Он же. Глубины Каспийского
261—267.

И. Ф. Журнал, веденный во время экспедиции
восточных берегов Каспийского моря в 1836 году //
географического общества. 1850. Кн. IV. С. 48.
аков, как и Г. С. Карелин, входил в декабристское
был особенно близок с А. О. Корниловичем, кото-
и С. Н. Корсакова как ученого. О нем писал: «Из
ых (я почти всех их знал), он имеет самые основа-
я в русской статистике и за пояс заткнет всех Гер-
ьевых с братицей». (Корнилович А. О. Сочинения и
1957. С. 107). Подмосковное имение С. Н. Корсакова
полагалось вблизи усадьбы Трубицыно, принадле-

ование насчет поступка Г. Бларамберга. Такого ро-
щения бывают на свете и нередко, но не всякому
жно представить доказательства, столь неоспори-
мых Ваши. Если Вы предложите Ваши записки путе-
зия Краевскому, то, кажется, не может быть сомнения,
чтобы они не были приняты от Вас, начальника той
эдииции, с жадностью и скоро напечатаны в «Отече-
зных записках»; а истина откроется сама собою»⁵⁷.
Ии по отношению к себе, ни по отношению к другим
. Карелин не переносил социальной несправедливости.
Таким он был в быту, таким был в научной работе.
имером может служить одно из описаний жителей бе-
зов Каспийского моря. На основе личных наблюдений
ыводов других участников экспедиции Г. С. Карелин
истатировал: «Поселяне берегов Астрabadского зали-
живут в жесточайшем угнетении. Часть деревень по-
лована в пожизненное владение ханам и бекам, а
альная принадлежит правительству. И те и другие
атят тяжкие подати... пятую часть пшена, десятую
стять пшеницы, 3—6 реалов деньгами, 15 коп. с коровы,
шага с барабана. В военные действия от 20 мужчин один
аряжается в войско за счет всех. Во время движения
йска отряды грабят население, [чтобы] одаривать на-
ильников Персии»⁵⁸.

За три года работы на северо-восточных берегах Кас-
пийского моря Карелин основал форт, составил карту
обережья, устья Эмбы, дороги в Хиву, побывал в Пер-
ии,плавал по руслу Узбоя⁵⁹. Собранные материалы
ослужили основой для ряда работ, опубликованных им
в это время. Значительная часть их была собрана и из-
дана в 1883 году востоковедом Н. И. Веселовским. Ру-
кописи учёного размещены в различных архивах. Так, в
Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина

жавшей Карелиным. См. об этом более подробно: Енишерлов В.
Сыны отражены в отцах // Огонек. 1976. № 50. С. 17—19; Стар-
ков В. Трубицыно // Литературная Россия. 1978. 4 августа; Беке-
това М. А. А. Блок и его мать: Воспоминания и заметки. Л.; М.,
1925.

⁵⁷ Цит. по: Липский В. И. Флора Средней Азии. Т. 3. С. 768.

⁵⁸ Карелин Г. С. Путешествия по Каспийскому морю. С. 257—
258.

⁵⁹ Агаев Х. А. Труды экспедиции Г. С. Карелина 1836 г. к юго-
восточным берегам Каспия — важный источник изучения истории
Западного Туркменистана первой половины XIX века // Изв. АН
ТуркмССР. Сер. обществ. наук. 1982. № 2.

в собрании Полторацкого обнаружена рукопись статьи «О тюленьем промысле».

Всякое притеснение казахов вызывало возмущение Карелина. Характерно его отношение к казахам-рыбакам, которых грабили владельцы рыболовных ватаг на Каспийском море: «Сброд людей, выезжающих на рыболовство под управлением какого-нибудь негодяя-лоцмана, позволяет себе самые непростительные поступки, — писал Г. Карелин, — и без всякого сомнения не упускает из виду выходить на восточные берега и производить беспорядки, роняющие нас во мнении туземцев»⁶⁰.

Обобщая выводы экспедиции, Г. С. Карелин писал: «Не дозволяя себе никаких политических рассуждений, начальник экспедиции осмеливается заключить сей краткий общий обзор, собственными своими убеждениями, что единственно на берегах Астрабадского залива может в высочайшей степени развиваться торговля России с Центральной Азией и государствами, с Индиюю со-предельными; что сии государства жаждут теснейшего союза с Россиею, по естественному спасению от возрастающего могущества англичан, непрестанно расширяющих свои пределы; и что Англия не может быть равнодушна к сему сближению, совершенно, зная, что, не прибегая к силе оружия, величественный исполин России одним нравственным влиянием может поставить ее на край политической гибели. Целью сего заключения есть предвреждение, что торговая и промышленная компания на первых шагах встретит все возможные препятствия со стороны англичан, чтобы ослабить или уронить столь опасные для нее начинания»⁶¹.

Побережье Каспийского моря, Западный Казахстан являлись основным объектом научного интереса Г. С. Карелина в течение многих лет. Вскоре после возвращения из довольно тяжелого плавания по Каспию он предпринимает новую попытку организовать экспедицию в район Астрабада, Хорасана, которая окончилась неудачей. Проигнорировав запрос Московского общества испытателей природы, официальные власти Оренбурга отказали ему в средствах. Негативное отношение к нему представителей царской администрации объяснялось тем, что демократические взгляды Г. С. Карелина, его

⁶⁰ Карелин Г. С. Путешествия по Каспийскому морю. С. 376.
⁶¹ Там же. С. 173.

дружеские отношения со многими представителями декабристского движения, в частности с В. Д. Вольховским, были известны и вызывали подозрения.

В конце 30-х гг. Г. С. Карелин начал готовиться к путешествию по северному и восточному Казахстану, а также к поездке в Семиречье, о чём свидетельствует датированное 1842 г. предписание начальнику Пограничного управления сибирских киргизов, где говорилось: «Чтобы господину Карелину к успешному выполнению возложенного на него поручения было даваемо всевозможное вспомоществование, во всех частях степи, определительно вошедшей в состав наших округов и чтобы во время разъездов его там сдаваем ему был конвой из отрядов Аягузского и Кокпектинского, но с тем, чтобы эти разъезды ни под каким предлогом не распространялись за пределы наших округов, т. е. до реки Лепсы и до южного склона Тарбагатайского хребта»⁶².

Часть маршрута проходила через военные крепости Троицк, Петропавловск, Омск, форпосты Песчаный, Зериноголовский, Пресногорьковский, Чернорецкий, Коряковский, Грачевский, Лебяжий, Семиярский, Кушмурун, Баянаул, Каркаралинск, Семипалатинск. В дневниках экспедиции сохранились интересные наблюдения Г. С. Карелина об этих местах. Так, о Петропавловске он писал: «Город грязен до чрезвычайности. Линия, повсеместно называемая Горькою, стоит своего имени»⁶³.

Во времена этой экспедиции Карелин побывал в Омске, в форпостах Песчаном, Зериноголовском, Пресногорьковском, Чернорецком, Черноярском, Коряковском, Грачевском, Лебяжьем, Семиярском.

Чтобы уточнить пути через Северное Прибалхашье в Семиречье, в крепости Семиреченской он встретился с есаулом 7 полка Николаем Потаниным, который сам ходил с караваном в Ташкент и имел обширные сведения о казахском kraе⁶⁴.

Для исследователя истории декабристского движения эта поездка важна тем, что она давала Г. С. Ка-

⁶² ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 1215, л. 1.

⁶³ Липский В. И. Флора Средней Азии. Т. 3. С. 655.

⁶⁴ ЦГВИА СССР, ф. 422, оп. 1, д. 1256, л. 1—27; Описание маршрута от гор. Семипалатинска до гор. Коканды, составленное хорунжим Н. Потаниным в 1829 г. // Военный журнал. 1831. № 4—5; Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Омск, 1911. Т. 38; Вестник Русского географического общества. 1856. Кн. IV.

лину возможность возобновить отношения с членами декабристской организации — Общества военных друзей — К. и Ф. Ордынскими, с которыми он встретился в Семипалатинске. Затем Г. С. Карелин совершил путешествие в Семиречье. Проводником ему служил Джаксылык из Семез-Найманской волости⁶⁵.

Путевые дневники его, относящиеся к этому периоду, содержат самую разнообразную информацию о жизни этого региона. Так, ему принадлежит одно из первых описаний надгробных сооружений у казахов Семиречья. «Над речкой Аягузом на горе Кузукурпеча, — пишет он, — есть памятник, склоненный из дикого камня: в длину три, а в высоту пять сажень, в память двух убитых влюбленных Баян-Сулу и Козы-Корпеш, а также из дикого камня высотой в рост человека четыре статуи, из них две мужского и две женского пола, о коих и доныне есть у киргизов история»^{65а}.

Интересны и наблюдения Г. С. Карелина над жизнью и бытом кочевых племен, фиксирующие процесс перехода беднейших скотоводов-кочевников к земледелию.

«Киргизы пашут плохими средствами, — отмечал он, — на кривом суку воткнута железная соха. Обрубок дерева — борона, чтобы не загребать, а укатывать после посева землю, дабы по напуску воды она оставалась ровной и зерна не всплывали. Напускают воду ежемесячно, если нет дождей. С перевала Костел прямо на юг виден хребет Ала-Атау (Алатау — В. Г.), вечно снегом покрытый. Встретили киргизский семейный караван, возвращающийся с пашен и обогнали другой с кожами и скотом на Чугучак. Прекрасная живописная сторонка. Бедный киргизец пашет на богатого из $\frac{1}{4}$ жатвы. Богатый дает ему быков, на которых верхом пашут, сохи, борону и малую порцию молока ежедневно»⁶⁶.

Основной своей задачей Г. С. Карелин считал составление подробной карты местности, приближенное определение районов залегания полезных ископаемых. Поэтому принадлежащие ему характеристики географических особенностей рельефа районов, через которые проходил маршрут, наиболее подробны. Характерно в этом отношении описание Тарбагатайского хребта: «Между

⁶⁵ Болдырев Н. Указ. статья; Липский В. И. Флора Средней Азии. Т. 3. С. 659.

^{65а} Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 134, л. 6.

⁶⁶ Там же, л. 7—8

прочим, местами осмотрел и хребет Тарбагатай, покоящийся на граните. Высота хребта 7500 футов, длина 200 верст, ширина 18. Он тянется в 300 верстах за Иртышом, с востока на запад. Наибольшая часть его в наших пределах. Тарбагатай заслуживает внимания особенно в отношении рудоносном. Множество рек, с него свергающихся, являются несомненные признаки присутствия золотых россыпей. На восточной окраине его, неподалеку от Чугучака, китайцы промышляют золото»⁶⁷.

Путевые заметки Г. С. Карелина отличаются не только подробностью описаний, но и красочностью. Так, в одном из писем же он пишет: «Мы теперь на страшной выгода: с одной стороны — в 200 саженях вечные ледники и снега, возвышающиеся над нашей палаткой массой в 2500 французских футов. Между снегами ледники, в трещины которых веревкой в 80 сажен дна не достали. Но теперь там и с боков расположены цветники чудеснейших растений. Ароматы струятся в воздухе, тонком и чистейшем. Олени и козы мелькают между камнями и уединенными пихтами. Ручьи, образующие реку Лепсы, текущую в Балхаш, стремятся с быстротою всесокрушительною: след их виден только в вечной пene и местами в огромных скатертиях низвергающихся водопадов»⁶⁸.

Во время этой экспедиции Карелин составил карту всего Семиречья. Особенно много было собрано им коллекций флоры и фауны. Несмотря на противодействие властей, он не оставляет научной деятельности. Г. С. Карелин отправляется через Усть-Каменогорск и Бухтарминскую крепость к озеру Нор-Зайсан. Известно, что из этой поездки он вывез коллекцию минералов Риддерского и Крюковского рудников с точным обозначением количества содержащегося в них серебра, меди и свинца.

Власти тщательно следили за связями и работами Г. С. Карелина. Вокруг Карелина замыкалось кольцо надзора. Из России друзья открыто предупреждали об этом. Со службы он был уволен и получил официальное письмо от генерал-губернатора Западной Сибири Горчакова: «Бумагою г-на Перовского поручено мне выпроводить Вас мерами полицейскими, но, уважая Вашу просьбу, готов я от сего отступить и позволить Вам ехать од-

⁶⁷ Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 210, л. 8.

⁶⁸ Там же, л. 7—8.

кому, если Вы назначите мне тракт, которым намерены следовать. Приемлю честь предупредить Вас, м. г., что если Вы останетесь в пределах мне вверенного края, то найду и вынужденным возобновить неприятное для Вас распоряжение»⁶⁹. Научные работы пришлось прекратить.

Остаток жизни Г. С. Карелин прожил в Гурьеве, где и скончался в 1872 году. Его основные научные работы были изданы лишь в 1883 году⁷⁰.

Научная деятельность Г. С. Карелина была объективно оценена только во второй половине XIX в. Основанный в 1868 г. Оренбургский отдел географического общества избрал его в свой состав, сообщая ему об этом. Председатель отдела писал: «Будучи извещен о просвещенном и деятельном участии, принимающем Вами в течение уже многих лет в изучении естественных богатств Оренбургского края, я смею, по определению общего собрания членов отдела, почтительнейше предложить, не угодно ли будет Вам, милостивый государь, принять на себя звание члена-сотрудника Оренбургского отдела Русского географического общества»⁷¹.

В это время появилось имя Г. С. Карелина в специальных изданиях⁷². Имя Г. С. Карелина значится в разнообразных исследованиях современников — А. Н. Бекетова, Т. Г. Шевченко, В. М. Липского⁷³ и др. Так, известный естествоиспытатель прошлого века М. Н. Богданов писал о Г. С. Карелине как о человеке, «работавшем около полувека над фауной той же страны, ...приобретшему почетную известность своими путешествиями не только у нас, но и за границей, в то глухое для русской науки время»⁷⁴. Посвящением Г. С. Карелину открывается одна из классических работ русских ученых в области зоогеографии — главный труд Н. А. Северцова, который писал: «В 1845 году, еще почти мальчиком, я

⁶⁹ Линский В. И. Флора Средней Азии. Т. 3. С. 725.

⁷⁰ Карелин Г. С. Путешествия по Каспийскому морю. С. 325.

⁷¹ Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 49, л. 10—11.

⁷² Свенске К. Ф. Обозрение главнейших путешествий и географических открытий в десятилетие с 1838 по 1848 год // Вестник Русского географического общества. Сиб., 1851. Ч. 1. С. 111.

⁷³ Дроздов Г. Обзор научно-исследовательской работы и литературы по Уральскому округу (1748—1929) // Уральский округ и его районы. Уральск, 1929. Вып. 2. С. 1—47.

⁷⁴ Богданов М. Н. Обзор экспедиции и естественно-исторических исследований в Арабо-Каспийской области с 1720 по 1874 год // Труды Арабо-Каспийской экспедиции. Спб., 1875. Вып. 1. С. 20—21.

познакомился с известным и неутомимым исследователем Средней Азии Г. С. Карелиным, только что вернувшись из Семиречья, и был увлечен его рассказами о тамошней богатой, оригинальной природе с резкими контрастами пустынь и роскошной растительности, знойных низин и снежных хребтов, летнего жара и зимнего мороза. С тех пор Средняя Азия сделалась научной целью моей жизни»⁷⁵.

В докладной записке президиуму Академии наук (в 1882 г.) Н. А. Северцов подчеркивал: «...издана только малая часть материалов Г. С. Карелина, одного из самых неутомимых и замечательных исследователей Средней Азии, который в своих путешествиях по изумительно-му обилию и разнообразию своих коллекций и наблюдений один заменял многолетние учёные экспедиции»⁷⁶.

Известный историк, исследователь Средней Азии и казахского края Н. А. Веселовский считал: «Карелин является личностью высоко замечательною... Встреченный киргизами крайне недоверчиво, он сумел так сойтись с ними, что они сами искали случая услужить ему чем-нибудь, и что особенно замечательно, указали ему места, где находится самое драгоценное сокровище их — пресная вода»⁷⁷.

Известный ботаник А. И. Бекетов свидетельствовал, что Г. С. Карелин — «знаменитый естествоиспытатель и путешественник, дал для науки «важные списки алтайских и джунгарских растений»⁷⁸. Президент Русского Энтомологического общества Карл Бэр писал: «Русское Энтомологическое общество в С.-Петербурге, желая пользоваться просвещенным участием Вашим в трудах своих, в заседании избрало Вас своим действительным членом»⁷⁹.

Авторы известного многотомного сочинения «Россия», вышедшего в свет в начале XX века, утверждают: «В первой половине XIX века наибольшие географические сведения о киргизском kraе dали: Левшин в своем

⁷⁵ Северцов Н. А. Вертикальное и горизонтальное распределение туркестанских животных. М., 1953. С. 10.

⁷⁶ Северцов Н. А. Сборник документов. Ташкент, 1958. С. 241.

⁷⁷ Веселовский Н. А. Путешествия Карелина по Каспийскому морю // Журнал Министерства народного просвещения. 1884. № 2. С. 424.

⁷⁸ Карелин Г. С. // Энциклопедический словарь. / Ф. А. Брокгауз, И. И. Ефрон. Спб., 1895. Т. 28. С. 492.

⁷⁹ Архив АН СССР, ф. 157, оп. 1, д. 198, л. 1.

известном сочинении о киргиз-кайсацких ордах и степях, а также Эверсман, Гебель, Карелин...»⁸⁰.

Советский исследователь Каспия Е. Л. Штейнберг дал следующую характеристику Г. С. Карелину: «Как истинный ученый, Карелин не удовлетворялся поверхностными наблюдениями, не принимал на веру «незыблемые истины», выдвинутые общепризнанными авторитетами, до тех пор, пока путем самостоятельного исследования не убеждался в их справедливости» и «ее (экспедиции 1836 года — В. Г.) научные результаты трудно переоценить»⁸¹.

Оценки научного творчества Г. С. Карелина советскими и дореволюционными учеными в своих основных положениях сходятся. Различные авторы отмечают его самоотверженность, высокий профессионализм. Важное место в науке занимают его труды по сбору образцов флоры Казахстана, естественно-географические описания казахского края. Интерес представляют опубликованные результаты трудов не только как ценный источник сведений для исследователей, изучающих данный регион, но и с точки зрения их идейной направленности, в значительной степени обусловленной идейными и личными связями Г. С. Карелина с декабристами. До сих пор в науке на эту сторону вопроса не обращалось достаточно внимания.

Связи с декабристами характерны не только для периода пребывания Г. С. Карелина в Петербурге, но и для последующего времени. Большую часть жизни он провел в Казахстане, куда был сослан. Здесь проводил Г. С. Карелин научные изыскания, здесь он поддерживал взаимоотношения с другими политическими ссыльными — декабристами, польскими патриотами, с образованной частью общества. Характер этих связей и направленность научных исследований позволяют предполагать, что он разделял антиабсолютистские устремления декабристов и их взгляды на науку, в частности на цели, принципы изучения громадной территории Российской империи. Для декабристов научные исследования являлись не средством самообразования и самосовершенствования, а важной целью в политической борьбе

⁸⁰ Россия: Полное географическое описание нашего отечества. Спб., 1913. Т. 18. С. 1—2.

⁸¹ Штейнберг Л. С. Первые исследователи Каспийского моря. М., 1948. С. 59.

с самодержавием. Для того, чтобы приступить к коренным преобразованиям России, необходимо было иметь представление об ее различных землях и народах. Географические компоненты имеются в различных программных документах декабристов и в их произведениях, в которых важное значение придается проблеме исследования Сибири и Казахстана.

«Европа, — писал декабрист А. О. Корнилович, — надеется получить от нас сведения о Восточной и Средней Азии. Честь и достоинство нашего правительства требуют удовлетворить в сем случае ожидания просвещенного мира и стяжать его благодарность сообщением ему известий точных о нравственном, политическом и умственном состоянии сих обширных стран, малоизвестных, но весьма любопытных»⁸².

Данным программным установкам декабристов следовал и Г. С. Карелин. В научной деятельности он выступал как исследователь и преемник большой группы декабристов — исследователей. В географическом и естественно-научном исследовании Казахстана Г. С. Карелин видел важнейшее средство укрепления силы и экономического потенциала Отечества. Эти позиции он последовательно отстаивал на протяжении всей своей жизни.

⁸² Корнилович А. О. Сочинения и письма. М.; Л., 1957. С. 227.

А. И. ЛЕВШИН — ПРЕДСТАВИТЕЛЬ
ДЕКАБРИСТСКОГО ОКРУЖЕНИЯ
И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАЗАХСТАНА

Пребывание декабристов в Казахстане, их связи с демократической и передовой частью общества были разнообразными и нашли неодинаковое отражение в источниках и литературе. В связи с этим заслуживает особого рассмотрения деятельность А. И. Левшина, его связи с декабристами и их окружением. Само по себе имя А. И. Левшина широко упоминается в различных научных изданиях. В последнее время появился ряд статей, посвященных специально А. И. Левшину. Авторы их — литературоведы, историки, географы. Однако, несмотря на обилие отзывов и восторженных оценок, остаются неисследованными идеальные и личные его связи периода 20 — начала 30-х годов XIX в. Ответ на этот вопрос важен для уяснения идеальных позиций мировоззрения А. И. Левшина, степени влияния на него исторических воззрений декабристов.

Выявленные материалы позволяют на данном этапе очертить связи А. И. Левшина с декабристами и показать отдельные моменты творческой истории создания его трудов.

Как и многие декабристы, А. И. Левшин имел знатное происхождение. Он родился в 1797 г. в Тульской губернии. Левшины являлись представителями древнего дворянского рода, их имения были разбросаны в Воронежской, Курской, Московской, Херсонской, Орловской губерниях. Однако основное родовое имение было в селе Пожилино, недалеко от города Ефремова Тульской губернии.

Духовный наставник А. И. Левшина — Василий Алексеевич Левшин был глубоко образованным человеком

для своего времени: он являлся автором известной книги «Русские сказки». Этот сборник для нескольких поколений русских людей служил источником знакомства с родным фольклором. Хорошо знал ее и А. С. Пушкин. Многие мотивы и эпизоды поэмы «Руслан и Людмила» восходят к ней. А. С. Пушкин был лично знаком с В. А. Левшиным, упоминал его имя в седьмой главе «Евгения Онегина». В. А. Левшин, по мнению исследователя Н. А. Милонова, «примыкал к демократической интеллигенции XVIII века, боровшейся за просвещение родной страны, высоко ценившей народное творчество»¹.

Алексей Ираклиевич получил хорошее домашнее воспитание, затем учился в Харьковском университете. В молодости был охвачен реформистскими идеями. Автором различных проектов преобразований и основателем Харьковского университета был В. Н. Карамзин. Идеями своего наставника был пленен и молодой Левшин. Вспоминая студенческие годы, он писал: «...освобождение крестьян есть первый и необходимый шаг ко всем улучшениям. Что касается до меня, то я носил в себе это убеждение с университетской скамьи и так был им полон, что в 1828 году провозгласил тост за освобождение крестьян»².

Окончив университет со степенью магистра, благодаря успехам в науках и влиятельным связям поступил на службу в Коллегию иностранных дел в Петербурге³. Почти одновременно сюда же поступил на службу Александр Сергеевич Пушкин. Здесь и произошло знакомство двух молодых людей. Однако исследователь В. Вешневецкая прямо пишет, что «А. И. Левшин познакомился с А. С. Пушкиным во второй половине 1823 — начале 1824 года»⁴. Это спорно. По логике, такое знакомство надо отнести к 1818—1819 гг.

Для А. Пушкина ровесник-сослуживец был интересен как литератор. В 1816 г. у А. И. Левшина вышла книжка «Письма из Малороссии»⁵. По жанру и стилю это было традиционное произведение, посвященное пу-

¹ Милонов Н. А. Русские писатели и Тульский край. Тула, 1971. С. 191.

² Левшин А. И. Достопамятные минуты моей жизни // Русский архив. 1885. № 8. С. 475—477.

³ На память юбилея А. И. Левшина. Спб., 1868. С. 16.

⁴ Вешневецкая В. А. И. Левшин — исследователь Казахстана // Братство народов — братство культур. Алма-Ата, 1985. С. 20—21.

⁵ Левшин А. И. Письма из Малороссии. Харьков, 1816.

тешествиям, поездкам, описанию земель. Однако по содержанию она представляла самостоятельный интерес. Здесь были описания Полтавской битвы, разъяснения отдельных мест в «Слове о полку Игореве».

Вскоре А. И. Левшин был переведен в Азиатский департамент, который только создавался. Здесь начальником был К. К. Родофинникин, широко образованный и опытный дипломат. Непосредственным руководителем А. И. Левшина стал Василий Федорович Тимковский⁶. Это был человек из окружения декабристов, участник войны 1812 г. А. И. Левшин хорошо знал и исследователя Азии Е. Ф. Тимковского. В 1820—1821 гг. он в качестве пристава сопровождал духовную миссию в Китае. Когда появилась обширная работа Е. Тимковского «Путешествие в Китай через Монголию в 1820—1821 годах», в «Северном архиве» появилась на нее рецензия. Рецензентом, как уже упоминалось, явился декабрист А. О. Корнилович⁷. Братья Тимковские были в тесных связях с декабристами.

В начальный период формирование мировоззрения А. И. Левшина проходило в Петербурге, в одном из центров деятельности ранних декабристских организаций. Несомнены его связи с декабристами. Имеющиеся материалы свидетельствуют также о связях будущего историка с А. С. Пушкиным, о личных взаимоотношениях с декабристами В. Ф. Тимковским, А. О. Корниловичем, семьей Корсаковых. Вполне вероятно, что к этому периоду относится и знакомство А. И. Левшина с декабристом В. Д. Вольховским.

Именно в этот период одновременно происходит также знакомство А. И. Левшина с восточными окраинами, которые обрели впоследствии первостепенное значение в его жизни.

В период работы в Азиатском департаменте в Петербурге А. И. Левшин знакомился с казахским краем по архивным делам, интерес к восточной проблематике становился устойчивым. Позднее А. И. Левшин писал об этом периоде работы над сбором материалов о казахах: «Первые понятия мои о сем народе почерпнуты мною из

⁶ На память юбилея А. И. Левшина. С. 29.

⁷ Корнилович А. О. [Рецензия]. // Северный архив, 1824. № 11. Ч. 10. С. 315—330. Рец. на кн.: Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг. Ч. 1. Спб., 1824.

рхива Азнатского департамента Министерства ино-
граных дел в течение 1819 и 1820 годов»⁸.

Не менее ценным источником для начинающего ис-
следователя был также журнал «Сибирский вестник»,
здававшийся в то время в Петербурге Г. И. Спасским⁹,
ходившим в окружение А. С. Пушкина и декабристов,
то само по себе дает представление о направлении
журнала. В нем печатались самые различные материа-
лы об Азии. Этот журнал сильно повысил интерес
А. И. Левшина к Востоку.

В 1818—1819 годы журнал опубликовал большую се-
ию статей о Китае и Средней Азии, где содержалось
множество сведений о казахском крае. В двенадцати
выпусках журнала за эти годы была опубликована боль-
шая серия статей, связанных с изучением Казахстана:
«Путешествие в Китай сибирского казака Ивана Петли-
на в 1620 году», «Путешествие от Сибирской линии до
города Ташкента и обратно в 1800 году», «Карта киргиз-
кайсацкой степи», «Путешествие от Сибирской линии до
города Бухары в 1794 и обратно в 1795 г.», «Путешес-
твие по Тигрецким белкам», «Путевые записки перевод-
чика Путинцева в проезд его от Бухтарминской крепо-
сти...», «О древних развалинах в Сибири», «Киргиз-кай-
саки Большой, Средней и Малой орды по записям Андре-
ева», «Путешествие по Южным Алтайским горам в
1809 году», «Исторические сведения о киргиз-кайсаках»
и другие.

Именно в период работы в Петербурге А. И. Левшин
не мог не обратить внимания на «Сибирский вестник» и
на личность издателя Г. И. Спасского. Вполне вероятно,
что А. И. Левшин мог познакомиться с ним. Ведь из-
вестно, что в 1818 году на заседании «Вольного общест-
ва любителей словесности, наук и художеств» Г. И. Спас-
ский знакомится с А. С. Пушкиным.

⁸ Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких
орд и степей. Спб., 1832. Ч. 1. С. 4.

⁹ Г. И. Спасский родом был из Рязанской губернии, почти зем-
ляк А. И. Левшина. Учился в Петербурге. Затем с 1803 г. служил
в Томске, вскоре знакомится с известным востоковедом Н. Я. Би-
чуриным. С 1809 г. Г. И. Спасский работал на Колывано-Воскресенс-
ких горных заводах, был назначен смотрителем на Бухтарминский
рудник. Затем служил в Змеиногорской конторе, некоторое время
был даже управляющим Змеиногорским рудником. В 1817 г., в
очередной раз, для сопровождения каравана с серебром Г. И. Спас-
ский командируется в Петербург, где и остается.

В середине и второй половине 20-х годов изучения архивов, анализа опубликованных материалов было явно недостаточно для того, чтобы выработать свой взгляд на проблему. А. И. Левшину необходимо было ознакомиться с жизнью народа непосредственно. Первая поездка его в казахские степи относится к 1820 г. В современной научной литературе нет единого взгляда на причины поездки А. И. Левшина в Оренбург. Мнения различных авторов расходятся: часть ученых, в частности литературовед Л. А. Шейман, считает, что «в Оренбург Левшин был направлен с чрезвычайным поручением»¹⁰. Аргументируя свою точку зрения, он ссылается на анализ поздних некрологов. В статье уральского краеведа М. Болдырева подчеркивается, что А. И. Левшин послан был «для собирания всевозможных полных сведений о киргизах»¹¹. Основанием для такого вывода на первый взгляд может служить утверждение А. И. Левшина о том, что он был послан в «зауральские степи» по Высочайшей воле¹². Однако все эти предположения и самопризнание А. И. Левшина ничем не аргументированы. Скорее всего, самопризнание автора — дань возможным цензурным притеснениям. Что касается «Высочайшей воли», то эту фразу А. И. Левшин, вероятно, вставил, беспокоясь о будущности своего обширного труда, стремясь привлечь к нему внимание монарха.

Ленинградский историк А. Стеблина-Каменская выдвинула другое предположение. Она писала, что А. И. Левшин являлся столоначальником в Азиатском департаменте и был прикомандирован к председателю Оренбургской пограничной комиссии¹³. Однако документально такое допущение ничем не подкреплено. Существует и такое, также не подтвержденное предположение: А. И. Левшин был послан на должность помощника председателя Оренбургской пограничной комиссии¹⁴. Это предположение возникло в дореволюционный период. В Русском биографическом словаре об этом ска-

¹⁰ Шейман Л. А. Пушкин и киргизы. Фрунзе, 1963. С. 22.

¹¹ Болдырев Н. Исследователи нашего края // Уральские почтовые ведомости. 1874. № 2.

¹² Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Сиб., 1832. Ч. I. С. 4.

¹³ Материалы по истории Казахской ССР (1785—1829 гг.). М.; Л., 1940. Т. 4. С. 522.

¹⁴ Вешневецкая В. А. И. Левшин — исследователь Казахстана // Братство народов — братство культур. С. 10.

зано расплывчато: «В 1820 г. он был назначен состоять при председателе Оренбургской пограничной комиссии»¹⁵. Исследователь Н. К. Пиксанов в начале 900-х годов писал, что А. И. Левшин ревизовал по поручению Министерства государственных имуществ казенные земли в области войска Уральского, поэтому он оказался в Оренбурге¹⁶.

На наш взгляд, все попытки показать пребывание А. И. Левшина в Оренбурге как что-то важное выглядят малоубедительными. Для выполнения особо важных поручений у А. И. Левшина не было в тот период достаточной специальной востоковедческой подготовки. Об этом же свидетельствует выдержка из письма А. И. Левшина, опубликованная в одном из прижизненных юбилейных изданий, где сказано: «Я отправился в Оренбург в качестве помощника (В. Ф. Тимковского — В. Г.) по сношениям с киргиз-кайсацкими ордами»¹⁷. Здесь нет никаких указаний на особый характер миссии А. И. Левшина в Оренбурге.

По долгу службы В. Ф. Тимковский должен был выезжать в Оренбург. В качестве помощника он взял с собой и А. И. Левшина. С одной стороны, это было почти случайностью, но, по всей видимости, А. И. Левшина уже тянуло в казахский край. Ему хотелось на месте проверить и сопоставить свои первые архивные знакомства с этим краем. Не противоречат нашей точке зрения и более поздние воспоминания А. И. Левшина об этом периоде своей жизни, где он писал: «В 1820 году я вместе с ним (В. Ф. Тимковским — В. Г.) отправился в Оренбург в качестве его помощника по сношениям с киргиз-кайсацкими ордами. Товарищами моими по этой экспедиции были князь Черкасский и Корсаков, ибо они сделались моими друзьями. Появление наше в Оренбурге было принято недружелюбно: оно стесняло многие низкие власти в произвольных действиях и поэтому скоро возбудило неприятные отношения между начальником нашей маленькой миссии и главным начальником края. Возможно, это было причиной, что Тимковский отправился в Петербург для объяснения с Министерством, а я остался в Оренбурге, без определенных отношений к

¹⁵ Русский биографический словарь. Спб., 1914. С. 159.

¹⁶ Русская старина. 1905. № 4. С. 210.

¹⁷ На память юбилея А. И. Левшина. С. 14—15.

местным властям и почти без дела»¹⁸. Это — очень важное признание: в Оренбурге он остался «без определенных отношений к местным властям и почти без дела».

Однако дело нашлось: все время А. И. Левшин проводил в изучении архивных дел Пограничной комиссии и в поездках по сбору полевого материала. Посетил он и Уральск¹⁹.

В Уральском архиве А. И. Левшин обнаружил целый ряд ценных документальных материалов: донесения яицкого атамана Рукавишникова от 1720 г., донесения военной коллегии Оренбургского губернатора от 1748 г., материалы П. Рычкова, рукописный журнал атамана Акутина, материалы Уральской войсковой канцелярии²⁰.

Архивные документы, в частности относящиеся к 1821 г. и подписанные А. И. Левшиным, отражают характер его деятельности. Среди них донесение хана Ширгазы оренбургскому военному губернатору П. К. Эссену с просьбой снять распоряжение комендантov Верхнеозерной и Красногорской крепостей о переселении казахов от Линии в степь²¹, замечание на инструкцию, данную полковнику Бургу от Министерства иностранных дел в 1823 году²². Они свидетельствуют о глубоком знании А. И. Левшиным внутреннего положения в Малом жузе.

О пребывании А. И. Левшина в Оренбургском kraе и его работе современники свидетельствовали: «Он подробно вникал в потребность новых русских подданных и тем заставлял их любить Россию».

Историк Ф. А. Бюллер вспоминал, что хан Джангир Букеев говорил ему: «Мы только раз и видели в наших степях человека, который соединял в себе столько доброты и честности. Подобные же отзывы я слышал и под сенью кибиток. Завиден жребий дипломата, когда ему удается привить соседнему народу любовь к стране, которой он есть представитель»²³. Да и сам А. И. Левшин с удовольствием признавался: «Обстоятельство это дало мне счастливую мысль заняться разбором архива, а

¹⁸ На память юбилея А. И. Левшина. С. 14—15.

¹⁹ Болдырев Н. Указ. статья.

²⁰ Там же.

²¹ Материалы по истории Казахской ССР (1785—1828 гг.). М.; Л., 1940. Т. 4. С. 365—366.

²² Там же. С. 425—432.

²³ На память юбилея А. И. Левшина. С. 15.

плодом этого труда, равно как и моих частных поездок в киргизскую степь и беспредельных отношений с ханом и султанами киргизскими, было изданное мною «Описание киргиз-кайсацких орд и степей»²⁴.

На принципиальность позиции А. И. Левшина как исследователя казахских степей, вероятно, повлияло то обстоятельство, что в этот период не только возобновляются, но даже усиливаются его контакты с участниками освободительного движения, часть из которых отбывала наказание в этих местах. Общался он и с представителями окружения движения декабристов, находившихся в Оренбурге.

Здесь А. И. Левшину представилась новая возможность, близко познакомиться с В. Д. Вольховским, Г. С. Карелиным, Г. Ф. Генсом. Касаясь источниковедческой базы своего основного исследования, А. И. Левшин особо подчеркивал, что научные материалы им получены от участников экспедиции Ф. Негри и Ф. Берга²⁵. Указывать имя полуопального В. Д. Вольховского исследователь не стал. Однако косвенно он называл его фамилию (В. Д. Вольховский в обеих экспедициях был квартирмейстером и поэтому его материалы представили наибольшую ценность)²⁶.

Работа в Оренбургском крае для А. И. Левшина была чрезвычайно плодотворной. На основе собранных материалов он задумывает целую серию статей по истории, географии и этнографии края. Одна из них «Путевые заметки. Свидание с ханом меньшей киргиз-кайсацкой орды Ширгазы. 16 октября 1820 г.»²⁷ вышла в свет, когда автор данной публикации находился еще в Оренбурге.

Впрочем, не только материалы о казахах привлекали исследователя. Он интересовался и уральским казачеством. Большая работа о прошлом и настоящем уральского казачества была написана им в Оренбурге, а в 1823 г. она появилась в «Северном архиве»²⁸. В до-

²⁴ На память юбилея А. И. Левшина. С. 15.

²⁵ Левшин А. И. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 1. С. 25—33, 76—77.

²⁶ Галиев В. З. Декабристы в Казахстане // История. Вып. 6. Алма-Ата, 1973. С. 167; Первые русские научные исследователи Усть-Урга. М., 1963. С. 87—113.

²⁷ Вестник Европы. 1820. № 23. Ч. 114. С. 129—139.

²⁸ Левшин А. И. Историческое и статистическое обозрение (земля и состояние) Уральских казаков // Северный архив. 1823. Ч. 6—7. № 12—15.

революционной историографии эта статья оценивалась высоко: например, составители «Русского биографического словаря» считали, что «этот труд представляет, с одной стороны, отчет разработки исторических материалов нашего прошлого, а с другой — несколько данных о состоянии Уральского войска 50 с лишком лет тому назад, и как единственный источник по этому вопросу надолго сохранил свое значение, пока не появились новые материалы в более тщательной разработке»²⁹.

В 1823 г., не позднее июня, А. И. Левшин вернулся в Петербург. Здесь он входит в круг петербургских знакомых (А. О. Корнилович, Г. И. Спасский, В. Ф. Тимковский, Е. Ф. Тимковский, семья Корсаковых). В письме от 10 июля 1823 г. к С. И. Корниловичу А. О. Корнилович писал из Петербурга: «Завтра будет у меня Казнacheев (приятель А. С. Пушкина по Одессе — В. Г.), будущий его (М. С. Воронцова — В. Г.) правитель канцелярии и Левшин — мой друг и искренний приятель, который много наслышался о Вас доброго от В. Ф. Тимковского»³⁰.

По возвращении в Петербург А. И. Левшин мог иметь встречи в востоковедом Н. Я. Бичурином, только что прибывшим из Пекина³¹. Во всяком случае, личные отношения А. И. Левшина и Н. Я. Бичурина возможны были в определенный период — или в 1823 году, или после 1826 года.

Более точно можно говорить о связях А. И. Левшина с журналом «Северный архив». Сохранилось письмо А. И. Левшина редактору «Северного архива» Ф. В. Булгарину, датируемое 1823 или 1824 г. (в те годы Ф. В. Булгарин еще не писал своих доносов в III отделение, пользовался репутацией либерала, был приятелем А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, К. Ф. Рылеева). А. И. Левшин писал Ф. В. Булгарину: «Много благодарю Вас за принятие на службу моих казаков, а еще более за присылку архива. Давно бы поручил я покровительству Вашему еще несколько новых детей моих, но служба не дает мне времени заняться образованием их. Видеть же свои

²⁹ Русский биографический словарь. Спб., 1914. С. 159.

³⁰ Корнилович А. О. Сочинения и письма. М.; Л., 1957. С. 253.

³¹ Скачков П. Е. Очерки истории русского востоковедения. М., 1977. С. 102.

произведения в свете без всякого воспитания отеческому сердцу больно»³².

Это письмо интересно также тем, что отражает сложный период жизни А. И. Левшина, деформацию его мировоззрения под влиянием столкновения с действительностью, о чем свидетельствуют следующие строки: «Давно знал я, что наша Фемида редко ладит с музами, теперь еще более в том уверен. Но делать нечего, не нам, людям политически и физически привязанным к послужным спискам, суждено примирить их. Бьюсь об заклад, что Гомер, Тацит, Гораций, если бы они жили с нами, не обошлись бы без 14 класса»³³. И эти же обстоятельства А. И. Левшин в этом же письме называет препятствиями.

В конце 1823 или начале 1824 г. у А. И. Левшина была готова статья о средневековом городище в казахских степях — Сарайчике. По этому поводу А. И. Левшин писал редактору «Северного архива» Ф. В. Булгарину: «Желая сдержать мое слово, посылаю вам известие о Сарайчике, обещанное к одному из примечаний к статистическому обозрению Уральских казаков. Думаю, что статья сия не замарает почтенного архива вашего. Если так, то одолжите меня отпечатанием оной 30 экземпляров на белой бумаге отдельно. Монеты, о которых я в ней говорю, ожидают Ваших приказаний. Если Вы с Френом в сношениях и если он возьмется их объяснить, уведомите меня. Они невредимы с этого дня, как увидели во второй раз свет; я даже не сводил с них ржавчины, я боялся их тронуть»³⁴. Статья о Сарайчике была опубликована довольно быстро — в феврале 1824 года³⁵.

Круг общения и связей А. И. Левшина после возвращения из Оренбурга способствовал быстрой работе исследователя над материалами по географии и истории казахского края. Уже прорисовывались новые вопросы, новые темы. В упомянутом выше письме к В. Ф. Булгарину исследователь обещал «с душевной преданностью,

³² Цит. по: Никсанов Н. П. Из архива Ф. В. Булгарина // Русская старина. 1905, № 4. С. 210. (Речь идет о только что опубликованной работе об Уральском казачестве — «Историческом и статистическом обозрении Уральских казаков» (Северный архив. 1823. Ч. 6, № 12. С. 381—399; № 13. Ч. 7. С. 1—21).

³³ Цит. по: Никсанов Н. П. Указ. статья. С. 210.

³⁴ Там же.

³⁵ Известие о древнем татарском городе Сарайчике // Северный архив. 1824. № 4. Ч. 9. С. 179—190; 1825. Ч. 18. № 24. С. 318—339.

с надеждой прислать в скором времени несколько киргизских воспоминаний»³⁶. Так, в 1823—1824 гг. А. И. Левшин думал о завершении своих замыслов. Однако увлечение собранным материалом, множество нене-включенных источников, разнообразие вопросов и варианты их изложения затягивали работу.

Интерес к казахской проблематике у А. И. Левшина был столь велик, что он продолжал ее разработку и в период пребывания в Одессе. Так, именно в это время вышла его новая статья «О просвещении киргиз-кай-саков»³⁷.

Переезд из Петербурга не прервал и его связей с декабристским окружением. Ведь сослуживцем А. И. Левшина по канцелярии новороссийского генерал-губернатора М. С. Воронцова в 1823—1824 гг. был А. С. Пушкин. По свидетельству И. П. Липранди, бывшего в кругу Южных декабристов и привлеченного к следствию по делу 14 декабря 1825 г., «в Одессе было общество, которое могло занимать во всех отношениях... Мне казалось, что он (А. С. Пушкин — В. Г.) не то чтобы избегал безусловно, но и не искал быть в кругу лиц, шедших тем же литературным путем, как и он. Из них сослуживцами ему были А. И. Левшин и В. И. Туманский; первого находил он слишком серьезным прозаиком»³⁸. Другой одесский старожил прямо утверждал: «Пушкин особенно близок был с Алексеем Ираклиевичем Левиным, с Александром Николаевичем Раевским, который жил тогда в Одессе и имел на нашего поэта какое-то господствующее влияние, с братом его Николаем, который приезжал иногда в Одессу»³⁹.

Работа А. И. Левшина в Одессе явилась продолжением его личных и идеальных связей с членами Южного общества декабристов. Из приведенных данных видно, что не только продолжаются, но и развиваются отношения с А. С. Пушкиным. Среди окружения А. И. Левшина были декабристы: братья Раевские, И. П. Липранди. Известно, что круг декабристов в Одессе был широким, они поддерживали связи с Кишиневом, Киевом, Каменкой. Можно утверждать, что круг общения А. И. Левши-

³⁶ Цит. по: Пиксанов Н. П. Указ. статья. С. 210.

³⁷ Северный архив. 1825. № 24. Ч. 18. С. 313—332.

³⁸ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1985. Т. 1. С. 354.

³⁹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. С. 354.

на в Одессе был гораздо разнообразнее, чем известно до сих пор. В этом окружении продолжалось формирование, под влиянием исторических воззрений декабристов, взглядов историка, адекватных передовому уровню исторических идей в России и за рубежом.

После возвращения из ссылки А. С. Пушкин задумал издание журнала в Москве силами своих друзей-литераторов. Таким журналом стал «Московский вестник».

В феврале 1827 г. А. С. Пушкин в хлопотах по журналу обращается к своему одесскому приятелю поэту Василию Ивановичу Туманскому с просьбой о присылке материалов для журнала. Есть основания считать, что впоследствии А. И. Левшин сотрудничал в журнале «Московский вестник». На полях письма приписка: «Нельзя ль чего от Левшина?». Пушкин просил выслать все для «Московского вестника» на свой адрес, а жил он тогда в доме издателя журнала М. П. Погодина. Вызывала сомнение приписка на странице пушкинского письма: «Нельзя ль чего от Левшина?». Анализом фрунзенского литературоведа Л. А. Шеймана доказано, что приписка сделана рукой самого А. С. Пушкина.

Вполне естественно, заботясь о журнале и его проблематике, А. С. Пушкин не мог не обратиться к трудам А. И. Левшина. В начале марта того же 1827 года В. И. Туманский отвечает в Москву: «У Левшина возьму славную для Вас статью из 3 тома его описания киргизов...»⁴⁰. Эта новая статья вскоре и появилась — «Об имени киргиз-кайсацкого народа и отличии его от подлинных или диких киргизов»⁴¹.

К этому периоду у А. И. Левшина появился сильный оппонент Г. И. Спасский. До 1825 года он продолжал издание «Сибирского вестника», а в указанном году изменил название своего журнала. В «Азиатском вестнике» опубликованные им дневники путешествий положили начало источниковедению истории казахского народа. В середине 20-х годов Г. И. Спасский опубликовал большую серию статей по вопросам, близким к истории, этнографии и географии казахского края. Среди них статьи: «Посольство из Тобольска к Бутухму-хану Зунгарскому», «Обозрение Джунгарии», «Замечание о торговле бухарцев», «О сибирских соляных промыслах»,

⁴⁰ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М., 1948. Т. 13. С. 322.

⁴¹ Московский вестник. 1827. № 16. Т. 4. С. 432—451.

статью об историке Абулгазы, «Замечания о древности в киргиз-кайсацкой степи», описания Бухары, Алтайских рудников, о странствованиях Габайдуллы Амирова, «Письма из Сибири» П. Словцова, «Путешествие на Восток г. Рихтера в 1815—1816 гг.» и другие. По богатству и разнообразию своих материалов «Сибирский вестник» и «Азиатский вестник» являлись наиболее содержательными изданиями своего времени, известными всей прогрессивной общественностью России. В 1825 году А. С. Пушкин просил у брата прислать «Сибирский вестник» весь. Комплект журнала за 1818—1824 гг. имелся в его библиотеке⁴². Известно, что Г. И. Спасский представлял А. С. Пушкину материалы для исторических изысканий. Влияние Г. И. Спасского на творчество А. И. Левшина очевидно.

Левшин ревностно наблюдал за деятельностью Г. И. Спасского, торопливо собирая новые материалы, торопливо их обрабатывал. Сделать все спокойно и так, как хотелось бы, не позволяли служебные обязанности. Тем более, что неизвестен был результат. Однако наряду с работами Г. И. Спасского источниковой основой исторических разысканий А. И. Левшина были труды известного синолога Н. Я. Бичурина. Линия личных связей между ними могла идти через А. С. Пушкина. Известно, что А. С. Пушкин и Н. Я. Бичурин были лично знакомы. Как утверждает Д. И. Белкин, знакомство современников произошло в июне 1827 года⁴³. Несколько позже местом встречи была квартира писателя и философа В. Ф. Одоевского. Историк М. П. Погодин писал: «Здесь сходились веселый Пушкин и отец Никифор (Бичурин) с китайскими сузившимися глазами»⁴⁴.

Исследователи обращают внимание на то, что в конце 20-х — начале 30-х гг. А. С. Пушкин обратил внимание на работы Н. Я. Бичурина, лично принимал участие в отборе и комментировании переводов синолога для «Литературной газеты»⁴⁵. В 1830 г. А. С. Пушкин подал официальное обращение: «Я хотел бы совершить путе-

⁴² Алексеев М. П. Пушкин и Китай // Пушкин и Сибирь. М.; Иркутск, 1937. С. 127.

⁴³ Белкин Д. И. Русские литераторы 20-х — начала 40-х гг. XIX в. и китаевед Н. Я. Бичурин // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения.

⁴⁴ В память о князе В. Ф. Одоевском. М., 1869. С. 56.

⁴⁵ Белкин Д. И. А. С. Пушкин и китаевед О. Иакинф (Н. Я. Бичурин) // Народы Азии и Африки. 1974. № 6. С. 133.

шествие... Я бы просил как милости посетить Китай вместе с посольством, которое туда вскоре направляется»⁴⁶.

В 1829 г. вышла книга Н. Я. Бичурина «Описание Джунгарии и Восточного Туркестана в древнем и нынешнем состоянии». Надо думать, что она дала новый импульс не только источниковым разысканиям А. И. Левшина, но и личным отношениям двух исследователей.

В конце 20-х — начале 30-х гг., благодаря покровительству Воронцова, перед А. И. Левшиным открылись большие возможности для продолжения научной работы. Он бывает в Петербурге, продолжает сбор архивных и литературных материалов. Вполне вероятно, что для разработки интересующей его темы А. И. Левшин использовал и представлявшиеся ему возможности ознакомления с материалами, хранящимися в крупнейших библиотеках Европы. В 1826 г. он был командирован во Францию, Италию, Австрию для ознакомления с карантинными учреждениями⁴⁷.

Активизация источниковедческой работы позволила А. И. Левшину к началу 30-х гг. в основном завершить главный труд своей жизни «Описание киргиз-кайсацких или киргиз-кайсацких орд и степей». Об этом свидетельствует появившаяся на страницах издаваемой А. С. Пушкиным и А. Дельвигом «Литературной газеты» его статья «Этнографические известия о киргиз-кайсацких ордах. Выписка из сочинения А. И. Левшина». Публикации предшествовала аннотация редакции, в которой говорилось о большой работе, проделанной автором: «Почтенный автор долго путешествовал по киргизской степи и

⁴⁶ Пушкин А. С. Поли. собр. соч. М., 1937—1949. Т. 6. С. 129—220.

⁴⁷ Во время командировки А. И. Левшин в Риме (в 1826 г.) познакомился с К. Брюлловым, с которым сохранил дружеские отношения. В конце 1835 г. при очередном возвращении из Рима в Петербург художник останавливался в Одессе. Он прожил почти две недели в доме А. И. Левшина. По этому поводу А. И. Левшин писал своему петербургскому приятелю А. С. Норову: «У нас был здесь недавно знаменитый по кисти и любезный по характеру своему Карл Брюллов. Надеюсь, что все russкие отдают справедливость Одессе, что она приняла его как следовало. Когда Италия — колыбель изящных искусств — носила его на руках, непростительно было бы russким хладнокровно встретить такого соотечественника на первом шаге в земле russкой. Он жил у меня в доме, и сам я, равно как жена моя, мы искренне его любили и проводили в Петербург как будто родного. (Сажин В. Одесский приятель А. С. Пушкина // Вечерняя Одесса. 1983, 7 мая).

собирал всевозможные сведения о народе, кочующем по-оной. Лестное доверие автора познакомило нас отчасти с его сочинением... И мы скажем, что у нас редко появляются книги, столь богатые учеными изысканиями, столь знаменитые по своему предмету и по образу воззрения сочинителя... Г. Левшин скоро напечатает сочинение свое вполне. Это будет новый и богатый вклад, приносимый русскими учеными в общее европейское хранилище сведений об Азии»⁴⁸.

Сочинение А. И. Левшина «Описание киргиз-кайсачьих или киргиз-кайсацких орд и степей» в трех книгах было опубликовано в октябре или ноябре 1832 г. в петербургской типографии Карла Крайя. Книга появилась совершенно неожиданно, хотя завершено было написание ее намного раньше. Цензурное разрешение на издание было дано в мае 1831 г. Если иметь в виду, что в 1828 г. автор для своей работы еще собирал материалы в Париже, а в 1831 г. речь идет о завершенной работе, то можно приблизительно определить и год завершения написания труда (1830 г.).

Труд А. И. Левшина является не столько результатом литературных и архивных разысканий, сколько плодом «частных поездок в киргизскую степь и беспрерывных отношений с ханом и султанами киргизскими»⁴⁹. По определению К. Ф. Германа и И. Я. Шмидта, «материалы собраны им частично из собственных наблюдений на самом месте, частью из архивов здешнего Азиатского департамента и Оренбургской пограничной комиссии, частью почерпнуты из прежде уже существовавших более или менее известных источников»⁵⁰.

Важное значение имела публикация в качестве приложения подробной карты региона. Современниками она была оценена высоко: «Приложенная к географической части карта служит украшением книги и новым свидетельством верного такта и ученой добросовестности автора: ибо он по справедливости отвергнул все прежние, наполненные погрешностями карты, исключая той, которая составлена бароном Мейendorфом, и, придер-

⁴⁸ Литературная газета. 1831. № 2. Т. 3. С. 11—12; № 3. С. 19—22.

⁴⁹ На память юбилея А. И. Левшина. С. 15.

⁵⁰ Отчет Санкт-Петербургской Академии наук о третьем присуждении учрежденных камердинером П. Н. Демидовым премий за 1833 год. Спб., 1834. С. 5—6.

живаясь сей последней, пополнил ее только измерениями и определениями мест, учиненными в последние 15 лет в тамошнем крае сведущими инженерами и географами-офицерами по распоряжению правительства»⁵¹.

Как указывал сам А. И. Левшин, этнографическая часть монографии «есть плод собственных моих наблюдений и замечаний, которые неоднократно сверял с показаниями самих киргиз-кайсаков и с мнением людей, наиболее знающих сей народ»⁵². Эта часть состоит из тридцати двух разделов.

Книга А. И. Левшина восторженно была встречена русским обществом. Об этом свидетельствуют сообщения русских журналов и известных востоковедов. Рецензент «Московского телеграфа» писал: «Мало выходит на русском языке книг, написанных так хорошо, составленных с таким тщанием и обольщенных таким множеством любопытных сближений и замечаний. Это сочинение истинно европейское, и нет сомнения, что когда переведут его на французский язык, оно обратит на себя внимание всех ученых людей и послужит для них рассадником новых сведений». Говоря о значении издания, он подчеркивал: «...мы, русские, можем гордиться тем что наши соотечественники познакомили свет с землями, лежащими по ту сторону Каспийского моря... Все сии сочинения не сборники поверхностных сведений, не легкие очерки предметов известных или богатых пособиями для описания, а оригинальные труды, изыскания, сказания очевидцев»⁵³. Вполне вероятно, что автором этой рецензии был Н. А. Полевой.

Анализируя работу, «Северная пчела» прямо утверждала: «Подобные сочинения приносят большую пользу в настоящем, служа к распространению познаний в нашем отечестве и его событиях, но еще более важны для будущих писателей, которым представляют богатый запас материалов»⁵⁴. Об исторической части тот же рецензент писал: «Сия часть заслуживает особого внимания по важности предмета, новости оного, и по любопытным сведениям, изложенным с возможною точностью, принимая в уважение скучность материалов».

⁵¹ Отчет Санкт-Петербургской академии наук... С. 6.

⁵² Левшин А. И. Описание киргиз-кайсачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. I. С. 36.

⁵³ Московский телеграф. 1832. № 24. С. 545.

⁵⁴ Северная пчела. 1832. № 272. 11 ноября.

Работа А. И. Левшина заслуженно привлекла внимание Академии наук. Она была представлена к присуждению Демидовской премии. Один из рецензентов профессор Петербургского университета статистик К. Ф. Герман считал, что «достоинство путешествий в странах невозделанных и еще мало известных определяется массою собранных об них достоверных сведений, ибо здесь не столько можно притязать на обширные взгляды и особенно на изящное изложение, сколько в описании земель образованных и часто посещаемых путешественниками, и если по этой самой причине предстоящее сочинение местами утомляет читателя, то, с другой стороны, тем более выигрывает в ученом отношении»^{55–61}.

Другой рецензент Исаак Яacob Шмидт был известным ориенталистом, одним из основоположников монголоведения. Он хорошо изучил калмыцкий и тибетский языки. Издал грамматику и словарь монгольского языка, словарь тибетского языка, исторические предания монгольского народа. В своем отзыве он был более конкретен и подходил к работе А. И. Левшина как професионал. По его мнению, Левшин «по незнанию восточных языков должен был прибегнуть к европейским источникам, и в выборе их был не столь счастлив, сколько жалала Академия для пользы и совершенства. Он мог бы притязать на полную премию, если б избежал в своей книге погрешностей, указанных ему не по какой-либо излишней взыскательности, но по самой строгой любви к истине»⁶².

Исследование А. И. Левшина и в более поздний период оценивалось русской научной общественностью как выдающееся достижение. Так, известный востоковед В. А. Григорьев в середине XIX в. писал: «Описание киргиз-кайсацких орд и степей» по заключающимся в нем сведениям останется навсегда неизменным источником»⁶³.

^{55–61} Отчет Санкт-Петербургской Академии наук о третьем присуждении учрежденных камердинером П. Н. Демидовым премий за 1833 год. Спб., 1834. С. 6.

⁶² Отчет Санкт-Петербургской Академии наук о третьем присуждении учрежденных камердинером П. Н. Демидовым премий за 1833 год. С. 7.

⁶³ ЦГИА СССР, ф. 853, оп. 2, д. 210, л. 7.

Высоко оценивали объективный характер исследования А. И. Левшина Ч. Ч. Валиханов, который назвал его Геродотом казахского народа⁶⁴, и П. П. Семенов-Тян-Шанский, считавший произведение А. И. Левшина прекрасным⁶⁵.

В целом труд А. И. Левшина написан с позиций дворянской историографии, хотя в нем и заметно влияние буржуазного мировоззрения^{66–72}. Историк Э. А. Масанов считал взгляды А. И. Левшина буржуазными⁷³. Трудно согласиться с такой переоценкой зрелости мировоззрения А. И. Левшина.

А. И. Левшин был прежде всего историком, человеком глубоких и разноплановых интересов. Его мировоззрение формировалось в среде передовой российской интеллигенции. И поэтому не случайно становление современной историографии Казахстана связано с его именем. А. И. Левшин был одним из видных историков казахского народа, крупным общественным и государственным деятелем⁷⁴. Его связи с декабристами были раз-

⁶⁴ Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений: В 5 т. Алма-Ата, 1963. Т. 1. С. 122, 360.

⁶⁵ Семенов-Тян-Шанский П. П. История полувековой деятельности императорского Русского географического общества. Спб., 1886. Ч. 1. С. 3.

^{66–72} Ерофеева И. В. Европейское просвещение XVIII века и становление научной историографии Казахстана (середина XVIII — первая половина XIX в.) // Вопросы историографии и источниковедения Казахстана: Дореволюционный период. Алма-Ата, 1988. С. 50—86.

⁷³ Масанов Э. А. Очерк истории этнографического изучения казахского народа в СССР. Алма-Ата, 1966. С. 120.

⁷⁴ В 1831 г. А. И. Левшин был назначен одесским градоначальником. За время пребывания его в Одессе им были основаны: газета «Одесский вестник» и городская публичная библиотека. В 1838 г. он был назначен Иркутским гражданским губернатором, но по болезни не мог отправиться к месту назначения и был причислен к Министерству внутренних дел. В 1844 г. назначен управляющим 3-го департамента Министерства государственных имуществ, а в 1855—1859 гг.—сенатором и товарищем Министра внутренних дел. Левшин играл важную роль в деле подготовки реформы 1861 г.: ему было поручено составить краткий исторический обзор крепостного права в России. По предложению Левшина, в 1857 г. был сформирован особый секретный комитет, в состав которого он хотя и не вошел, но тем не менее разработал основные принципы реформы

нообразными и широкими. Это относится к его мировоззрению и личным отношениям.

Важно выделить три периода в общении А. И. Левшина с декабристами и их окружением: петербургский, оренбургский, одесский. Первый — петербургский, prawdoverno рассматривать как этап в формировании идеинных убеждений и профессиональных навыков историка. Во время пребывания же в Оренбурге А. И. Левшин в окружении политических ссылочных непосредственно общался с казахским народом, а живя в Одессе он поддерживал отношения с А. С. Пушкиным, членами Южного общества декабристов, завершил разработку своей исторической концепции на материалах истории казахского народа.

Творческая история основных трудов А. И. Левшина складывалась в период формирования декабристской идеологии. Это было время расцвета дворянской историографии, связанной с деятельностью Н. М. Карамзина, период интенсивного развития исторических воззрений декабристов. Как и для декабристов, для Левшина исторические исследования имели не только практический, но и научный интерес. Он был знаком с трудами историков-декабристов Г. Батенькова, В. Штейнгеля, А. Корниловича, Н. Бестужева, Н. Муравьева, М. Лунина, К. Рылеева, В. Сухорукова, Н. Тургенева, П. Пестеля и других и являлся сторонником высказанных ими положений.

Вслед за декабристами, обогатившими источниково-ведение отечественной истории, признававшими закономерность исторического процесса, раскрывшими историю русского народа в основных его связях и особенностях, А. И. Левшинставил цель резко расширить источникниковую основу и проблематику истории казахов по сравнению с предшественниками, искал причинно-следственные связи в исторических событиях.

Демократизм мировоззрения А. И. Левшина повлиял на его отношение к истории, культуре казахского народа, позволил ему при изучении казахских степей хотя бы частично отойти от стереотипов, традиционных для

дворянской историографии, рассматривавшей казахов как отсталый кочевой народ. Как и декабристы, он стремился к глубокому теоретическому осмыслению исторического процесса.

оставалась за ним. В докладе (26 июня) и особой записке Левшин наметил общие основания реформы, проводя ту мысль, что за помещиками должно быть сохранено право собственности на землю и что реформа должна проводиться с большей постепенностью. Когда восторжествовало течение, стоящее за собственность крестьян на землю с вознаграждением помещиков и за одновременность реформы, Левшин составил исправленный Ланским и Муравьевым проект, вылившийся в форму знаменитого реескрипта Назимову. (Русский биографический словарь. Спб., 1914. С. 160). Умер А. И. Левшин в 1879 г. и погребен в фамильном склепе села Пожилино Тульской губернии. А в 1896 г. умерла и его вдова Елизавета Федоровна Левшина-Брискори. (Милонов М. Н. Русские писатели и Тульский край. Тула, 1971. С. 197).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
ДЕЯТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ 20-Х ГГ. XIX В.,
СВЯЗАННЫХ С КАЗАХСКИМ КРАЕМ

Абрамов Д. — политический ссыльный, участник выступления Семеновского полка в 1820 г. В 30—40-е гг. работал в Пограничном управлении сибирских киргизов (ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, л. 215, л. 5—6).

Алексеев А. — капитан Оренбургского гарнизонного полка, член Оренбургского тайного общества (*Колесников В. П. Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату. Спб., 1914. С. 114.*)

*Ахметьев** — колл. регистратор в гражданской канцелярии Оренбургского военного губернатора, член Оренбургского тайного общества (*Колесников В. П. Записки несчастного... С. 114.*)

Батеньков Г. С. — декабрист. В 1817—1823 гг. работал в Западной Сибири и Сибирском комитете. В конце 40-х гг. состоял на службе в Пограничном управлении сибирских киргизов (Восстание декабристов: Материалы. Л., 1925. Т. 8. С. 142—143; Г. С. Батеньков // Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма. М., 1927. Т. 1. С. 11—12).

Басаргин И. В. — декабрист. В 1846—1848 гг. работал в Пограничном управлении сибирских киргизов (Восстание декабристов. Т. 8. С. 29; Деятели... Т. 1. С. 10—11).

Беляев А. П. — декабрист. В 1848—1857 гг. жил в Оренбургской губернии (*Рабинович М. Д. Декабристы в Башкирии и Оренбургском крае. // Материалы научной сессии, посвященной 400-летию добровольного присоединения Башкирии к России. Уфа. 1958. С. 155; ООА, оп. 6, д. 13420; Восстание декабристов. Т. 8. С. 278; Деятели... Т. 1. С. 15—16.*)

Бестужев П. А. — декабрист. В 1826 г. временно находился в Кизылском оренбургском гарнизоне (Восстание декабристов. Т. 8. С. 278; Деятели... Т. 1. С. 20).

Бобылев — хорунжий Оренбургского казачьего полка, участник Оренбургского тайного общества (*Колесников В. П. Записки несчастного... С. 114.*)

* Ряд фамилий дан без указания инициалов, так как они не определены в источниках, используемых автором.

- Бодиско М. А.*— декабрист, член Северного общества. В 1826 г. отправлен в Бобруйск на каторжные работы. В 1831 г. определен рядовым на Кавказ, в 1838 г. уволен со службы в чине прапорщика. Позже был на Манышлаке. (Восстание декабристов. Т. 8. С. 39; Деятели... Т. 1. С. 24).
- Бодиско Б. А.*— декабрист. Летом 1826 г. находился в «далких гарнизонах» в Прииртышье. Осенью переведен на Кавказ (Восстание декабристов. Т. 8. С. 39; Деятели... Т. 1. С. 24).
- Боровков А. П.*— состоял в ранних декабристских организациях. В период следствия и суда над декабристами являлся секретарем следственной комиссии. Выступил в печати с очерком «Поездка в Илецкую защиту» (Нечкина М. В. Движение декабристов. М., 1955. Т. 1. С. 257).
- Бубнов 1-й*— служащий гражданской канцелярии Оренбургского военного губернатора, участник Оренбургского тайного общества (Колесников В. П. Записки несчастного... С. 114).
- Бубнов 2-й*— служащий гражданской канцелярии, участник Оренбургского тайного общества (Колесников В. П. Записки несчастного... С. 114).
- Быстрицкий А. А.*— декабрист, член Южного общества. В 1826 г. находился в Семипалатинске. Позже переведен на Кавказ (Восстание декабристов. Т. 8. С. 46).
- Веденяпин А. В.*— декабрист. В 1826 г. временно находился в Семипалатинском гарнизоне, позднее переведен на Кавказ (Восстание декабристов. Т. 8. С. 53; Деятели... Т. 1. С. 34).
- Величко П.*— руководитель Оренбургского тайного общества. Имел широкие связи. В 1808 г. совершил путешествие в Хиву (Рабинович М. Д. Новые данные по истории Оренбургского тайного общества // Вестник АН СССР. 1958. № 7. С. 106; Деятели... Т. 1. С. 34—35).
- Ветошиников В. В.*— хорунжий Оренбургского казачьего полка, член Оренбургского тайного общества (Рабинович М. Д. Новые данные... С. 106; Деятели... Т. 1. С. 35; ЦГВИА СССР, ф. 801, оп. 70/11, отдел II, д. 24, л. 12).
- Вишневский Ф. Г.*— декабрист, член Северного общества. В 1826—1828 гг. находился в Троицком гарнизоне, затем переведен на Кавказ (Восстание декабристов. Т. 8. С. 297; Деятели... Т. 1. С. 36).
- Вольховский В. Д.*— декабрист, член Северного общества. В 1820—1825 гг. служил в Оренбурге и Западном Казахстане. Бывал в Хиве и Бухаре. Имел широкие связи в Казахстане и Петербурге (Восстание декабристов. Т. 8. С. 50; Деятели... Т. 1. С. 32).
- Вронский Л.*— член «Общества военных друзей». В 1827—1830 гг. содержался в Омском каторжном остроге, затем в 1829 г. переведен рядовым в Петропавловский батальон (Восстание декабристов. Т. 8. С. 299; Деятели... Т. 1. С. 39).
- Высоцкий И.*— член Общества военных друзей. С 1827 г. находился в Усть-Каменогорской крепости, с 1829 г.— в Семипалатинском батальоне, а с 1830 г.— рядовой Петропавловского третьего линейного батальона (Восстание декабристов. Т. 8. С. 240; Деятели... Т. 1. С. 40).
- Герман Ф. И.*— член Оренбургского тайного общества. Писатель, автор произведений из жизни казахов и башкир.

- Глинка С.* — член Северного общества, автор романа «Киргиз-Кайсак».
- Горожанский А. С.* — декабрист. В 1826—1830 гг. находился в седьмом Оренбургском батальоне (*Восстание декабристов*. Т. 8. С. 307; *Деятели...* Т. 1. С. 47).
- Дементьевич М.* — прапорщик Железинского батальона, член Оренбургского тайного общества (*Колесников В. П. Записки несчастного...* С. 114).
- Дружинин Х. М.* — портупей-прапорщик Оренбургского гарнизонного полка. Член Оренбургского тайного общества (*Деятели...* Т. 1. С. 57—58; *Рабинович М. Д. Новые данные...* С. 107; ЦГВИА СССР, ф. 801, оп. 70/11, отдел 1, д. 24, л. 12).
- Дыньков В. С.* — участник Оренбургского тайного общества (*Колесников В. П. Записки несчастного...* С. 114; ЦГВИА СССР, ф. 801, оп. 70/11, отдел II, д. 24, л. 12).
- Друцкий-Горский О. Ю.* — декабрист, во второй половине 30—40-х гг. работал в Омске в Пограничном управлении сибирских киргизов (*Деятели...* Т. 1. С. 47).
- Егоров* — унтер-офицер Оренбургского гарнизонного полка, член Оренбургского тайного общества (*Деятели...* Т. 1. С. 61).
- Жемчужников А. А.* — декабрист, за принадлежность к тайной организации переведен в Оренбург. В 1823—1842 гг. служил в Оренбургском kraе (*Восстание декабристов*. Т. 8. С. 316).
- Зайцев С. Г.* — декабрист, с 1826 г. — в инвалидной команде Оренбурга (*Деятели...* Т. 1. С. 69).
- Завалишин Д.* — декабрист, автор статей о Казахстане и Средней Азии (*Деятели...* Т. 1. С. 67—68).
- Завалишин И.* — декабрист, сослан в Оренбург, в 40—60-х гг. находился на поселении в Западной Сибири (ГАОО, ф. 3, оп. 13, д. 4а, л. 1—16; *Штрайх С. Я. Провокатор Завалишина М.*, 1928).
- Иванов* — губернский регистратор в Оренбургской Пограничной комиссии, участник Оренбургского тайного общества (*Колесников В. П. Записки несчастного...* С. 114).
- Ильин* — поручик Оренбургской городской полиции, участник Оренбургского тайного общества (*Колесников В. П. Записки несчастного...* С. 114).
- Искрицкий Д. А.* — декабрист. В 1826—1828 гг. находился временно в Семипалатинском гарнизоне. Отправлен на Кавказ (*Восстание декабристов*. Т. 8. С. 321; *Деятели...* Т. 1. С. 76).
- Ишмиков* — унтер-офицер Оренбургского гарнизонного полка, член «Оренбургского тайного общества» (*Деятели...* Т. 1. С. 76).
- Карелин Г. С.* — политический ссыльный, поддерживал дружеские отношения с В. Вольховским, А. Дельвигом, Т. Г. Шевченко, К. Ордынским и др. В 1821 г. сослан в Казахстан. Служил в Оренбурге, в Рын-песках. В 30-х гг. XIX в. путешествовал по северо-восточным берегам Каспия, в 40-х — по Иртышской линии и Семиречью. Последние 20 лет жил в Гурьеве. Член Оренбургского тайного общества (*Архив АН СССР*, ф. 157).
- Кожевников Н. П.* — декабрист. В 1826 г. временно находился в Петропавловском гарнизонном батальоне. Отправлен на Кавказ (*Восстание декабристов*. Т. 8. С. 326; *Деятели...* Т. 1).
- Колесников В. П.* — портупей-прапорщик Оренбургского гарнизона, осужден как главный участник Оренбургского тайного общества. Автор воспоминаний (*Колесников В. П. Записки несчастного...* С. 114; *Деятели...* Т. 1. С. 84—85; ЦГВИА, ф. 801, оп.

70/11, отдел 2, д. 24, л. 12).

- Кольрейф Ю. П.** — член Сунгуринского кружка. В 1833—1839 гг. — рядовой Оренбургского корпуса, в 1839—1842 гг. — гражданский служащий в Оренбурге (Деятели... Т. 1. С. 85).
- Корнилович А. О.** — декабрист, автор различных сочинений о Казахстане и по истории казахских степей (Деятели... Т. 1. С. 87).
- Коновницын П. П.** — декабрист, член Северного общества. В 1826 г. временно находился в Семипалатинске. В числе других был отправлен на Кавказ (Деятели... Т. 1. С. 86—87).
- Коннов О. К.** — декабрист, с 1826 г. находился в Оренбургской инвалидной команде (Деятели... Т. 1. С. 87).
- Котов** — штабс-капитан Оренбургского гарнизонного полка, член Оренбургского тайного общества (Колесников В. П. Записки несчастного... С. 114).
- Красницкий Н.** — член Общества соединенных славян. В 1830 г. переведен на службу в Оренбургский корпус (Восстание декабристов. Т. 8. С. 332; Деятели... Т. 1. С. 89).
- Крутиков** — подпоручик Оренбургского гарнизонного полка, участник Оренбургского тайного общества (Колесников В. П. Записки несчастного... С. 114).
- Ордынский К. В.** — декабрист, член Общества военных друзей. В 1827 г. переведен в Усть-Каменогорскую каторжную тюрьму, в 1830—1842 гг. — рядовой восьмого батальона в Копале. Затем жил в Семипалатинске, имел связи с Г. Карелиным, И. Семёновым и др. (Восстание декабристов. Т. 8. С. 240; Деятели... Т. 1. С. 135).
- Оржицкий Н. Н.** — декабрист, в 1826—1828 гг. временно находился в Оренбургском гарнизоне. Отправлен на Кавказ.
- Палицын С. М.** — декабрист, член Северного общества, в 1826 г. сослан в Петропавловск, в 1829 г. — в восьмой батальон Семипалатинска, в составе топографического отряда работал в Каракалинске. В 1832 г. переведен на Кавказ (Деятели... Т. 1. С. 139; Палицын С. К запискам князя Н. С. Голицына // Русская старина. 1881. № 30. С. 192; ГАОО, ф. 3, оп. 13, д. 4, л. 67—89).
- Половоротов** — губернский регистратор в Оренбургском уездном суде, участник Оренбургского тайного общества (Колесников В. П. Записки несчастного... С. 114).
- Пфейлицер Б. Б.** — декабрист, член Южного общества. С 1826 по 1832 гг. — рядовой Уральского гарнизона (Деятели... Т. 1. С. 152).
- Родионов** — отставной подпоручик, работник Оренбургской пограничной комиссии, участник Оренбургского тайного общества (Колесников В. П. Записки несчастного... С. 114).
- Салтанов А.** — член тайного политического общества братьев Критских. С 1828 г. — рядовой, а с 1830 г. — канцелярист в Оренбурге (Рабинович М. Д. Декабристы в Башкирии и Оренбургском крае. С. 155; Деятели... Т. 1. С. 163—164).
- Свиныш П. П.** — декабрист, член Северного общества. Бывал в Оренбурге в середине 20-х гг. (Деятели... Т. 1. С. 165).
- Семенов С. М.** — декабрист, в 1826 г. прибыл в Усть-Каменогорскую крепость, в 1827—1829 гг. находился в Омске. С 1838 г. работал в канцелярии управления Западной Сибири, а в 1841—1843 гг. — в Пограничном управлении сибирских киргизов

- (Дмитриев-Мамонов А. И. Декабристы в Западной Сибири. Исторический очерк. Спб., 1905. С. 53—58; Деятели... Т. 1. С. 166—167).
- Сергевин П.— поручик конно-казачьей артиллерийской роты № 11, член Оренбургского тайного общества (Колесников В. П. Записки несчастного... С. 114).
- Сизневский В.— член Общества военных друзей. Сослан, находился в Петровавловском батальоне № 3 (Деятели... Т. 1. С. 168).
- Скорняков А. М.— политический ссыльный, в 1827—1830 гг. находился в Орске и Оренбурге.
- Смирнов П. Г.— декабрист, врач. Заведовал Оренбургским госпиталем, руководил борьбой с холерой. В 1829—1833 гг. подготовил первых казахских фельдшеров (Рабинович М. Д. Декабристы в Башкирии и Оренбургском крае. С. 154; Деятели... Т. 1. С. 169).
- Соколов А.— коллежский регистратор Оренбургского уездного суда, член Оренбургского тайного общества (Колесников В. П. Записки несчастного... С. 114).
- Сорокин Н.— участник выступления Семеновского полка. В 30—40-х гг. работал в Пограничном управлении сибирских киргизов (ЦГА КазССР, ф. 374, оп. 1, д. 215, л. 5—6).
- Соколов И.— прапорщик Оренбургского гарнизонного полка, член Оренбургского тайного общества (Колесников В. П. Записки несчастного... С. 114).
- Сорокин П.— политический ссыльный, участник выступления Семеновского полка. В 30—40-х гг. работал в Пограничном управлении сибирских киргизов.
- Старков И.— член Оренбургского тайного общества (Колесников В. П. Записки несчастного... С. 114; Деятели... Т. 1. С. 172; ЦГВИА СССР, ф. 801, оп. 70/11, отдел II, д. 24, л. 12).
- Сухоруков В. Д.— декабрист, в 1826 г. временно находился в Оренбурге. Сослан на Кавказ (Деятели... Т. 1. С. 176).
- Суханов — участник Оренбургского тайного общества (Деятели... Т. 1. С. 175).
- Сычуков — хорунжий Оренбургского казачьего полка, участник Оренбургского тайного общества (Колесников В. П. Записки несчастного... С. 114).
- Тантыков Д. П.— член Оренбургского тайного общества. Участник миссии Негри (1819) в Бухару и Хиву (Колесников В. П. Записки несчастного... С. 114; Деятели... Т. 1. С. 177; ЦГВИА СССР, ф. 801, оп. 70/11, отдел II, д. 24, л. 12).
- Тимковский В. Ф.— декабрист. В 1818—1823 гг. по долгому службе бывал в Оренбурге (Декабристы: Биографический справочник. М., 1988. С. 174).
- Титов П. П.— декабрист. В 1826 г. сослан в Омский гарнизонный полк, затем переведен во Владивосток (ЦГВИАМ, ф. 36, оп. 9/852, д. 126, л. 4—10).
- Федоров — участник Оренбургского тайного общества (Деятели... Т. 1. С. 192).
- Филиппович Н.— прапорщик конно-казачьей артиллерийской роты № 11, член Оренбургского тайного общества (Колесников В. П. Записки несчастного... С. 114).
- Фок А. А.— декабрист, член Северного общества. 17 июня 1826 г. определен в Усть-Каменогорский батальон, вскоре переведен

на Кавказ. В 1835 г. в чине прапорщика возвращен в Оренбург, в батальон № 10. Уволен из армии в 1835 г. Последние годы жизни провел в Бирском уезде (Восстание декабристов. Т. 8. С. 410; Деятели... Т. I. С. 193).

Франк Е. Е.—декабрист, в 1826—1828 гг. находился в Уральском гарнизоне (*Рабинович М. Д. Декабристы в Башкирии и Оренбургском крае. С. 153—154*).

Чебриков Н. Р.—декабрист. В 1826 г. временно находился в Петropавловском гарнизоне (Восстание декабристов. Т. 8. С. 201; Деятели... Т. I. С. 199).

Черноглазов И. М.—декабрист. В 1826 г. временно содержался в Верхнеуральском гарнизоне. Переведен на Кавказ (Восстание декабристов. Т. 4. С. 204).

Чижов Н. А.—член Северного общества. С 1833 г. зачислен рядовым в Сибирский батальон № 14. В 1839—1842 гг. работал в штабе Сибирского корпуса (Восстание декабристов. Т. 8. С. 420).

Шестаков А. Г.—унтер-офицер Оренбургского гарнизонного полка, член Оренбургского тайного общества (*Колесников В. П. Записки несчастного... С. 114; ЦГВИА СССР, ф. 801, оп. 70/11, отдел II, д. 24, л. 12*).

Шиманский Л.—штабс-капитан Оренбургского гарнизонного полка, член Оренбургского тайного общества (*Колесников В. П. Записки несчастного... С. 114*).

Юров—майор 32-го егерского полка, адъютант военного губернатора. Участник Оренбургского тайного общества (*Колесников В. П. Записки несчастного... С. 114*).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Глава I. ГРАЖДАНСКАЯ И ВОЕННАЯ СЛУЖБА ДЕКАБРИСТОВ В КАЗАХСТАНЕ ДО ВОССТАНИЯ	3
Глава II. ДЕКАБРИСТЫ В ССЫЛКЕ И ИХ ОКРУЖЕНИЕ	12
Глава III. Г. С. КАРЕЛИН — ПОЛИТИЧЕСКИЙ ССЫЛЬНЫЙ ДЕКАБРИСТСКОЙ ПОРЫ	58
Глава IV. А. И. ЛЕВШИН — ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ДЕКАБРИСТСКОГО ОКРУЖЕНИЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАЗАХСТАНА	9
Приложение. КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О ДЕЯТЕЛЯХ РОССИЙСКОГО ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ 20-Х ГГ. XIX В., СВЯЗАННЫХ С КАЗАХСКИМ КРАЕМ	126
	146